

тренд чекин

волонтер
селфи
стартап
воркшоп
эйчар
лоукостер
смартф

хайтек

С НЕОЛОГИЗМОМ ПО ЖИЗНИ

Сколько иностранных слов
способен переварить
русский язык? с. 12

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ЧУВСТВО СЛОВА И ЧУВСТВО МЕРЫ

ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ КАКИЕ-ТО РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИКИ или чиновники предлагают запретить иностранные слова. В Думе за постсоветское время даже вносился не один законопроект на сей счет, но ни один принят не был. Отчасти, наверное, потому, что идею восприняли как откровенно популистскую и несерьезную. Отчасти, возможно, потому, что, начав запрещать иностранные слова, трудно будет остановиться. Уж слишком много в русском языке заимствований.

И чем стремительнее развиваются современные технологии, тем этих заимствований становится больше. Какие-то слова приживаются в русском языке, который столетиями показывает свою способность «переваривать» неологизмы (это ведь тоже иностранное слово). Какие-то, ворвавшись было в просторечный оборот, скажем, из профессионального жаргона, тут же исчезают, словно какие-то призраки, боящиеся дневного света – в данном случае открытости всем и каждому.

Кстати, во многом укоренению тех или иных слов способствуют те же политики и общественные деятели, которые иной раз не прочь выступить за «чистоту русского языка». Скажем, «волонтер» уже почти на равных употребляется со словом «доброволец» (см. статью Владимира Емельяненко на с. 12). Но почему? Возможно, слово «доброволец» имеет свою прочную историческую коннотацию, ассоциируясь, скажем, со временем Великой Отечественной войны?

В то же время детские головы, наверное, не стоит засорять неологизмами, которые еще не вполне прижились и продолжают коржить слух своей нарочитой «иностранщиной». К примеру, не стоит засорять детские умы словечками типа «сейлзменеджер». Авось оно как-то отомрет, пока они окон-

чат школу. А вот слово «аккаунт» уже вроде прижилось. И сколько с ним ни воюй, дети от него вряд ли откажутся, тем более что «аккаунты» в соцсетях уже успели завести. Во всем важно чувство такта и чувство современности. Не впадать в архаику, но и не говорить на «новоязе». Чувство меры не всегда пропишешь в регламентах и жестких правилах. Оно либо есть, либо его нет. Впрочем, так обстоит дело не только в вопросах языкознания. ■

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-го фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

06 Спасибо, Россия!

08 Локомотив по имени КСООЛ

РУССКИЙ ЯЗЫК

12 Когда аккаунт зачекинится

ИНТЕРВЬЮ

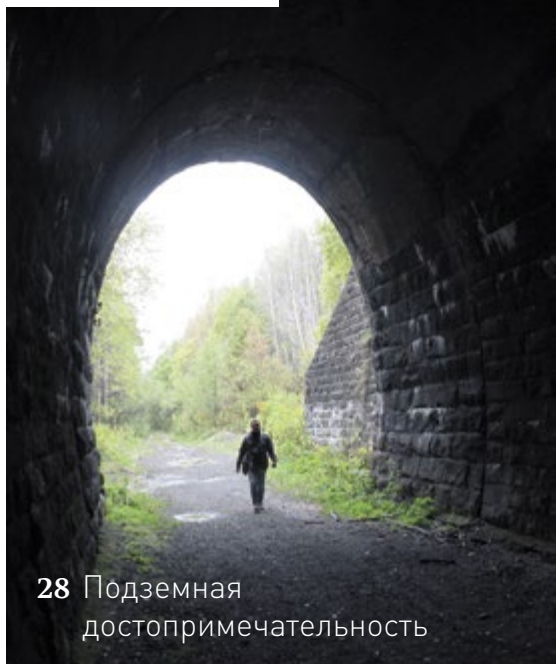
14 «Та жизнь закончилась – началась другая, но это только начало...»

ИСТОРИЯ

22 Авиатриссы

28 Подземная достопримечательность

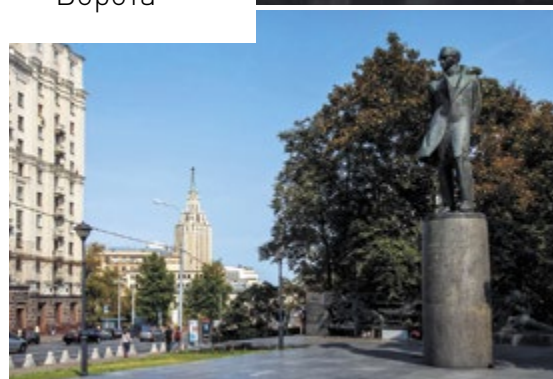
КУЛЬТУРА

34 Ожившее прошлое

НАСЛЕДИЕ

40 Ленивый труженик

48 Через Красные Ворота

56 Возлюбивший кино

64 Лучист

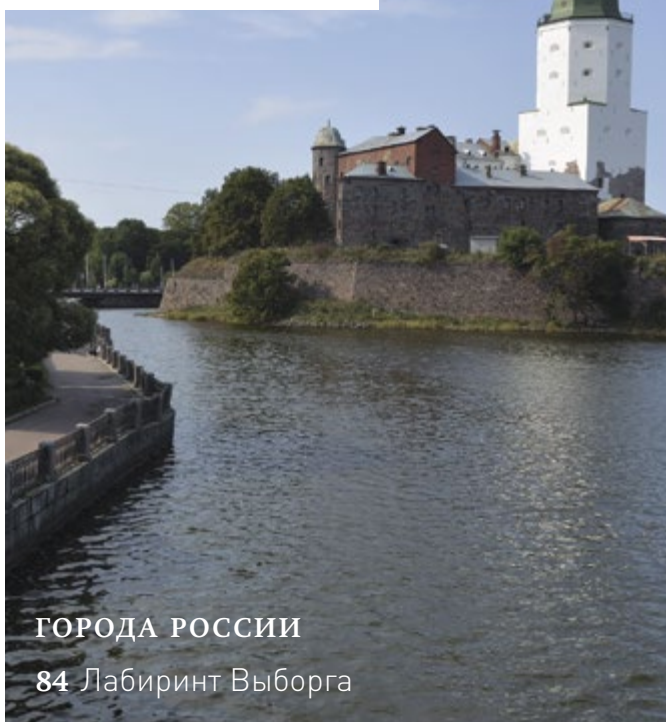

ТРАДИЦИИ

72 Барыня

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

80 Политический зачес

ГОРОДА РОССИИ

84 Лабиринт Выборга

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Максим ГУСЕВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Григорий ПЕРНАВСКИЙ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Олега БОРОДИНА

СПАСИБО, РОССИЯ!

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

25 СИРИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ, ПОБЕДИТЕЛЕЙ ОЛИМПИАД ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ, ОТДОХНУЛИ В АРТЕКЕ. ВО ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНОМ ДЕТСКОМ ЦЕНТРЕ ОНИ ПРОВЕЛИ ТРИ НЕДЕЛИ.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЬНОЙ программе Сирийской Арабской Республики (САР) появился четыре года назад. Это второй иностранный язык, изучение его начинается с седьмого класса. Сейчас два раза в неделю учатся говорить, читать и писать по-русски 15 тысяч учеников 189 школ Сирии. Четыре года назад кафедра русского языка появилась в Университете Дамаска, в республике постоянно проводятся олимпиады по русскому языку.

Именно победители одной из них – 25 сирийских девятиклассников – и приехали в международный детский центр «Артек».

ЗА УСПЕХИ В УЧЕБЕ

Поездка в Россию для отличников по русскому языку становится в Сирии традицией. В 2017 году в Артеке отдохнули 25 школьников, достигших особых успехов в изучении предмета. Вернувшись домой, они поделились своими впечатлениями, рассказав о детском центре, о Крыме и о Москве.

Год спустя мотивация участников олимпиады по русскому была столь высока, что в финал вышли 150 детей. Только дополнительный конкурс позволил отобрать 25 счастливыхчиков, которые отправились в Крым. Поездку с российской стороны организовали Министерство просвещения (до 15 мая 2018 года организацией занималось Министерство образования и науки), а также фонд «Русский мир»; с сирийской стороны – Министерство просвещения.

Хотя Крым и Сирию разделяет чуть более тысячи километров, путь детям пришлось проделать неблизкий. Из-за политической и военной обстановки авиалайнеры летают через территорию Ирана, полет из Дамаска в аэропорт

Внуково длится более пяти часов. 29 августа группа детей с сопровождающим, главным инспектором по обучению русскому языку Министерства просвещения Сирии доктором Радуаном аль-Раххалем, прибыла в российскую столицу.

ЭКСКУРСИИ ПО МОСКВЕ

Долгий перелет не помешал сирийским школьникам насладиться экскурсией по Москве. Они побывали на ВДНХ, посетили парк Зарядье, прогулялись по центру города. В группе были девятиклассники из Дамаска, Хомса, Тартуса, Алеппо, Дейр-эз-Зора и других городов.

«Спасибо, что изучаете русский язык. Уверен, Сирия преодолет все трудности и вновь станет процветающим государством. А вы, в свою очередь, станете высококвалифицированными специалистами и будете проводниками между нашими странами», – сказал исполнительный директор фонда «Русский мир» Владимир Кочин, поздравляя ребят с таким важным в их жизни событием, как поездка в Россию. Он пожелал им хорошо отдохнуть в Артеке перед новым учебным годом, познакомиться и подружиться со своими сверстниками из России и выразил уверенность, что русский язык пригодится им и во взрослой жизни.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

«ЛАЗУРНЫЙ», ЛЕС И ДВОРЦЫ

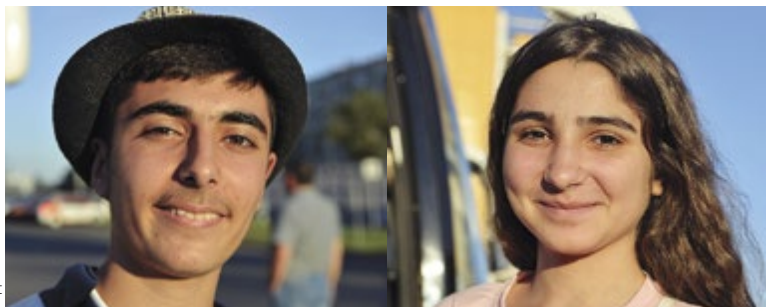
Международный детский центр «Артек», состоящий из 10 лагерей, принимает в год более 30 тысяч детей со всего мира. Расположен он в поселке Гурзуф, у подножия горы Аю-Даг, в одном из красивейших мест планеты. Школьники из Сирии гостили в лагере «Лазурный». За почти вековую историю в Артеке сформировались собственные традиции, накоплен опыт в организации отдыха и оздоровления детей и их обучения. В центре работают школы, в одной из которых занимались ребята из Сирии. Три недели российские учителя обучали гостей русскому языку. «И вожатые, и учителя в Артеке очень добрые и очень профессиональные, – рассказал доктор

Сирийские школьники
у Массандровского дворца

Радун аль-Раххаль. – После трех недель обучения все они гораздо лучше, чем ранее, знают русский язык. Дети очень довольны, они завели новых друзей, обменялись контактами и теперь будут переписываться с российскими детьми. Спасибо, Россия! Спасибо фонду «Русский мир» за эту прекрасную поездку». Сирийский специалист рассказал, что в первые дни дети очень переживали из-за того, что оказались вдали от родителей, они поддерживали связь с домом при помощи интернет-мессенджеров. Но очень скоро втянулись в жизнь лагеря и перестали скучать. Время они

Доктор Радун
аль-Раххаль

проводили не только за школьной партой. В программу входили танцы, музыка, пение, занятия рисованием. Впечатлили сирийских школьников и лесные походы по окрестностям Гурзуфа, и Черное море, ведь на 7-километровой береговой линии Артека расположено несколько детских пляжей. Русская кухня для гостей из арабской республики сначала была непривычной, но дети быстро освоились. По словам Радун аль-Раххала, все были сыты и пришли к выводу: питание в столовой Артека очень здоровое и полезное. В программу пребывания в лагере входили и экскурсии, во время которых гости оценили великолепные крымские дворцы. Интересно, что названия «Ливадийский» и «Массандровский» оказались сложны для запоминания, сирийские школьники знают эти шедевры архитектуры как дворцы Николая II и Александра III. Смена в Артеке продлилась три недели. 17 сентября в детском центре было устроено грандиозное прощание; 18 сентября, накануне отъезда, сирийских детей импровизированным концертом провожал лагерь «Лазурный». «Многие дети даже расплакались, так они не хотели уезжать, – сказал доктор Радун аль-Раххаль, – все спрашивали, можно ли остаться еще на несколько дней». В среду, 19 сентября, группа вылетела из Симферополя в Москву, а затем вечерним рейсом отправилась на родину, в Дамаск. Поездка в Россию навсегда останется в памяти и в сердцах 25 сирийских школьников.

АНДРЕЙ СЕМАШКО

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Яхья Осман,

15 лет, Тартус:

– Больше всего мне в Крыму понравились дворцы Николая II и Александра III. Из занятий – танцы и пение. У меня появились новые друзья, с которыми мы обязательно будем переписываться.

Жоэль Кабибо,

15 лет, Латакия:

– Я люблю рисовать, поэтому мне понравились уроки рисования. А еще очень удивил лес: мы были в походе три раза, и это было как в русской сказке.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЛОКОМОТИВ ПО ИМЕНИ КСООЛ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

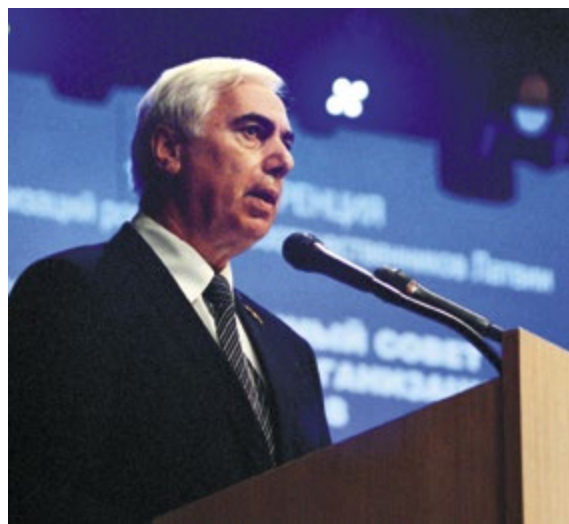
В НАШЕ ВРЕМЯ РАСПАДОВ, РАЗДОРОВ И РАЗВОДОВ ЛЮБОЙ ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ СОЮЗ ВЫЗЫВАЕТ УВАЖЕНИЕ. КАК СОБРАТЬ ВОЕДИНО И УДЕРЖАТЬ РУССКИХ ПРАВОЗАЩИТНИКОВ, РУСИСТОВ, ХОРИСТОВ, АНТИФАШИСТОВ, ИСТОРИКОВ, ВЕТЕРАНОВ И БАРАБАНЩИКОВ? ОБ ЭТОМ МОЖЕТ ПОДРОБНО РАССКАЗАТЬ БЕССМЕННЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЛАТВИИ ВИКТОР ГУЩИН, ПОД РУКОВОДСТВОМ КОТОРОГО УЖЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СОСУЩЕСТВУЕТ БОЛЕЕ 80 ОБЩЕСТВЕННЫХ ЛАТВИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ. ЮБИЛЕЙНОЙ ДАТЕ БЫЛА ПОСВЯЩЕНА 11-Я КОНФЕРЕНЦИЯ РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЛАТВИИ. НО РЕЧЬ НА НЕЙ ШЛА НЕ ТОЛЬКО О ЮБИЛЕЕ...

ПОМНЮ, КАК-ТО НА ОДНОЙ ИЗ АССАМБЛЕЙ РУССКОГО МИРА КОЛЛЕГА ИЗ ЛИТВЫ В БЕСЕДЕ ПОСЕТОВАЛ НА РАЗРОЗНЕННОСТЬ МЕСТНЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННИКОВ, КАЖДЫЙ ИЗ КОТОРЫХ ТЯНЕТ ОДЕЯЛО НА СЕБЯ, А В РЕЗУЛЬТАТЕ СОГЛАСОВАН-

НОСТИ ДЕЙСТВИЙ ДОБИТЬСЯ НЕ УДАЕТСЯ. ТО ЛИ ДЕЛО В ЛАТВИИ, ГДЕ И ДОМ МОСКВЫ СВОЙ ЕСТЬ, И КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ ВСЕГДА ВЫСТУПАЕТ ЕДИНЫМ ФРОНТОМ НА ЗАВИСТЬ ЛИТОВСКИМ И ПРОЧИМ КОЛЛЕГАМ. ДИРЕКТОР ДЕПАРТАМЕНТА ПО РАБОТЕ С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ ЗА РУБЕЖОМ

Председатель Координационного совета общественных организаций Латвии Виктор Гушин

МИД России Олег Мальгинов, обращаясь с приветствием к делегатам конференции, передал поздравление от министра иностранных дел Сергея Лаврова и благодарность КСООЛ за работу. И от себя добавил: «Ваша организация не просто лидер движения соотечественников, а один из основных его локомотивов, который задает тон всему мировому сообществу российских соотечественников». Посол РФ в Латвии Евгений Лукьянов, открывавший конференцию, также поблагодарил все русские обще-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Директор
департамента
по работе
с соотечественни-
ками за рубежом
МИД России
Олег Мальгинов

других стран. На площадке КСООЛ проходят презентации новых книг и документальных фильмов, тематические выставки, дискуссии и круглые столы. Здесь награждают победителей конкурсов и чествуют ветеранов.

Большой друг КСООЛ, заместитель директора Московского дома соотечественников Юрий Каплун напомнил, как на встрече в Риге двадцать лет назад с мэром Москвы Юрием Лужковым русская община Латвии подняла вопрос о поддержке молодежи в сфере образования. И тогда было решено выделить из фонда московской мэрии средства на стипендии для студентов из Латвии. Сейчас стипендии от мэрии Москвы получают студенты еще из семи стран, но начало этому проекту было положено соотечественниками из Латвии. За эти годы более 5 тысяч молодых людей получили высшее образование при поддержке московской мэрии.

Рига стала родоначальницей еще одного замечательного проекта – Пушкинского конкурса учителей русского языка и литературы. Идея конкурса, предложенная Русским обществом культуры Латвии, Москве понравилась, и вот уже восемнадцать лет преподаватели-русисты из 43 стран проводят Пушкинские дни в российской столице. Но, конечно, самым важным и неоценимым по своей значимости подарком стало строительство Дома Москвы в Риге, где сегодня могут собираться русскоязычные жители Латвии, их дети и внуки...

Но юбилеи приходят и уходят, а проблемы остаются. И уж коль собрались в Риге лидеры общественных организаций, самое время обсудить злободневные вопросы. Темой панельной дискуссии КСООЛ в этом году стали взаимоотношения Латвии и России и участие соотечественников в их нормализации. Модератором выступил Виктор Гущин, а открыла дискуссию экс-депутат Европарламента Татьяна Жданок, лидер «Русского союза Латвии». Накануне решением ЦИК Латвии ее имя было вычеркнуто из списков кандидатов в депутаты Сейма. Одним из оснований этого шага латвийских властей значилось и такое: Жданок поддер-

ственные организации, которые на протяжении многих лет борются за сохранение русского языка и культуры, активно противостоят фальсификации истории и уничтожению образования на родном языке.

Председатель КСООЛ Виктор Гущин напомнил историю создания самой крупной в Европе организации российских соотечественников. Летом 1998 года русская община Латвии, Русское общество в Латвии, Елгавское, Олайнское, Вентспилское, Лиепайское и Юрмальское отделения РОВЛ, а также Балто-Славянское общество образовали Русский общественный совет (РОС). Цель – координация деятельности по решению вопросов, связанных с сохранением русского языка, русской культуры, образования на русском языке, а также с решением проблемы массового «безгражданства». В августе 1998 года РОС получил название «КСООЛ». К началу 2000-х под крылом КСООЛ было уже более 40 организаций. С началом наступления властей на русское образование по инициативе активистов русского общественного движения был организован Штаб защиты русских школ, возглавивший борьбу против пресловутой школьной реформы. В 2004 году право на образование на родном языке удалось отстоять для начальных классов, детям постарше оставили 40 процентов школьных предметов на русском языке. Это был компромисс. Когда в 2017 году началась новая атака, Штаб возобновил свою работу. Борьба продолжается по сей день...

Сегодня в работе КСООЛ участвует около 80 общественных организаций российских соотечественников из всех городов и регионов Латвии. Каждый месяц в конференц-зале рижского Дома Москвы проходят заседания, на которых по очереди председательствуют руководители общественных организаций. Обсуждаются наиболее актуальные вопросы из жизни русской общины Латвии: «безгражданство», уход за воинскими памятниками и захоронениями, проведение праздничных мероприятий, встречи с экспертами, в том числе с представителями органов власти РФ, правозащитниками из России, Литвы, Эстонии и

Посол РФ
в Латвии
Евгений Лукьянов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

живает Россию в осуществлении и реализации пропаганды Русского мира. Оказывается, в стране Евросоюза приверженность Русскому миру уже сама по себе наказуема!.. «Мы уже давно говорим о необходимости сохранения русского языка в Латвии, ситуация действительно тревожная, – поделилась Татьяна Аркадьевна своими опасениями. – Возьмем, к примеру, Даугавпилс, город, в котором практически все жители говорят на русском языке. Тем не менее на митинги протеста против латышизации русских школ приходит только несколько сотен человек... Все помнят фразу о том, что нашим титульным согражданам не надо, чтобы мы знали латышский язык, им надо, чтобы мы знали свое место. Нам постоянно хотят указать наше место, утверждая, что Латвия – страна латышей, поэтому здесь имеет право на существование только латышский язык. Периодически нам предлагают возвращаться в Россию – но почему мы должны уезжать, если мы такой же коренной народ Латвии, как и латыши? Мы живем здесь веками. Никто не упрекает Польшу за ее поддержку поляков по всему миру или Венгрию, отстаивающую права венгерских нацменьшинств. Россия имеет такое же право на защиту своих соотечественников, и мы бы хотели, чтобы она делала это также активно».

Виктор Гушин напомнил, что даже на древних картах Риги XIII века можно найти место с названием «Русская деревня». Спустя столетия здесь было построено здание нынешнего Сейма Латвии, депутаты которого в наше время отказывают русским в праве на свой язык и культуру. За минувшее столетие в Латвии практически исчезли две крупные национальные общины: немецкая, в связи с добровольно-принудительным отъездом в 1939 году немцев на историческую родину, и еврейская – в связи с ее массовым истреблением. «С приходом немцев в 1941 году латыши начали жесточайшим образом уничтожать своих соседей-евреев. Почему? – спрашивает историк. – Причина кроется в той идеологии, которая доминировала во времена ульманисовской диктатуры – идеология

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В рижском Доме Москвы собрались творческие коллективы из Латвии

Лидер «Русского союза Латвии» Татьяна Жданок и заместитель директора Московского дома соотечественников Юрий Каплун

построения Латвии для латышей. Именно это, увы, мы вновь наблюдаем в нашей стране...».

Что в этих условиях могут сделать российские соотечественники? Участник панельной дискуссии, депутат Европарламента Мирослав Митрофанов вспомнил давнее интервью, когда на аналогичный вопрос он ответил: «Мы должны демонстрировать силу духа и непоколебимость, чтобы сохранить свой язык, культуру и память о наших предках. Вот и сейчас мы должны наращивать наши протесты, шаг за шагом мы должны показывать латвийским властям, что им не удалось нас запугать, мы и далее будем отстаивать

свои права. Когда будут налажены отношения Латвии и России – а это неизбежно, – мы обязательно станем органичной частью единого большого пространства от Лиссабона до Владивостока».

По мнению действующего евродепутата, отстаивающего в Брюсселе помимо всего прочего интересы русскоязычных народов, сегодня назрела необходимость в детальной разработке концепции Русского мира. Нужны четкие, ясные формулировки, закреплённые документально, чтобы впредь не допускать никаких вольных трактовок этого понятия. Именно это произошло в Латвии в связи с запретом Татьяне Жданок баллотироваться в парламент страны. «Отсутствие внятной концепции Русского мира в условиях гибридной войны привело к тому, что это понятие порою звучит с негативным оттенком, а то и используется для шельмования активистов общественных движений, как в Латвии, так и в других странах, где проживают люди, поддерживающие Русский мир, – сказал Митрофанов. – Общими силами, вместе с российскими политиками и дипломатами, мы бы могли разработать необходимую всем нам концепцию для последующего ее продвижения. Необходимо показать, что Русский мир – проект доброжелательного

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

сотрудничества со всем остальным миром».

Сегодня в Латвии зарегистрировано в общей сложности около 150 общественных организаций нацменьшинств, примерно 80 из них – русские. А латышских организаций – около 23 тысяч, большинство из которых имеет государственную поддержку. Пользуются финансовой поддержкой и латышские СМИ – около 740 тысяч евро в год. Сколько из этого богатства приходится на долю русскоязычных медиа? Ни одного цента! Но не будем о грустном...

Гораздо оптимистичней звучали выступления от региональных отделений русской общины –

Даугавпилса, Резекне, Айзкраукле, Вентспилса, Елгавы. Несмотря на практически полное отсутствие госфинансирования, в латвийских регионах интерес к русской культуре на спад не идет. Работают фольклорные, хоровые и танцевальные коллективы, проводятся фестивали русской песни, творческие конкурсы, спартакиады, олимпиады, народные праздники. При поддержке российского посольства и КСООЛ ежегодно организуются поездки активистов и молодежи из разных городов Латвии в Россию.

Самой сплоченной русской организацией уже многие годы по праву считается екабпилское русское общество «Родник», действующее

Виктор Гущин принимает поздравления и подарки по случаю юбилея КСООЛ

под руководством ее бессменного лидера Натальи Чеховой. «Родник» родился на два года позже КСООЛ, но с ходу включился в работу по сохранению русской культуры и русского исторического наследия в регионе. А утвердиться русскому коллективу в городе, две трети населения которого составляют представители титульной нации, поверьте, было очень непросто. Сегодня в «Родник» входят три больших творческих коллектива, и все они пользуются поддержкой местной городской Думы. И не только местной.

Несмотря на то, что русскоязычных горожан в Екабпилсе проживает не очень много, самым популярным мероприятием в городе признана русская Масленица, которая проходит на главной городской площади и финансируется из средств Думы. Весь день на празднике звучат народные русские песни, частушки, шутки-прибаутки. На площади яблоку негде упасть, а народ не расходится до позднего вечера! Прослышав про чудодейственный «Родник», его начали приглашать к себе в гости соседние с Екабпилсом латышские города, чтобы и у них русские самодеятельные артисты провели веселую Масленицу. Наталья Чехова мечтает, чтобы в их городе открылся Русский дом, под крышей которого могли бы выступать все национальные коллективы Екабпилса.

Делегаты 11-й конференции российских соотечественников обсуждали проблему вовлечения молодежи в общественную жизнь, говорили о тревожной ситуации в правозащитной сфере, о школьной реформе, вызвавшей бурные протесты со стороны русской общины. Определенные надежды на изменение ситуации к лучшему многие связывают с предстоящими в октябре выборами в Сейм Латвии. За право заседать в Сейме будет сражаться и «Русский союз Латвии», который возглавляет соратник Татьяны Жданок – депутат Европарламента Андрей Мамыкин. В случае своего избрания он обещает сдать европейский мандат и вернуться в Латвию. Хотя бы для того, чтобы довести до победы борьбу за русские школы. ■

Депутат Европарламента Мирослав Митрофанов

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

«СМАРТФОН», «СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ» И «ВОЛОНТЕР» ПРИЖИЛИСЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СТАЛИ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМОЙ. ПО ДАННЫМ ОПРОСА ФОНДА «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ», ЭТИ СЛОВА В СВОЕЙ РЕЧИ ИСПОЛЬЗУЕТ СВЫШЕ 70 ПРОЦЕНТОВ ОПРОШЕННЫХ РЕСПОНДЕНТОВ.

БОЛЕЕ СКРОМНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ показали «электронный билет», «GPS-навигатор», «блог», «онлайн-трансляция», «аккаунт», «грант» и аббревиатуры «ОМС» (обязательное медицинское страхование) и «ДМС» (добровольное медицинское страхование). Однако те, кто радеет за чистоту родного языка, могут не переживать. Как утверждают лингвисты, в современном русском языке набирает силу интересная тенденция: новые слова, едва успев стать «русскими», постепенно выходят из речевого оборота. Добрая половина из них не выживет в новом веке. И уже сегодня идут научные дискуссии о том, какие слова придут им на смену.

«ЦИФРА» ДИКТУЕТ РИСКИ

Вот, к примеру, интересный прогноз от ученых Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Института русского языка им. А.С. Пушкина: слово «волонтер» по частоте употребления постепенно сближается со словом «доброволец», а в обозримом будущем первое может уступить лидерство второму. – Такова логика вживления иностранных заимствований в ткань русского языка, – считает лингвист Ирина Бакланова. – Сначала идет привыкание к ним, затем – пик моды на новое слово, а потом – привыкание к нему.

А для такого привыкания характерен поиск аналогов в родном языке. Поэтому я бы не спешила утверждать, что слова «смартфон», «GPS-навигатор» или «аккаунт» стали «русскими». Тем более навсегда. Вспомните, во второй половине XX века литературной нормой была аббревиатура ЭВМ. Сегодня ее никто не использует. Темп развития технологий так стремителен, что мы, того и гляди, начнем стесняться произносить слово «компьютер». Ему на смену уже идут разные термины: от сокращения «комп» до экзотичного «сейлзменеджер». Они используются в узкой профессиональной среде и пока вызывают и чувство протеста, и чувство речевого дискомфорта у обычных людей. Тем не менее эти неологизмы – пробные шаги интересного феномена: появления нового термина-слова одновременно с явлением набора инструментов высоких технологий, которые требуют обозначения или названия этого явления.

Слово «смартфон» не знают 22 процента россиян, а об «аккаунте» не слышали и вовсе 68 процентов, подчеркивает Ирина Бакланова. Как считают ученые, слишком мало времени прошло для их укоренения в русском языке. И не исключено, что в ближайшем будущем этого времени и не будет: «смартфон» и «аккаунт» могут вытесниться из разговорной речи более

«продвинутыми» терминами, которые уже «давят» на носителей русского языка.

Наблюдения экспертов Института языкознания РАН совпадают с тенденциями проникновения в русский язык цифровых терминов. Они тоже с переменным успехом становятся новыми «русскими» словами, но пока лишь либо как профессиональные термины, либо как слова, малознакомые широкой аудитории. К примеру, о слове «онлайн-банкинг» знают 28 процентов сограждан, а пользуется услугами онлайн-банкинга и вовсе не более 19 процентов. По данным фонда «Общественное мнение», слово «сэлфи» знакомо 19 процентам опрошенных, «МВА» и «чекин», или «чек-ин», знают по 14 процентов. Слова «фриланс» и «вебинар» известны 12 процентам, «стартап» и «аутсорсинг» – 11 процентам, «воркшоп» – 8 процентам, «лоукостер» – 6 процентам, «эйчар» – 5 процентам. Как утверждают лингвисты, у этих неологизмов эпохи цифровизации есть шансы занять лидирующие позиции в числе современных слов русского языка. Однако они имеют еще больше шансов не пережить риски, сопутствующие развитию высоких технологий – прийти в негодность на стадии использования пробной терминологии.

АНГЛИЦИЗМЫ ВЫЖИВАЮТ В ПРОИЗНОШЕНИИ

Дело в том, что почти вся цифровые термины, как правило, американизмы или названия, взятые из американского английского языка. И это неудивительно: США доминируют в развитии высоких технологий. Как показывает исторический опыт, языковые заимствования для русского языка – из

французского, немецкого, а теперь и из английского – не проблема, а норма развития. Но когда вал заимствований, в данном случае англицизмов, становится чрезмерным, количество «неперевариваемых» новых слов не столько развивает речь, сколько засоряет ее.

– Русский язык силен в приспособлении иностранных заимствований, и опасаться за него не надо, – убежден социолингвист, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Леонид Крысин. – Он как раз на современном этапе усвоения цифрового глобального языка смело отбраковывает проходные термины и не спешит с укоренением даже тех слов, что по внешним признакам стали литературными. Ведь слово только тогда становится словом, когда его используют в произношении. «Смартфон» и «волонтер» произносятся, но не так долго, а вот о «хештеге», «сэлфи» или «блоге» больше говорят как о явлении коммуникации. Сам «хештег», а также «сэлфи» «молчат». Значит, пока они, несмотря на высокий статус сразу в нескольких мировых языках, включая русский, остаются инструментами влияния, способными стать словами. Именно из-за динамики развития и деления неологизмов на слова, термины и «молчащие» инструменты влияния есть все основания говорить о том, что процесс замещения только недавно укоренившихся в русском языке слов новыми заимствованиями будет продолжаться. И тут надо опасаться не за сам русский язык, а за то, как его преподают в школе, как на нем говорят и как закон регулирует взаимоотношения русского языка с иностранными заимствованиями.

ЗАКОН – НЕ ДЫШЛО

В принципе, закон «О государственном языке РФ», а точнее, его специальная статья 1, параграф 6 задает параметры использования иностранных заимствований: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общепотребительных аналогов в русском языке».

То есть закон призывает к тому, что уже реализуется на практике: в русской речи выживают, как правило, те

иностраные заимствования, которые могут склоняться, сокращаться, менять форму, то есть быть удобными в произношении. Еще одно условие закона – этим заимствованиям нет аналогов в родном языке – тоже укрепляется практикой.

Правда, в оценке влияния законодательства на языковые процессы у специалистов единства в подходах нет. В 90-х, когда интервенция англицизмов в русский язык была максимальной, у экспертов победил либеральный подход: язык все сам переварит, а то, что не переварит – выплюнет. С разговорной речью и интернет-языком так и происходит. Яркий тому пример – судьба вышедшего из употребления, но некогда модного «олбанского» интернет-языка.

Однако, как признают лингвисты, намного сложнее дела обстоят с заимствованием терминологических систем, особенно тех, которые связаны с экономикой и финансами. Ведь если интернет-сленги можно проигнорировать, а мобильную связь освоить и без новых терминов и даже без SMS-переписки, которая пользуется стойким неприятием большинства россиян (53 процента), то обойтись без банкоматов, ипотек, терминалов по уплате ЖКУ или мобильной связи уже невозможно. Пользование ими сопряжено сначала с оформлением ряда бумаг, требующих навыков в новой терминологии, а потом и оперирования этими терминами.

– Можно бесконечно спорить о том, нужен ли для решения проблемы заимствований отдельный языковой закон по примеру Франции или Китая, где принято законодательно регулировать количество и пропорции использования иностранных заимствований, – говорит Леонид Крысин. – Но Россия предпочитает не ограничивать заимствования, а мониторить их использование через поиск русских аналогов. При этом, возможно, ограничение одиозных заимствований стоит вводить через закон. Например, тех, что скрывают истинные цели финансистов при заключении договоров на оказание банковских услуг потребителям. Но всегда надо помнить о закономерностях развития родной речи: у приобретения заимствований есть причины – как внутренние, так и внешние. Внутренние причины идут от развития самого языка. Внешние –

диктуются глобализацией. Другое дело, что русскому языку традиционно надо давать свободу самостоятельной переработки и встраивания этих слов в русскую речь.

Чтобы не быть голословным, Крысин приводит понятные каждому примеры со словами «евро», «суши», «ролл». Они «как бы» уже «русские», а на самом деле – завуалированные или укорененные заимствования (то есть когда слово кажется русским, но его корневая часть – иностранная. – Прим. авт.). Просто носитель русского языка прибавил к ней родные суффиксы, приставки, окончания.

– Важно не наличие или отсутствие аналогий, а освоенность слова, его встроенность в речь, – считает Ирина Бакланова. – Значимость обостряется в условиях усиливающейся трансляции глобальной культуры. В этой ситуации активное освоение чужой лексики оказывается для языка эффективной защитой и одним из способов развития. Когда чужеродное слово произносится по-русски, спрягается, обрастает родственными однокоренными словами, оно, по сути, становится русским. Это похоже на вакцинацию: нас заражают болезнью в слабой форме, чтобы мы выработали к ней иммунитет.

Так, в обновляющемся под воздействием цифровизации русском языке работает естественный – письменный и устный – механизм усвоения нужных и выдавливания «неуживчивых» англицизмов, которые не хотят «обрусевать». Последние взаимодополняемы и заменяемы и не дают языку перенимать не только чужую лексику, но и грамматику.

И тут у русского языка веками срабатывает своя «подушка безопасности»: русский – язык грамматической формы. В нем слова приспособляются друг к другу в высказывании. Если заимствованное слово не может изменяться, не соединяется с другими, то оно со временем уходит. И вот тут, как полагают лингвисты, слаженно работают два механизма противостояния заимствованиям. Первый – их естественная смерть. Что с точки зрения науки идеальный способ развития русского языка. Другой механизм – совершенствование закона «О государственном языке РФ», который помогает «зачекиниться», или закрепиться, в речи только тем словам, которым нет достойной замены в русском языке. ■

«ТА ЖИЗНЬ ЗАКОНЧИЛАСЬ – НАЧАЛАСЬ ДРУГАЯ, НО ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО...»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

БЛЕСТЯЩАЯ КАРЬЕРА В БОЛЬШОМ БАЛЕТЕ И ЕЕ В ЧЕМ-ТО ПАРАДОКСАЛЬНОЕ, А В ЧЕМ-ТО ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ В АКАДЕМИИ РУССКОГО БАЛЕТА ИМ. А.А. ВАГАНОВОЙ ДЛЯ НАРОДНОГО АРТИСТА РОССИИ НИКОЛАЯ ЦИСКАРИДЗЕ – ДЛИННАЯ ЦЕПЬ КРУТЫХ ВИРАЖЕЙ. ОН УМЕЕТ ДЕРЖАТЬ УДАР, ПОТОМУ ЧТО ЕГО ОЧЕНЬ МНОГО РАЗ «БИЛИ» – И НЕ ТОЛЬКО В «ТЕРРАРИУМЕ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ». САМА ЖИЗНЬ ИСПЫТЫВАЛА ЕГО СИЛЫ И ТЕРПЕНИЕ.

— **Н** ИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ, В ОКТЯБРЕ исполняется пять лет, как вы возглавили Вагановскую академию. Это хоть и небольшой, но значимый для вас юбилей. И пять лет прошло с момента вашего расставания с Большим театром. Ваша жизнь сильно изменилась?

— Когда человек танцует – это одна профессия, когда не танцует – вообще другая профессия. Это просто две жизни, не связанные друг с другом. До академии я был педагогом Большого театра почти одиннадцать лет. И знаете, это очень большая разница: работать с артистами и работать с учениками. Вроде делаешь одно и то же, только здесь, в академии, ты учишь, а там – учатся только те, кто хочет. Специфика разная. А что касается меня, я все тот же. Слава богу, та жизнь закончилась – началась другая, но это только начало...

— И Большой театр сейчас другой?

— Понимаете, Большой театр никогда не бывает «другим». Балетный театр должен обновляться чаще, потому что карьера любого артиста гораздо короче... И Большой театр – тот же, репертуар –

тот же, но отношение ко всему зависит от руководителя. К сожалению, основная масса имеет мало отношения к тому, как должно быть, когда ты приходишь в театр навсегда, чтобы прожить жизнь и умереть. Большой всегда был «театром», и все, кто там служил, это понимали. А вот когда это – такая точка между гастрольями, это не имеет отношения к великому Большому театру, вот и все.

— *Вопрос отношения...*

— Да. И это кризис не только Большого театра, но и МХТ, и БДТ, и многих театров, к сожалению! Все изменилось, нет того таинства, и новое поколение... Я, например, записывал все свои спектакли 21 сезон. Но последние два-три года работы, не выходя из театра, я мог посмотреть в Интернете, как станцевал вариацию, поскольку какие-то зрители постоянно снимали и сразу делились впечатлениями. Артист еще не вернулся со спектакля домой, а уже все выложено в Интернете! И страшный «полив» на каких-то сайтах начинается, а люди и в зале не были, смотрели все по ютьюбу!

ИЗ АРХИВА АРЕ ИМЕНИ А.Я. ВАГАНОВОЙ

– О Мариинском театре в прессу мало просачивалось негативной информации...

– Сейчас я обладаю возможностью смотреть что-то в архивах – мы разбираем то, что у нас в школе называется музеем. И количество «открытых писем» за вторую половину XX века от солистов Мариинского театра – народных артистов СССР и так далее, – которое было пущено в прессу с потрясениями, с заявлениями о несостоятельном руководстве и тому подобное, оно гораздо больше, чем было в Большом! Историю не переписать... Это становилось скандалом в масштабах города, но никогда не выплескивалось на весь мир. А все происходящее в Большом, даже если кто-то чихнет, становится мировым событием. Большой театр был построен в 1856 году как самый большой в мире и по сей день таким остается – из старинных театров. В позиционировании двух площадок это – серьезная разница. Это главный театр страны, который находится на виду, и, кто бы что ни говорил, так и будет. Любое событие, с ним связанное, что положительное, что отрицатель-

ное, всегда освещается с наибольшим накалом. Конечно, хочется, чтобы там были только разговоры о творчестве...

– Но почему же – «точка между гастроллями»?

– Просто поколение сменяется, а поколение надо воспитывать. Оно же и воспитывается отношением – тем, что они видят вокруг себя. Участь в школе, мы не знали, что происходит за стенами театра, но могли знать какие-то «слухи»: кто-то кому-то рассказал. Не было шанса это прочитать, увидеть, и мы о театре так вот глобально ничего не знали. Я знал, что есть Уланова, есть Семенова, есть такой педагог Кондратьева, есть Акимов... Но как они выглядят – я видел только на фотографиях в книгах! Когда в «Огоньке» напечатали мемуары только что умершего Мариса Лиепы – это был скандал! Я проучился в московском училище пять лет и пять лет постоянно выступал с одноклассниками на сцене Большого театра. И никогда мы не были в репетиционном зале, даже не знали, где он находится! Практически никогда

Поклоны воспитанников академии на сцене БКЗ «Октябрьский». Сюита из балета «Фея кукол» (музыка Й. Байера), хореография Николая и Сергея Легатов (1903), К.М. Сергеева (1989), возобновление и редакция Н.М. Цискаридзе (2015)

не были в служебном буфете – нам просто не разрешалось туда приходить. Все было очень строго. Сейчас другое время: благодаря разным сайтам и аккаунтам дети осведомлены великолепно, что делается, кто хороший педагог, кто – не очень. Кто просто неважный педагог, но приближен к руководству, кто жена руководителя, кто вторая жена, кто восьмая жена, кто по выходным, кто по будням... Это все в открытом доступе, и, к сожалению, подчас накладывает сильный отпечаток: они распределены по классам, педагоги еще не пришли, а дети уже знают, с кем они хотят работать, с кем не хотят, и многих уже не уговорить пойти работать в Мариинский или Большой, они хотят идти в другой театр, у них есть договоренность... Они еще не пришли туда служить, но их мнение уже сформировано! Дети в Петербурге вырастают за кулисами, выступают такое количество раз в месяц, что им, если честно, уже приедается балет. Мы столько не танцевали! Здесь дети всегда танцевали больше, чем в Москве, – так был создан репертуар. Григорович не любил связываться со школой, и в основном детские роли исполняли танцовщицы маленького роста, а дети участвовали лишь в некоторых спектаклях...

Общаясь со своими выпускниками, я вижу, как они реагируют... Если раньше нам педагог рассказывал, как он танцевал, это была область мемуаров. Сейчас тебя распределяют, к примеру, к Ивану Иванычу, нажимаешь кнопку в Интернете, смотришь, как Иван Иваныч танцевал, и тебе смешно. Потом приходишь к нему, и он по старой традиции рассказывает: «Я был лучший исполнитель, и вообще, когда я танцевал, стояли стоны и аплодисменты». А все уже посмотрели... Я знаю, как артисты смотрят на своих руководителей и покатываются от хохота в раздевалке, понимаете? А они им рассказывают, как надо делать карьеру...

Когда я в театре параллельно преподавал, то всегда за собой следил, стал танцевать еще аккуратнее, потому что мои ученики – постоянно вокруг меня. Но многие руководители не понимают, что являются посмешищем. Это, к сожалению, тенденция времени, к которой мы не готовились, не могли себе представить, что такое настанет! Если ты ребенку делаешь замечание, то должен учитывать, что он посмотрел тебя две минуты назад. Слава богу, мне не так стыдно за свои танцы, так как я очень «неплохо» танцевал, и мне не стыдно за все, что находится в открытом доступе.

– *Вы и на одну сцену выходите вместе с учениками...*

– Очень редко! Ближайшие спектакли «Бала сказок» – в БКЗ «Октябрьский» 14 и 15 декабря. И они танцуют финал первого отделения – сюиту из балета «Фея кукол», я – фрагмент из балета Фредерика Аштона «Тщетная предосторожность». Мне кажется, для тех, кто придет, увидеть разные про-

изведения на одну тему, как в «Бале сказок», это своеобразный ликбез. Конечно, для учеников встретиться на одной сцене с разными звездами мирового балета – а в спектакле принимают участие и Иван Васильев, и Фарух Рузиматов, и Ирина Перрен, и другие – это хорошо. Но наши дети так избалованы участием в спектаклях Мариинского театра со звездами, что их ничем не удивить, можно только завидовать, что их детство проходит в таких стенах и с такими артистами! Но в «Бале сказок» также участвуют дети из других школ, для них, конечно, это большое событие.

– *Сцена, как известно, всех уравнивает...*

– Вы – артист, и дети всегда понимают, кто вы и что можете. У меня вообще никогда не возникало такого вопроса к себе. Господь Бог такие способности мне отвел, что по сей день могу так показать, что многим действующим артистам не очень удастся. Конечно, мне очень волнительно и смешно, когда дети видят меня на репетиции... Вот я в репетиционной форме быстро станцевал свой танец «Сабо» и ушел, а потом появляюсь уже в полном гриме – а это же танцует дама, – с накладным бюстом, накладным задом, в чепце и платье. Это, конечно, их очень веселит. Но, с другой стороны, это и есть момент профессии: пожалуйста, человек, который что-то от вас требует, тут же сам все может сделать.

И что еще важно... Дети очень хорошо понимают реакцию зала. За много лет работы на сцене я научился вызывать реакцию зала, и просто на мой выход зрители реагируют овацией, что для многих достижимо только после огромного количества прыжков и ужимок. Тут есть какой-то люфт, когда, с одной стороны, повезло, с другой – заслужил. Да, есть у человека судьба. Вот она – в этой профессии. Мне кажется, это как раз очень прекрасный и важный пример, и я все время до них пытаюсь донести: никогда не надо браться не за свое дело. Если бы я сейчас выходил в трико, изображая принца, полз бы по сцене, как многие сверстники мои это делают, которых дети обсуждают – и я слышу их рассказы! – все, конечно, было бы не так. Но они понимают, что я полностью вышел из своего амплуа, не думаю, что все так смогут сделать... Для них это – пример. Многие из них это запомнят, оценят, я надеюсь...

– *Началась совсем другая жизнь?*

– Да. У меня это было абсолютно сознательно. Я сказал: перелистываю страницу, больше не хочу. Как в калмыцкой сказке у Пушкина в «Капитанской дочке», а потом у Горького в «Песне о Соколе»: если знаешь, что такое «кровь», никогда не будешь питаться падалью. А на сцене, что такое «кровь», знают пять-шесть человек в мире. Не то что к тебе пришли и похлопали дежурно – это же все чувствуют в зале, когда приглашенные люди отработывают заказ! Ценен только настоящий успех...

– Но какой-то грандиозный успех остался в прошлом...

– Очень сильно изменились взаимоотношения театра со зрителями, к сожалению. Веяние времени. Раньше в основном наполняли зал настоящие поклонники, их споры велись под колоннами Большого театра, доходило до войны между группировками, даже сами артисты им говорили: «Успокойтесь! Мы никогда друг с другом не ссорились, а вы воюете». А теперь поклонники в театр не ходят, не имеют возможности прийти – билеты очень дорогие, контрамарки практически не выдают. И публика очень изменилась.

Галина Вишневская писала в своей книге: выходя на сцену, мы играем, поем, танцуем для пяти-шести человек в зале. Это поклонники, которые слышали и первую ее «Тоску», и вторую, и двадцать пятую и могли сравнить с тем, как эту партию пели ее коллеги десять-двадцать лет назад... Совсем другой уровень! 2 с половиной тысячи – это зритель, а вот эти – настоящие ценители, преданно обожающие искусство. Сейчас есть зрители, пришедшие «зачекиниться» на фоне люстры, через двадцать минут они уходят. А люди, купившие билеты за 25–30 тысяч вообще считают, что не надо аплодировать.

– Искусство превратилось в бизнес, и культура посещения театра утрачена...

– Двадцать с лишним лет, как превратилось в бизнес. Еще по накатанной десять лет назад что-то происходило, а потом... Все идет от руководства театров, их больше волнует реализация билетов, а не зритель, наполняющий зал. «Убили» ту категорию людей, которой это было безумно интересно, их лишили возможности попасть в театр. Самый дорогой билет раньше стоил примерно 3 рубля! И в Кировском, и в Большом театре – государственная расценка. Я свою первую «Иоланту» слушал в Большом театре – утренний спектакль, пела великая Милашкина, билет в партер стоил рубль двадцать. Впервые меня привели на очень взрослые, серьезные произведения – «Травиату» и «Жизель» – в 3 с половиной года. И если бы это не произошло в том возрасте, никогда я не захотел бы стать артистом!

– Многие именно в детстве принимают столь ответственное решение – связать свою жизнь с балетом. Потом трудности и обстоятельства вызывают не только разочарования, но и болезненные впечатления. Вы признавались, что не раз хотели уйти из профессии...

– Абсолютно четко понимал, что мне равных по способностям нет, мне льстило, что я лучше всех. Очень быстро я понял закон того дела, куда попал, и что если я плачу и мне все это тяжело, то всем другим тяжелее в двести раз. А чего я буду проявлять слабость? У меня другие срабатывали позывы. У меня не было восторженности от происходящего. Моя мама – человек такой земной,

и она все время мне объясняла, что любая уборщица приносит обществу больше пользы, нежели артист балета. Она видела, как мне это нравится, что стоит там 20 детей, а все смотрят на меня, потому что невозможно не обращать внимания на такие способности. Ей все кричали, что я чудо-ребенок – для классического балета. Но она с меня это сбивала.

– В одном интервью вы сказали: «Великая Галина Уланова научила меня быть непреклонным по отношению к высшему служению профессии. Люди, оказавшиеся на вершине, обязаны быть супербойцами». Как она вас научила?

– Просто показала пример, что если это надо для искусства, то нет вопросов – надо сделать, добиться, и все. У моих педагогов не было других критериев. Когда нам было тяжело, школьный педагог говорила: «Бог терпел и нам велел». Если в воскресенье мы отдыхаем, то у нас была двойная порция всего по субботам. И это было тяжело. Но педагог говорил: «Суббота – черная работа». Это были школьные установки, они формировали дисциплину, организационное отношение к работе. В театре добавлялись другие качества. Например, Уланова наставляла: «Обязательно, Колечка, вот у вас послезавтра спектакль – завтра уже не надо приходить в театр, надо отдохнуть, подумать, привести мысли и тело в порядок». Сейчас бы ее никто не понял, потому что театр живет по другим принципам: очень часто в день спектакля – генеральный прогон! Подставляют артиста, не дают ему восстановить силы, понимаете? Идет конвейер: раз-два, раз-два – так удобно всем: администрации, рабочим сцены и техническим службам. К искусству это не имеет отношения. А в те годы, если был такой прогон накануне спектакля, это считалось ЧП.

Вот я половину своей карьеры проработал в старом режиме, а другую половину – в новом. И могу сказать, что искусство вытеснялось очень активными методами и с колоссальной быстротой. Менеджеры, допущенные до власти в театре, выгнали из него творчество. И то же самое сто лет назад написал в мемуарах недолго руководивший Большим театром Шаляпин. А потом он бежал из Советского Союза с криком «Караул!». Сменился век, сменились ритмы, но в методе проб и ошибок не сменилось ничего, к сожалению...

– Вы боготворите Уланову, и здесь, в коридорах академии, в вашем кабинете, очень много ее фотографий...

– Я очень ее люблю. Галина Сергеевна – мой кумир, человек, который в моей жизни сыграл очень важную роль. Когда ее не стало, я узнал, какую роль, оказывается, сыграл в ее жизни я. Ее официальный биограф, который постоянно с ней общался, на следующее утро после ее кончины написал в некрологе, что я был ее последним учеником и что работа со мной – последнее,

ИЗ АРХИВА АРБ ИМЕНИ А.Я. ВАГАНОВОЙ

Сцена из балета
Ф. Аштона
«Тщетная предо-
сторожность».
Н.М. Цискаридзе
в роли Симоны.
Санкт-Петербург,
Михайловский
театр

что придавало смысл ее жизни... Когда происхо-
дили наши репетиции, я не мог себе представить,
что для этой «Джомолунгмы» я, маленькая сошка,
могу что-то значить! Знаете, я не то что ее бого-
творю. Так случилось, что мне выпала честь при-
коснуться к тому, что все считают легендой. А для
меня она и легенда, и родной человек.

– На VI Петербургском культурном форуме вы
возглавляете секцию балета... В прошлом году
в Манеже была дискуссия «Балет и кино», вы пред-
ставили спикеров и сразу ушли...

– Я ушел на совещание с Владимиром Владими-
ровичем, как член Совета по культуре при пре-
зиденте РФ, где я должен был сделать доклад
в области образования. Планировали секцию за
несколько месяцев и вдруг поменяли день совеща-
ния, а все подстраиваются под график президента...

– Спикеры, близкие вам люди – американский
критик Нина Аловерт и президент Фонда Галины
Улановой, один из ее учеников, Владимир Васильев,
говорят, что балетная эстетика 1950–1990-х
устарела. И в этой связи Аловерт призвала сжечь
все пленки с записями танца Улановой: все «ужас-
но и чудовищно», портит вкус молодежи, вполне
достаточно фотографий. Подчеркну, о необходи-
мости сжигения нашего национального достоя-
ния было сказано на международном культурном
форуме в Петербурге, в родном городе Ула-
новой... Васильев сказал: «Спасибо, Ниночка», и та-
ким же образом высказался об «ужасном» Нурееве.
Обе «ужасающие» мировые звезды – представите-
ли вагановской школы, всю жизнь прославлявшие
классический русский балет. Если бы вы, Николай
Максимович, присутствовали на той дискуссии,
что бы вы сказали?

МИХАИЛ ЛОГВИНОВ

– Знаете, я считаю, что самым большим достижением Дягилева является то, что он уничтожил все киноплёнки – они были! – с Нижинским. И, так скажем, он создал легенду уникального танцующего персонажа. Вот Дягилев как-то понял, что кино будет «убивать», и осталась легенда: Нижинский так прыгал, что зависал в воздухе, перелетал центр сцены. Я много раз говорил, что Нижинский никогда такого не мог сделать. Он же не прыгал в Большом театре! Он прыгал в театре Монте-Карло, который размером с эту комнату (кабинет ректора академии. – **Прим. авт.**). В Монако любой современный танцовщик перелетит из двери в двери!

Анна Павлова развенчана тем, что при всех фантастических ее фотографиях и легенде есть еще кинохроника, где видно, что она не очень молода и не очень качественно танцует, а «Умирующий лебедь» выглядит смехотворно, так скажем. Но, с другой стороны, это артефакт времени, и для меня, как для человека, который очень лю-

бит историю, его отметить нельзя. Допустим, пятнадцать-двадцать лет назад делались передачи, где могли показать большой танцевальный кусок. При современном стиле производства фильмов более 20–30 секунд танца вам не покажут – начинают накладывать текст, раздваиваться картинка... Есть замечательные люди – Никита и Юлия Тихоновы, – они делают «Абсолютный слух», «Искусственный отбор» на «Культуре», множество фильмов про Ваганову, Уланову, Плисецкую... Все время им говорю: ну где-то вы должны показать фрагмент от начала до конца, потому что это – артефакт. Я не хочу слышать ничей голос. Я хочу видеть. И они придумали в «Абсолютном слухе» рубрику «Спасенный шедевр».

Когда в 1995 году восстанавливали балет «Ромео и Джульетта» Леонида Лавровского, где Уланова выступала первым составом, она была категорическим противником восстановления. С моей точки зрения, это самый великий спектакль на эту музыку, ни одна версия не может сравнить-

ся – это мое мнение. Но здесь я во многом поддерживаю Галину Сергеевну. Она считала, что этот балет невозможно отрепетировать в том виде, в каком он должен идти. Человек, который будет его делать, должен иметь художественный вкус. В этом балете – он так поставлен! – нельзя прыгать выше, как в спортивной гимнастике, нельзя задиравать ноги, устраивая художественную гимнастику, нельзя делать кульбиты. И надо танцевать в определенном темпе. А то, в каком виде сейчас идет этот спектакль на разных сценах... Уланова не только была бы против, я просто себе представить не могу ее реакцию! Потому что потерял смысл – полностью!

И когда балет восстанавливали, Галина Сергеевна, как педагог-репетитор, отказала в работе абсолютно всем. Она тайно репетировала со мной Меркуцио и очень подробно все объясняла. Потому что относилась ко мне по-другому. Несмотря на то, что я делал абсолютно все, что она говорила и как велела, она считала, что все равно спектакль выглядит неважно... Понимаете, эстетика меняется, эстетика уходит.

И что касается видеозаписей, я вас расстрою: ни один современный ребенок, если ему не говоришь «посмотри Нуреева», «посмотри Васильева», «посмотри Мухамедова», – не смотрит этих танцовщиков! Они им уже неинтересны. Та эстетика давно ушла.

– **Зачем ориентироваться на вкус ребенка? А взрослому интересно.**

– Артисты не знают этого, и им не это нужно. Катастрофа в том, что на это смотрят с улыбкой. Я думаю, что в данной ситуации Нина Николаевна Аловерт говорила, скорее, о том, что это очень часто – развенчивание легенды. Понимаете, когда сейчас человек смотрит, допустим, на Константина Михайловича Сергеева – а он поставил многие классические вариации, которые исполняются по сей день, – это выглядит совсем не современно...

– **Но не сжигать же!**

– Ну, я не считаю, что нужно сжигать. Я люблю копаться во всем. У меня гигантская фильмотека, и я могу достать диск и показать любой состав. Я всегда любил посмотреть, кто, что, как делал, найти смысл. Таких немного. И не для всех моих учеников это интересно. Многие мне говорили: «Зачем мы будем так делать – это никому не нужно!» В искусстве сложность в чем? Вам нравится, а мне – нет. Об Улановой написаны тома во всем мире, а кто-то может сидеть и говорить: «да не нравится она мне». Ну это же искусство. Как можно здесь найти «общий знаменатель»?

– **Но не в этом ли зерно утраты традиции и культуры?**

– Да, это зерно утраты традиции. Рыба гниет с головы. Если я не буду следить за тем, как завяза-

ны ленточки у девочек, в какой последовательности они выходят, как надеты на них короны, и не буду объяснять им, что в этом спектакле можно надеть серьги, а в том – нельзя, то никогда ничего не будет. На заводе, в телецентре, в газете все идет от руководства. Есть издания, которым уже не нужна заметка о премьере, тем более – искусствоведческий разбор, а нужна в достаточно хамской форме преподнесенная информация, высмеивающая это событие. Это диктует мода – и руководитель требует, издания зарабатывают себе на жизнь. И все везде гниет с головы. Если раньше, будучи артистом, я это знал гипотетически, сейчас, являясь руководителем, я это знаю на сто процентов.

– **Недавно вы сказали: «Сейчас отсутствует понимание «должность главной звезды Отечества». Ее нельзя назначить». Вы хотите, чтобы каким-то указом определили на эту «должность» вас?**

– Так я уже – все, извините! Мне не надо назначаться, я уже так давно на этой должности, что... Но сейчас огромное число людей пытаются назначиться на эту должность...

– **Самоназначенцы?**

– Конечно! Если раньше два канала и несколько газет о вас сообщили три раза – вас уже знала вся страна. Сейчас мы тонем в печатной и телепродукции. Есть страшное слово «рейтинг». Я, как человек телевизионный, хорошо знаю, что, когда и кого смотрят. Несчастные девочки и мальчики лезут в гламур, печатают в разных журналах фотосессии и думают, что они тем самым себя увековечили, сделавшись главной звездой, – нет. К сожалению, уже все. Когда Майю Плисецкую снял Ричард Аведон, это было мировое событие. А сейчас, чтобы состояться на сцене, нужно что-то большее... И потом, в России существует страшная для искусства вещь: когда хвалят в прессе, никого это не волнует, пока соседка по подъезду не скажет, что надо посмотреть. В России только сарафанное радио делает звезд. Это российский менталитет. В Америке, если дадут плохую критику в газете, то спектакль на следующий день закрывается.

– **Хорошо, что у нас такой менталитет?**

– Я считаю, что да. Потому что у нас и столько настоящих артистов – не выдуманных, не пластмассовых. Сегодня никто уже не помнит, какие гадости обо мне писали, но мою фамилию выучили наизусть. Люди пишут, деньги платят, чтобы заработать такое паблисити. Я ничего подобного не делал, мне его делали без остановки много лет. Им, в принципе, надо сказать спасибо. Кто-то хотел прорекламировать себя, но их фамилий не помнят, а я – как занимался своим делом и не обращал на это внимания, так и живу, потому что те, кому надо, знают о моем существовании и воздают должное. А это ценно. ■

Девочка
в костюме
из атрибутов
воздухоплава-
ния на празд-
нике в Брест-
Литовске.
1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ ВОЗДУШНОГО флота – 1923 год, Авиахим – 1925-й, Осовиахим (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) – 1927-й, аэроклубы по всей стране... Все это здорово. Так, одну из летных школ Осовиахима окончила первая женщина Герой Советского Союза, Валентина Гризодубова. Советские летчицы отметились славой в 30-е годы, когда били всевозможные рекорды, испытывая на прочность и себя, и свои машины. И в годы Великой Отечественной войны. Золотой Звездой Героя были награждены 90 женщин, каждая третья – летчица. Из чего следует очевидный вывод: история женщин-авиаторов в России началась после 1917 года. Как и многое другое. Например, погранвойска отмечают день рождения 28 мая. В 1918 году в этот день была учреждена Пограничная охрана РСФСР. Достойная дата, кто спорит. Но вот 27 октября 1893 года императорским указом был создан Отдельный корпус пограничной стражи, почти в 37 тысяч человек численностью. Воины-призраки, видимо.

Что до первых российских женщин-авиаторов, то все началось в 1911 году. Вирус неба проник в сердце разными путями. Были случаи, когда вместе с любовью. Как, например, у дамы невнятного происхождения.

АВИАТРИССЫ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДОЧЬ. КНЯГИНЯ ПО МУЖУ-РЮРИКОВИЧУ. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АКТРИСА. ДЕВУШКА ИЗ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХ. УРОЖДЕННАЯ ГРАФИНЯ. ОДЕССИТКА С ДЯДЕЙ-МИЛЛИОНЕРОМ ИТАЛЬЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ. И ДАМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕВНЯТНОГО. В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ЭТИХ ДАМ И БАРЫШЕНЬ НАЗЫВАЛИ АВИАТРИССАМИ. САМИ СЕБЯ ОНИ ОКРЕСТИЛИ «ВОЗДУШНЫМИ СТРАННИЦАМИ».

РИСКОВАЯ ДОМНИКИЯ

В мае 1911 года в Петербурге стартовала II Международная авиационная неделя. В первый же день, 27 мая, на глазах у десятков тысяч зрителей, собравшихся на Комендантском аэродроме в Коломягах, разбился летчик Вольдемар Смит. Среди наблюдавших за трагедией был и Александр Блок. Вскоре было написано стихотворение «Авиатор», в черновике посвященное Смигу. Там такие строки: «Зачем ты в небе был, отважный, // В свой первый и последний раз?» Великий поэт погрешил против истины. Смит

окончил летную школу Блерио еще в 1910 году и по тем временам был опытным летчиком. А вот Домникия Кузнецова-Новолейник впервые попыталась поднять аэроплан в небо как раз в дни II Авианедели. Гибель Смита ее не остановила. 5 июня «Петербургская газета» опубликовала сенсационное сообщение о том, что подданная империи, супруга инженера-строителя и по совместительству летчика Павла Кузнецова сумела оторвать аппарат тяжелее воздуха от земли! Правда, полноценным полетом эксперимент Домникии Илларионовны вряд ли можно назвать. Едва «Блерио-XI» поднялся на небольшую высоту, как тут же рухнул на землю. Точную причину катастрофы не установили. Но специалисты считали, что дама, освоившая только теорию управления аппаратом, но не имевшая летной практики, перетянула рычаг, и «этажерка» перевернулась. Надо обладать недюжинной смелостью, чтобы, не умея управлять самолетом, сесть за рычаги. А что же муж? Странное поведение, ничего не скажешь. Он совершал показательные полеты в разных городах империи. Имел официальную грамоту от Императорского Всероссийского аэроклуба, подтверждавшую профессиональный статус пилота. Жена сопровождала Кузнецова в поездках, была его добровольным импресарио. Но учиться практическим навыкам не могла по банальной причине: единственный самолет супруга был одноместный. Инструктор и ученик не могли одновременно подняться в небо. А тренажеров тогда не было и в помине. Кузнецов собирался принять участие в Авианеделе, но у «Блерио» постоянно барахлил мотор. И пилот от официальных соревнований отказался. Почему в таком случае он позволил любимой жене сесть за рычаги – загадка! Зато совершенно понятно, почему Домникия взлететь больше не пыталась. Страшно. И муж запретил. Зато разрешил попро-

Чета авиаторов Кузнецовых – Павел Андрианович и Домникия Илларионовна Кузнецова-Новолейник

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

бовать силы на сцене. Тем более что в 1912 году сильно разбился в авиакатастрофе и с небом распрощался. Актерствовать у нее получилось. Карьера сложилась довольно успешно. Жила семья в Кисловодске, где в 1962 году в возрасте 76 лет первая русская (недипломированная) авиатриса ушла из жизни.

ДОЧЬ ГЕНЕРАЛА

24 августа 1911 года газета «Новое время» сообщила, что двумя днями ранее «ответственный комиссар Императорского всероссийского аэроклуба И.С. Аствацатуров в присутствии пилотов Агафонова и Колчина и офицеров воздухоплавательной школы экзаменовал ученицу частной воздухоплавательной школы завода Щетинина Л.В. Звереву». Через несколько дней 21-летняя Лидия получила диплом пилота. За номером 31! Другими словами, она открыла четвертый десяток российских профессиональных пилотов, став при этом первой в империи дипломированной авиатриссой.

А началось все в детстве. Лида была младшей дочерью генерал-майора Русской армии, героя последней русско-турецкой войны Виссариона Лебедева. Две дочери и ни одного сына! Делать было нечего, и генерал делился воспоминаниями с Лидой. Благо она слушала с интересом, как мальчишка. Ей вообще претили девичьи забавы вроде кукол и нарядов. Она любила «мальчуковые» игрушки и «мальчуковые» же игры. Предание гласит, что как-то Лидочку нашли в густой крапиве с вывихнутой лодыжкой. Рядом валялся сломанный зонт. Прыжок с крыши или дерева засчитали. Отец был назначен комендантом крепости Осовец, вошедшей в мировую историю во время Великой войны «атакой мертвецов». Но в бытность генерала Лебедева все шло мирным чередом. В крепости появился отряд аэростатов. Лида мечтала об одном: подняться на таком чуде в небо. Устав запрещал подобное категорически. Но отец сжалился. Каково это – висеть над землей на полукилометровой высоте и видеть все окрест на 25 верст! А тебе всего 12 лет. Дирижабли и аэростаты – вот о чем мечталось. Аэропланов еще не было. Но пришлось набраться терпения. Дочь генерала должна иметь светское воспитание. Белостокский институт благородных девиц, основанный, между прочим, еще в 1837 году, она окончила в 17 лет. И тут же была выдана замуж за

Лидия Зверева с курсантами и инструкторами авиашколы в Гатчине. Крайний справа – российский летчик Владимир Слюсаренко, будущий муж Лидии Зверевой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

инженера Ивана Зверева. Не успел брак толком наладиться, как Иван Сергеевич скончался от аппендицита. 19-летняя вдова переехала к отцу в Петербург. И на тебе – почти сразу такое зрелище: «I Авиационная неделя на Коломяжском скаковом ипподроме!» Среди участников авиашоу наряду с мужчинами была и дама – француженка Раймонда де Ларош. Которая, кстати, считается претенденткой наряду с другой француженкой, Терезой Пельтье, на звание первой в мире авиаторши.

Решение летать стало необратимым. Но как это сделать, если в России нет гражданских авиашкол, а военные Гатчинская и Севастопольская были закрыты для барышень по определению? Первые русские авиаторы учились за границей, но для женщины такой путь тоже был недоступен. Через несколько месяцев в Гатчине открылась частная авиашкола «Гамаюн», на пол претендентов там внимания не обращали, требовалось только оплатить два счета, и оба солидные: за обучение и за страховку. В июне 1911 года Зверева впервые поднимается в воздух на аэроплане в паре с инструктором. Через месяц – первая гримаса судьбы и первая трагедия. В дневниках Лидии Виссарионовны есть запись: «Отстартовав в Петербурге, мы взяли направление на Московское шоссе, но по пути мотор стал давать перебои, во избежание аварии пришлось вернуться обратно. Вторично я не полетела только потому, что авиатор Шиманский предложил Слюсаренко свой мотор и как владелец его полетел пассажиром. Результат известен – оба упали, Шиманский разбился насмерть и спас меня ценой своей жизни».

Отучившись всего полтора месяца, Лидия совершила первые самостоятельные полеты. Ее сокурсник Константин Арцеулов вспоминал: «Зверева летала смело и решительно, я помню, как все обращали внимание на ее мастерские полеты, в том числе и высотные». В 1912 году летчица вторично вышла

Последнее заседание в аэроклубе авиаторов и лиц, принимавших участие в перелете Петербург – Москва в 1911 году. Среди присутствующих – Лидия Зверева

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

замуж – за того самого Владимира Слюсаренко, который, в отличие от Шиманского, отделался переломом обеих ног. Вместе с мужем переехала в Ригу. Последовательно открыли летную школу, ремонтную мастерскую, небольшой завод по производству аппаратов. Там же в апреле Зверева едва не погибла. При огромном стечении любопытствующих поднялась в небо с показательными выступлениями, но сильный ветер снес машину в сторону трибун. Летчице пришлось резко изменить курс. Аэроплан опрокинулся и упал. «Еле жива», – описала свое состояние сама Зверева. Но серьезных травм чудом удалось избежать. Только легкие сильно болели, грудь придавило обломками «этажерки».

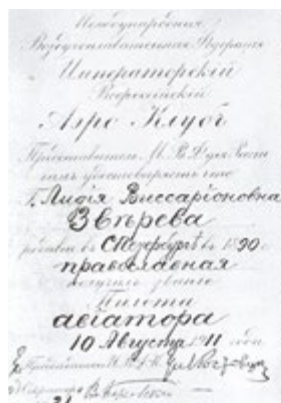
Началась Первая мировая война, и хозяйство Зверевой-Слюсаренко переехало в Питер. По заказу военного ведомства за-

вод выпустил около 80 боевых самолетов «Маран», «Фарман» и «Ньюпор». Весной 1916 года Лидия Виссарионовна заразилась брюшным тифом и умерла. Есть версия, что причина не в тифе, а в иностранной разведке. К этому времени она закончила разработку нового, авторского боевого самолета. После смерти в бумагах Зверевой нашли даже письмо, написанное выдающимся летчиком Петром Нестеровым. А вот чертежей будущего аэроплана не обнаружили.

БЕССТРАШНАЯ КНЯГИНЯ

Жизнь – сплошная авантюра. Эту даму нередко титулуют княжной Шаховской. Некоторого занудства не избежать. Уместно напомнить, что княжна – это дочь князя. А княгиня – это жена князя. Все просто. При этом княгиня вполне может быть княжной по происхождению. Из другого княжеского рода. Евгения Михайловна Шаховская княжной не была. Она родилась в семье богатого петербургского купца Михаила Андреева в 1889 году. Княжеским титулом обязана замужеству с Андреем Шаховским, вследствие чего ей ошибочно приписывают родство с самими Рюриковичами. Есть, правда, туманные намеки у некоторых авторов, что Евгения была внебрачной дочерью другого Шаховского – Михаила, аж целого сенатора. Но бастарду

Диплом авиатора Лидии Зверевой, полученный 23 августа 1911 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

княжеский титул все равно не полагался.

Брак оказался несчастливым и коротким. В свете шутили, что княгиня изменяет мужу постоянно. Но не с мужчинами. А с автомобилями. Страсть к мужским увлечениям у нее была, похоже, в крови. Стрельба, верховая езда, фехтование, те же авто.

Пример Раймонды Ларош потащил княгиню в небо. В 1912 году в Германии выпускница Смольного института благородных девиц получила пилотский диплом. Любила шутить по поводу того, что авиация – дело простое. Главное – побороть страх. Без страха она подняла в 1913 году в небо аэроплан, в котором вторым пилотом сидел известный летчик Всеволод Абрамович, по совместительству герой ее страстного романа. Одна из газет писала: «На высоте всего 8 метров аппарат попал в воздушную воронку, образовавшуюся от спускавшегося под ними на землю другого аппарата. Аппарат, перевернувшись, упал стремглав на землю». По другим данным, потеря управления произошла на высоте 60 метров. В этом случае с трудом верится, что смерть не настигла обоих пилотов. Как бы то ни было, но через два дня Абрамович умер в больнице. Раны были несовместимы с жизнью. Княгиня уцелела. И приняла решение покончить с авиацией.

Все изменилось с началом войны. Шаховская подала прошение на высочайшее имя с просьбой отправить ее на фронт в один из авиационных отрядов. Это была третья попытка стать военной летчицей. Первая случилась в 1912 году во время итало-турецкой войны, вторая – в те же годы во время очередной балканской заварухи. Поначалу Шаховскую отправили служить в санитарный поезд имени великой княжны Анастасии Николаевны. Но неумный темперамент княгини привел ее все-таки в военную авиацию. В ноябре 1914 года Шаховская, тут же получившая в прессе титул «первой российской военной авиатриссы», оказалась в чине прапорщика в Ковенском авиаотряде.

Возможная причина этого решения – близкие связи княгини с Григорием Распутиным, с которым она познакомилась после гибели Абрамовича, находясь в глубокой депрессии. Этому периоду приписывают и увлечение Шаховской опиумом и кокаином. В любом случае, воевала летчица недолго, чуть более месяца. Случилась темная история, в результате которой ее обвинили в шпионаже в пользу Германии. В первые годы войны Россию захлестнула шпиономания. Довольно вспомнить мрачную судьбу полковника Сергея Мясоедова, по-

Княгиня Евгения Михайловна Шаховская и Всеволод Михайлович Абрамович. 1913 год

вешенного, сдается, по сфальсифицированному обвинению. Суд был скор и расторопен. Шаховскую приговорили к смертной казни. По личному распоряжению императора казнь заменили на монастырское заточение. Вновь подумалось про Распутина. Февраль 1917-го освободил многих. И виноватых, и безвинных. Октябрь 1917-го вытолкнул уже свободную от уз княгиню к большевикам. Летать она больше не летала. Служила в ЧК, в Киеве. Видимо, коллегам льстило, что в их рядах не просто жертва царского режима, но титулованная воительница с контрреволюцией.

Завершилось все, как и следовало ожидать. Осенью 1920 года Шаховская погибла. То ли в пьяной перестрелке с соратниками, то ли была расстреляна за убийство авиамеханика в Гатчине.

РЕКОРДСМЕНКА

В начале XIX века в Одессу из Италии повадился некто Джузеппе Д'Анатра, морской «купец», капитан вроде Эдмона Дантеса из славного романа Александра Дюма «Граф Монте-Кристо». Его потомок Артур Анатра был на стыке XIX и XX веков крупным предпринимателем на юге России. Очень интересовался авиационным делом, видя в этом дальние и богатые перспективы. Кончилось дело тем, что в 1911 году устроил в Одессе небольшой завод по сборке аэропланов и открыл частную летную школу. Во время Великой войны завод превратился в одного из крупнейших поставщиков Русской армии по части боевых самолетов. В 1916-м Анатра открыл еще один завод, в Симферополе.

Евдокия Васильевна Анатра приходилась супругой младшему брату Артура Антоновича, погибшему в авиакатастрофе в 18 лет. Сама Евдокия получила диплом авиатора в школе «Гамаюн» 16 октября 1911 года. Сведения об обладательнице диплома №54 крайне скудны. Если сопоставить даты, то невольно задашься вопросами. 18-летний, но уже женатый че-

ловец погибает в авиакатастрофе. Погибнуть таким образом в России до 1910 года было трудно. А его вдова вопреки логике идет в авиатриссы... В том, что брат у миллионера был, сомнений нет. (По данным одесского исследователя Каменецкого, Артур Антонович трагически ушел из жизни через несколько дней после получения известия о варварском разграблении и уничтожении родового склепа семьи Анатра в период ликвидации 1-го христианского кладбища. В склепе были похоронены отец, мать, сестры и брат Артура Антоновича.) В том, что Евдокия – не родственница семьи, а именно супруга кого-то из Анатра – тоже. Иначе б не была Васильевной.

Ну да не в этом суть. Более о Евдокии сказать нечего. Кроме одного. В 1913 году она установила рекорд высоты для женщин-авиаторов – 3 тысячи метров. И никаких последующих успехов.

АКТРИСА-АВИАТРИССА

Афиши, извещавшие о выступлении певицы и актрисы Молли Мор, вывешивались на петербургских тумбах довольно часто. Но в один прекрасный день пропали. Выросшая в бедной семье Люба привыкла к самостоятельным решениям. На этот раз изменить судьбу ее заставили ощущения, испытанные во время полета пассажиркой на аэроплане первого русского летчика, Михаила Ефимова. Сцену она бросила не сразу, так как ей, как и Зверевой, учиться летному делу в 1910 году в России было нелегко. Через год Голанчикова окончила школу «Гамаюн», получила диплом №56, но еще выступала на сцене. Окончательно ушла в авиацию весной 1912-го. О чем и сообщил петербургской публике журнал «Вестник воздухоплавания». Почти сразу же Голанчикова попала в авиакатастрофу под Ригой на местном ипподроме, где время от времени устраивали показательные выступления авиаторов. Самолет – вдребез-

Евдокия Анатра
(в головном
уборе с белой
полосой) среди
авиаторов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ги, но Любовь Александровна отделалась ерундой. Так завершилось ее первое большое турне по городам России. Далее она регулярно летала только в Петербурге. Пока не познакомилась на конкурсе военных самолетов с голландским авиаинженером Антоном Фоккером. Тот привез на показ могучий моноплан с двигателем в 100 лошадиных сил. Что там у них произошло, неизвестно, но Фоккер пригласил Голанчикову в Берлин – заниматься испытаниями его аэропланов. В ноябре 1912 года она установила рекорд высоты для женщин – 2400 метров (по другим данным – 2 тысячи). В декабре 1913 года летчица подписала любопытный контракт с авиастроительной мастерской сахарного магната Федора Терещенко, которую он затеял для сборки аэропланов «Фарман». В одном из пунктов значилось, что Голанчикова приглашена для испытания

самолетов. Напрашивается простенький вывод. Именно Любовь Александровна достойна именоваться первой русской летчицей-испытателем.

В начале Первой мировой войны Голанчикова, вышедшая замуж за богатого купца, не летала. Но со временем вернулась к любимому делу и продолжила заниматься испытательской работой в небе. После Октябрьского переворота тренировала будущих красных авиаторов, но охладела к новациям большевиков и эмигрировала в знакомую с довоенного времени Германию, а оттуда – в США. Видимо, жизнь в Штатах складывалась непросто, раз начиная с 1942 года, то есть с 53 лет, служила шофером. Умерла в Нью-Йорке в 1961 году.

Любовь
Голанчикова
среди авиаторов.
1912 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ГОНЩИЦА

Известность пришла к Елене Самсоновой после того, как на автомобильных гонках в московском пригороде осенью 1913 года она завоевала специальный приз. Руль и колеса были ее призванием от рождения. Но не единственным. Несколько месяцев ранее она получила пилотский диплом. Причем, в отличие от большинства авиатрисс, не в Петербурге, а на Московском аэродроме. Можно говорить о том, что Самсонова – первая дипломированная авиаторша в Первопрестольной.

О Елене Павловне известно крайне мало. Родилась в 1890 году в семье военного инженера. Умерла в Сухуми в 1958-м. Судя по тому, что окончила Белостокский институт благородных девиц, как и Зверева, отец служил в это время где-то на западных рубежах империи. Золотая медаль института привела ее в Петербург на Бестужевские высшие женские курсы. Перспектива оказаться учительницей в гимназии не соответствовала характеру «бестужевки» Самсоновой. Она вернулась на русский Запад и окончила водительские курсы в Варшаве. Из прошлого доносится скупое – правила автомобиля мастерски.

Во время Первой мировой войны служила сестрой милосердия. Опять-таки в Варшаве, в военном госпитале. Самсонова перебралась на Юго-Западный фронт, в Галицию, где продолжила службу в автомобильных отрядах 9-й армии. Во время Великого отступления 1915 года была отозвана в Москву. Есть версия, что она успела недолго повоевать в Русском Императорском военно-воздушном флоте, в составе 5-го корпусного авиаотряда. Но пока это всего лишь версия. Зато во всех источниках утверждается, что уже после Февральского переворота она получила разрешение поступить в 26-й корпусной авиаотряд летчиком-наблюдателем. Кроме одного, весьма дотошно, в котором тщательно собираются списки участников Первой мировой. И офицеров, и спецперсонала. Пока, однако, фамилия летнаба Самсоновой в нем не появилось. Зато там есть другая фамилия.

ЦАРСКАЯ КРОВЬ

Официальный формуляр гласит: «Прапорщик (сдала экстерном экзамен на чин прапорщика при Николаевском инженерном училище в 1917 году), младший офицер отряда с 13.10.1917 года, назначена в 26-й корпусной авиационный отряд после окончания Гатчинской Офицерской школы авиа-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Княгиня Софья
Алексеевна
Долгорукая
во время пробега
1910 года на приз
Николая II

ции Отдела авиации, в октябре 1917 года».

Урожденная графиня Бобринская появилась на свет в семье сенатора, обер-гофмейстера, председателя Императорской археологической комиссии графа Алексея Бобринского в декабре 1887 года. Вот уж в ком точно была царская кровь, так это в Софье. Род Бобринских возник в России в XVIII веке с нуля. Эту фамилию, равно как и графский титул, императрица Екатерина II даровала своему внебрачному сыну от пламенного союза с Григорием Орловым.

Софья была разносторонним человеком. Получив медицинское образование, периодически отправлялась трудиться хирургом в военные госпитали. Это ее послушничество продолжалось в течение пяти лет – с 1907 по 1912-й. За службу на сербско-болгарской войне получила награду в Белграде. Одновременно с этим активно занималась автомобильным спортом, благо финансовое положение рода позволяло заниматься чем угодно. Участвовала в гонках, в том числе многодневных. Была единственной женщиной в компании 48 гонщиков, участвовавших в автопробеге 1910 года на приз Николая II по землям Великороссии, Белоруссии и Украины протяженностью 3200 километров. В 1912 году уже княгиня Долгорукая прошла пилотную подготовку во

Франции у самого великого Луи Блерио, который первым перелетел Ла-Манш в 1909 году. После чего вернулась в Россию и отучилась на Высших женских курсах. Диплом пилота обрела в 1914 году, за считанные дни до войны, окончив Императорский российский аэроклуб.

Воевать ей запретили. И тогда, уже вновь графиня Бобринская, успевшая развестись с полковником лейб-гвардии Конного полка князем Сергеем Долгоруким, вступила сестрой милосердия в отряд Красного Креста имени Государственной думы. Служила в Галиции и Закавказье, награждена четырьмя медалями. Только в начале 1917 года ей удалось добиться перевода в Гатчинскую авиашколу для переподготовки. В 26-й КАО прибыла только осенью, когда русская боевая авиация уже толком не летала.

Удивительно, но советские власти графиню-княгиню царской крови не тронули. И ее нового мужа, князя Петра Волконского, за которого она вышла в ноябре 1918-го в Петрограде – тоже. Вернее, Софью Алексеевну не тронули совсем, а мужа арестовали. В 1921 году княгиня чудом смогла вернуться в РСФСР и вызвать супруга из-за решетки, после чего вместе с ним покинула Родину навсегда. Умерла в Париже в 1949 году, успев поработать водителем такси, переводчиком в казино, секретарем и даже литератором...

Когда самолеты и дирижабли еще не придумали, люди поднимались в небо на воздушных шарах. Не только мужчины, но и женщины. В мае 1804 года девица Александра Турчанинова, прибывшая из Пензы в Москву навестить родню, из-за отсутствия желания у мужеска пола, погрузилась в воздушный шар, привезенный французами на показ, и поднялась над Первопрестольной. Поговаривали, что не одна, а вместе с взбалмошной и прекрасной княгиней Прасковьей Гагариной. ❧

ПОДЗЕМНАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

АВТОР

МАКСИМ ГУСЕВ [ФОТО АВТОРА]

ВПЕРЕДИ КРОМЕШНАЯ ТЬМА. МЫ ИДЕМ ПО САМОМУ, ПОЖАЛУЙ, УНИКАЛЬНОМУ ТУРИСТИЧЕСКОМУ ОБЪЕКТУ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ – ДИДИНСКОМУ ТУННЕЛЮ. ОН РАСТЯНУЛСЯ БОЛЕЕ ЧЕМ НА КИЛОМЕТР ПОД ЗЕМЛЕЙ НА ПЕРЕГОНЕ РЕВДА–ДРУЖИНИНО. ЕСЛИ НЕ ЗНАТЬ, ГДЕ НАХОДИТСЯ ТУННЕЛЬ, ТО НИ ЗА ЧТО ЕГО НЕ НАЙТИ. СТРОИЛСЯ ОН ЕЩЕ В ЦАРСКОЙ РОССИИ, ПОЗЖЕ ИСПОЛЬЗОВАЛСЯ АРМИЕЙ КОЛЧАКА, ИМЕЛ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, А ЗАТЕМ «УМЕР» КАК ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ОБЪЕКТ – ВМЕСТЕ С СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ.

Я БЫВАЛ ЗДЕСЬ НЕОДНОКратно и сейчас часто вожу сюда гостей. Всякий раз иронизирую:

«Свет в конце этого туннеля может быть только естественным – огней приближающегося поезда мы никогда не дождемся».

Полуразвалившиеся будки охраны, истлевшие, но еще каким-то чудом стоящие деревянные столбы с колючей проволокой, вентиляционная шахта, от глубины которой кровь стынет в жилах, пулеметные доты. Тропинки между этими «точками» разглядит лишь натренированный глаз, и, если удалось увидеть примятую траву – считай, повезло: значит, получится обойти все самое интересное достаточно быстро. Когда-то стратегический объект ныне бро-

шен на произвол судьбы и стал популярным в среде тех, кому интересно все, что выходит за пределы обычного.

Ровно сто лет минуло с тех пор, как в 60 километрах от современного Екатеринбурга в районе станции Дидино был открыт этот некогда секретный туннель, о котором в наши дни знают не только военные, но и любители экстремального туризма. Последние приезжают сюда круглый год: одни едут с уверенностью, прекрасно зная все повороты лесных дорог и то место, откуда лучше всего начать свое знакомство с подземным сооружением, другие – на авось, решившись отыскать туннель самостоятельно. Это добавляет остроты и жутковатой романтики!

СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

Знакомый инженер, бывавший в этом месте, рассказывал: мол, есть версия, что для ускорения стройки туннель вели одновременно с двух сторон, однако где-то в центре немного не сошлись. Так ли это было на самом деле, неизвестно, но в центре туннеля обнаруживается небольшой горизонтальный крен. Так что, стоя в центре одной его стороны, свет в конце другой не виден. Но если встать особым образом у края любого из входов, то можно найти точку, с которой видно, как пробивается свет на противоположном конце.

Мне повезло застать то время, когда Дидинский туннель можно было пройти насквозь. В последние годы, однако, его стало частично затопливать – то ли дренажная система перестала справляться, то ли на нынешнюю сырую погоду объект не был рассчитан. И теперь у одного из выходов не пересыхает примерно 50-метровый участок. В теплое лето он становится чуть меньше, а в прохладное и дождливое – заметно больше. Поэтому большинству современных путешественников преодолеть весь маршрут можно, только специально снарядившись: помимо фонарей и теплой одежды нужны по меньшей мере высокие резиновые сапоги, поскольку местами глубина ледяной воды доходит до колен.

ЛЕГЕНДЫ О СОКРОВИЩАХ

Строительство туннеля началось в 1916 году на участке Казанско-Екатеринбургской железной дороги, а завершилось в 1918-м. Стены строители отделали неотесанным бутовым камнем, своды входов выполнили в виде монолитных сооружений, которые должны были если и не скрывать его от посторонних глаз, то, по крайней мере, не привлекать к нему излишнего внимания. По некоторым данным, оба портала строились с расчетом на то, чтобы выдержать артиллерийскую атаку.

– Вход-выход оформлены в виде крепостных башен с бойницами и зубцами, – рассказывает один

Еще действующий Дидинский туннель в 1991 году – за четыре года до его официального вывода из эксплуатации

из участников популярного туристического проекта «Ураловед», Станислав Жданов. – Когда смотришь на него, даже не верится, что все это построено практически вручную.

Сегодня нас мало чем можно удивить, а в те годы построить подземный объект такого масштаба было непростым делом. По официальным данным, длина туннеля составляет почти 1124 метра, ширина – 4,65, а высота 6,1 – метра. Параллельно основному туннелю идут два дренажных, при этом в центре имеется вентиляционная шахта длиной свыше 50 метров, выходящая на поверхность – долгие годы она была закрыта. Об этом вертикальном шурфе в архивах железной дороги говорится: шахта бетонная, сечением 3 на 2,5 метра, отделкой верхнего среза красным кирпичом, стены гладкие, покрыты трещинами со следами воды и льда, через весь шурф идет труба воздуха высокого давления диаметром 100 миллиметров.

Поговаривают, что в разгар Гражданской войны именно здесь проходили эшелоны Верховного главнокомандующего Русской армией Александра Колчака, отступающие в Сибирь. Кстати, впоследствии это породило легенды о спрятанных белыми в этих местах сокровищах. Но дальше разговоров дело не идет: документальных подтверждений этому нет ни в одном архиве.

Использовался туннель и во время Великой Отечественной войны. Официально военные не делятся информацией о туннеле, а вот железнодорожники более разговорчивы. Они, к примеру, подтвердили исследователям проекта «Вечный странник», что в то время объект имел стратегическое значение. Судите сами: некоторое время его охраняла собственная воинская часть, расквартированная в окрестностях, позднее вокруг него был организован пост стрелковой команды ВОХР – разве что зениток поблизости не было, но во все стороны у входов сделаны амбразуры. Через туннель шли составы с военной техникой, а также поезда, на кото-

Ну как же обойтись без фото? Любый турист, увидев массивный вход, первым делом тянется за гаджетом...

Доты разыскать в густой траве непросто, но, если нашел – считай, повезло. Внутри места совсем немного – только-только, чтобы развернуться двум-трем автоматчикам

рых эвакуировали людей из центральной части страны.

Более об этом историческом периоде ничего не было известно, пока, спустя годы, не поделился воспоминаниями бывший фронтовик Михаил Клепалов, который в 1963 году заступил на должность начальника гарнизона. Он один из тех немногих, кто рассказывал родным, что территория около туннеля была обтянута колючей проволокой, входные порталы охранялись автоматчиками. При этом недалеко от туннеля находилось тренировочное стрельбище: Михаил Андреевич водил туда свою дочь и братьев, показывал, как занимаются военные.

С «ВОЕНКИ» НА «ГРАЖДАНКУ»

Объект в те годы в круглосуточном режиме обслуживали десятки людей. Особенность микроклимата туннеля такова, что персоналу приходилось постоянно откачивать воду, следить за полноценной работой коллекторов, устранять засоры. Поезда ходили достаточно часто, но спешки в работе охраны не было: каждый состав встречали, тщательно досматривали и только потом пропускали внутрь, открывая брезентовые шторы – ими туннель был закрыт с обеих сторон. Это позволяло зимой не вымораживать инфраструктуру, а летом частично уберегало от насекомых.

И все же, даже учитывая требования безопасности и эксплуатации, машинистам поездов в туннеле разрешалось держать максимальную скорость не более 10 километров в час. А все из-за того, что в сырости рельсы могли повести себя непредсказуемо. Но то, что было сделано в царские годы, гарантировало если и не вечную, то долговременную работу: и в поздние советские годы все сохранялось без серьезных капитальных ре-

Та самая жутковатая верхушка шахты – при взгляде вниз кровь в жилах невольно холодеет: там 50-метровый провал!

УВИДЕТЬ МОЖНО, А ПРОЙТИ... НЕЛЬЗЯ?

Обо всем этом и о своих впечатлениях, полученных из прошлых походов, рассказываю своему товарищу и частому спутнику в моих поездках Азату Якупову – он хотя и любитель необычных, таинственных и просто красивых мест, ничего подобного в жизни не видел. Поэтому, пока мы, свернув с оживленного Московского тракта, едем 6 километров по грунтовке, повествую я ему и царскую, и советскую историю этого объекта, но сразу готовлю к тому, что пройти туннель насквозь нам не удастся, а вот увидеть – получится наверняка.

...Прошли дожди, и по превратившейся в грязь грунтовке доехать до места нам не удастся. Оставляем машину в полутора километрах на обочине и идем по глинистой дороге, которая на подступах к туннелю начинает то раздвигаться, то тротиться. И хотя я приехал сюда не в первый раз, магия места по-прежнему работает: около часа мы блуждаем по окрестностям, пытаюсь отыскать спуски к туннелю или подходы к военным укреплениям. Истлевшие столбы, опутанные колючей проволокой, еще встречаются в густой траве и кустарнике, и поиски растягиваются до тех пор, пока мы не наткнемся на вентиляционную шахту, выложенную снаружи старым кирпичом. Несмотря на теплый сентябрь, из нее веет каким-то безжизненным холодом. Переглядываемся и какое-то время ходим вокруг да около, пытаюсь заглянуть внутрь и при этом сохранить равновесие и не

монтов, в целости, и функционировало, как того требовали условия.

С годами объект получил гражданское назначение, став пропускным туннелем для поездов, следующих по ветке Екатеринбург–Москва. Однако уже в середине XX века началось проектирование, а позже строительство и укрепление насыпи для многопутной магистрали – в отличие от подземного «соседа», здесь, на открытой территории, ограничений по скорости нет и не было.

Ну а туннель в Дидино оказался обречен...

Последний поезд прошел по нему в декабре 1995 года, после чего территорию законсервировали: на въездных порталах установили огромные металлические решетки, рельсы и шпалы демонтировали, насосы и другую техническую начинку вывезли. И вскоре началось его неизбежное разру-

шение. С годами выяснилось, что совсем не случайно военные регулярно откачивали отсюда воду. В центре туннеля постепенно образовался ледник, достигающий местами полуметра в высоту, который практически никогда не тает, сохраняясь даже в самое жаркое лето. Дело в том, что температура внутри туннеля никогда не поднимается выше плюс 10 в воздухе, а на земле – стремится к нулю.

Со временем местные дачники срезали решетки, закрывавшие входы, сделав туннель общедоступным объектом, а лес поглотил когда-то открытые подходы к нему. Доты затянуло травой, лестница и воздуховоды в шахте заржавели и скрылись среди сухостоя, туннель стал ветшать и представлять все большую опасность для посещающих его людей. Несмотря на это, с нулевых сюда начался поток туристов, а также исследователей загадок и тайн.

рухнуть туда. Потом приходим к выводу: чтобы посмотреть вниз, никак иначе, кроме как ползком, к краю не подобраться.

Серые бетонированные края и видимое отсутствие дна щекочут нервы. Конечно, это лишь подстегивает к дальнейшим поискам, и вскоре мы набредаем на западный вход в туннель – застегиваем куртки, включаем фонарики и уходим в темноту.

Свисающие провода, выкрошившаяся часть стены туннеля, грунт, который неоднократно подсыпали и в советские, и уже в российские годы, леденящая кровь тишина, прерываемая лишь журчанием ручейков...

В одном месте останавливаемся и решаемся на риск: спускаемся друг за другом в отверстие, уходящее на несколько метров вниз. Так мы оказываемся в дренажном коллекторе, где воды заметно больше, чем можно было ожидать. Вылезая обратно и продолжаем свой путь. Примерно в центре туннеля находим точку, с которой не видно ни входа, ни выхода. Жутковато и от холода, стоящего здесь. По пути встречаются нам ниши в стенах для укрытия обслуживающего персонала от движущихся составов – их здесь 16 небольших и еще три большего размера для спуска в дренажные штольни. А еще свет фонарей выхватывает камеры для хранения инструментов, лестницу в ту самую вентиляционную шахту, которую мы видели наверху, старые фонари, освещавшие своды, и ржавые провода, которые местами свисают так, что приходится их обходить стороной.

А вот и тот самый пласт льда. Скорее всего, в этом году ледяная глыба уже не растает. И неудивительно, что после нее с каждой сотней метров становится все более сыро. Вокруг темнота и странные звуки то ли осыпающейся каменной крошки со стен, то ли шума крыльев не видимых нам летучих мышей. А еще – капли воды, которые то и дело попадают на лицо, на голову, а то и за шиворот.

Сначала вся эта вода, капающая сверху и подтаивающая снизу,

Молодой лес сегодня практически полностью поглотил окружающую инфраструктуру, поэтому далеко не все, кто приезжает сюда, находят доты и шахту

образует небольшие лужи, которые нам еще удастся обходить или перепрыгивать, но вскоре остается лишь один сухой путь – у кромки стены. Пройдя по нему совсем немного, когда и до выхода-то осталось метров 70, мы понимаем: это конец нашего «сухого» похода. Идти дальше остается только по воде или же повернуть вспять. Какое-то время обсуждаем возможные варианты – километр назад пройти несложно, но зачем, если вот он, выход?! Отваживаемся снять кроссовки и оставшиеся до «лесной суши» метры бредем по колону в ледяной воде. Эффектный финиш.

Некоторые провалы смотрятся угрожающе – подходить к ним опасно. Без шуток!

«ГОЛОВА БОЛИТ, СЕРДЦЕ КОЛОТИТСЯ»

Но сегодня нам еще повезло – мы оказались здесь вечером, и потому не встретили никого, кто помешал бы нашему путешествию. К сожалению, в последние годы экстремалы, приезжающие сюда на джипах, считают делом чести не пройти, а проехать по туннелю. Для этих целей внутри, а также на подъездах к нему заготовлены доски – их автоэнтузиасты подкладывают под колеса на особо опасных участках пути. При этом водители, упражняющиеся друг с другом в скорости прохождения туннеля, на форумах в Интернете активно обсуждают тонкости маршрута и советуют друг другу, как здесь лучше проехать, чего опасаться и каким способом преодолевать водную часть маршрута. Краеведы, для которых сохранение самого известного объекта станции Дидино в нынешнем виде было бы наилучшим вариантом из всех возможных, прогнозируют: рык моторов и выхлоп топливных газов со временем сделают свое дело – туннель если и не обрушится, то станет крайне опасным для хождения здесь людей. И потому вызывают к разуму автомобилистов,

туристов. Например, в период бума походов в туннель они рассказывали, что одно время сюда повадились ходить косолапые.

– Медведица в сады действительно приходила, да не одна, а с медвежонком, – рассказывает один из них. – Многие участки здесь заброшены, клубника на большинстве из них уходит под снег несобранная. Вот они по ягоды и пришли. Заодно и пасеку на восемь ульев приватизировали у одного из садоводов, а его самого на дерево загнали. Наши сады и весь район вокруг них относятся к городу Первоуральску, а единственная дорога до садов идет через Ревду. Ревдинским полицейским нет дела до садов, а первоуральские доехать до них не могут.

Садоводам эти «жути» на руку: чем меньше будут ходи ездить здесь туристы, тем им же ть и спокойнее. Но не понимают они почему-то, что в современных людях это лишь разжигает еще больший интерес...

И даже странно, что никто в Свердловской области до сих пор не подумал о том, чтобы сделать из этого объекта аттракцион, подобный тому, который появился в Иркутске на одном из недействующих участков Кругобайкальской железной дороги. «Туннель находится в аварийном состоянии, поэтому его использование в дальнейшем нецелесообразно», – говорят власти. Однако это не мешает им включать Дидинский туннель в многочисленные путеводители, где предлагается маршрут выходного дня с посещением высоких живописных виадуков, которые находятся на пути к соседней железнодорожной станции, Дружинино.

А в сотне метров от заброшенного туннеля, на железнодорожной ветке на Москву, кипит повседневная жизнь: ползут товарняки, со свистом пролетают электрички, пыhtят поезда. Пассажиры пьют чай, обедают и разгадывают кроссворды, время от времени выглядывая из окон. И даже не подозревают, что проезжают мимо места, которое навсегда вошло в историю и дожило до наших дней. ■

но те игнорируют любые попытки их усомнить.

Известный уральский журналист Юрий Коньшин отмечал, что, по некоторым данным, в окрестностях этого туннеля зафиксирована сильная геопатогенная зона. «Деревья в лесу стоят с сильно искривленными стволами, а кустарник и трава гигантского размера», – пишет он в своих записках и даже уверяет, что самочувствие на этом относительно небольшом пятнышке земли резко ухудшается: возникает сильная тяжесть в голове, сердце колотится, повышается давление. «А птицы это место и вовсе облетают стороной, животные также его избегают. У людей появляется непреодолимое чувство страха, хочется поскорее отсюда убраться, словно кто-то невидимый тебя выживает», – сообщает он. Но то ли в этих словах он выдает желаемое за действительное, то ли просто ему «повезло» быть здесь в какое-то чересчур неудачное время, однако мы вы-

шли из туннеля не то что не уставшими, но и будто посвежевшими и даже бодрыми. А на обратном пути с ближайшего дерева спугнули какую-то птицу.

Впрочем, все тот же инженер, немало изучавший историю царско-советского и немного российского туннеля, рассказывает, что дидинский объект относится к горным и пробит в граните. Этим вполне может быть обусловлен немного повышенный радиоактивный фон внутри и в дренажных каналах. Он же предположил, что туннель мог использоваться и не по назначению: не исключено, что тут укрывали какую-то технику. Кстати, именно для вывода дидинских газов могла предназначаться та самая шахта.

БУДУЩЕЕ, КОТОРОГО НЕТ...

Дачники, которые трудятся и отдыхают на своих участках в полукилометре от восточного входа, сознательно придумывают разного рода ужасы, надеясь отпугнуть

Восточный портал с годами все больше затапливается дождевой и ледниковой водой из глубины туннеля

ОЖИВШЕЕ ПРОШЛОЕ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СТУК КОПЫТ РАЗДАЛСЯ СНАЧАЛА ЗА СПИНОЙ, ПОТОМ ВОЛНА ЗВУКА ПРОШЛА СЛЕВА, УШЛА ВПЕРЕД И ЗАТИХЛА ГДЕ-ТО В ПРАВОМ ДАЛЬНОМ УГЛУ. БУДТО ПО ПЕРИМЕТРУ ЗАЛА МУЗЕЯ ПРОНЕССЯ НЕВИДИМЫЙ ТАБУН ЛОШАДЕЙ. «ЭТО ЧТО – КОНИ СКАЧУТ?!» «КНИ, КНИ, – УЛЫБАЕТСЯ КУРАТОР ВЫСТАВКИ «КУЛЬТУРНЫЙ МОСТ: ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ» ВАСИЛИЙ НОВИКОВ. – У НАС ЕЩЕ ЛЯЗГ МЕЧЕЙ БУДЕТ ВКЛЮЧАТЬСЯ. ТАК СКАЗАТЬ, ДЛЯ ПОЛНОГО ПОГРУЖЕНИЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ В АТМОСФЕРУ».

КАЖЕТСЯ, С ЗАДАЧЕЙ «погружения» организаторы и кураторы выставки справились: необычный дизайн экспозиции, нестандартный подход к демонстрации экспонатов, интерактивная карта, видеоролики и видеоекраны, рассказывающие о выставленных в витринах находках археологов, аудиоэффекты, 3D-реконструкции ряда артефактов, тактильные модели некоторых экспонатов для слабовидящих посетителей и информационные таблички на шрифте Брайля. А еще – виртуальный тир, в котором любой желающий может стать скифом, сражающимся с войсками Дария, хазаром, бьющимся с

арабами, или русом, штурмующим хазарскую крепость Саркел. «Победители игры будут получать от нас призы, – сообщает Василий Новиков. – Не хотите попробовать?»

Куратор выставки Василий Новиков объясняет, как работает интерактивная карта

АРХЕОЛОГИЯ КАК ТРАНСПОРТНЫЙ ХАБ

Интерактивная выставка «Культурный мост: из прошлого в настоящее», открывшаяся в сентябре в Государственном музее архитектуры имени А.В. Шушова, – это настоящее событие для всех тех, кто интересуется историей. В экспозиции представлены уникальные археологические находки последних лет, обнаруженные в зоне строительства железнодорожных и энергетических магистралей в Южном федеральном округе, а также в знаменитом Гнёздовском археологическом комплексе под Смоленском (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2017 год, статья «Земля русских викингов». – Прим. ред.).

«Есть разная археология, – объясняет Василий Новиков. – Есть археология, которая подчинена научным целям: методичному и долговременному исследованию каких-то отдельных комплексов, памятников или объектов, таких, например, как Гнёздово. А есть археология, которая связана со строительством. Законодательство Российской Федерации предусматривает, что перед строительством любого объекта на

ВЫСТАВКА «КУЛЬТУРНЫЙ МОСТ: ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ»

Последние приготовления перед открытием

территории необходимо провести археологические изыскания, в результате которых будет установлено наличие или отсутствие объектов культурного наследия».

«Культурный мост: из прошлого в настоящее» – это фактически ретроспектива находок, которые были обнаружены археологами, работавшими на территории Ростовской области и Краснодарского края пе-

ред строительством там магистральных сетей «Российскими железными дорогами» и «Федеральной сетевой компанией Единой энергетической системы». Археологическим сопровождением строительства занимался Научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт энергетики и транспорта «Энерготранспроект», который и стал инициатором проведения выставки при поддержке Министерства культуры РФ и Института археологии РАН.

Помимо экспонатов организаторы выставки постарались

Посетители выставки могут попробовать себя в роли хазара, руса или скифа в виртуальном тире

Необычный дизайн экспозиции никого не оставляет равнодушным

показать своего рода археологическое «закулисье». Речь в первую очередь идет об использовании на раскопках современных технологий: сканирования местности, спутниковой съемки, геофизики, квадрокоптеров. Кроме того, в экспозиции представлены и работы исследователей из лаборатории «Археолаб», которые не только расчистили и законсервировали предметы из раскопок, но и сделали точные копии, восстановив первоначальный облик предметов. «Современная археология – это ведь своего рода транспортный хаб, объединяющий разные специальности и разные науки: биологию, почвоведение, антропологию и так далее. А в центре этого хаба находится археолог, который собирает воедино информацию из разных областей знания, препарирует и воссоздает по крупицам общую картину, – говорит Василий Новиков. – А когда все собрано, тогда и получается перебрасывать вот такие мостики из прошлого в настоящее».

Экспозиция поделена на зоны, выстроенные в хронологическом порядке – от эпохи бронзы до позднего Средневековья. И самое главное: подавляющее большинство представленных здесь экспонатов демонстрируется впервые.

КХАЛ ДРОГО, ГОРШОЧЕК И ОТРАВЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ

Любопытная деталь: каждая зона выставки украшена написанными специально для нее картинами – художественными реконструкциями. Секция, посвященная бронзовому веку, может похвастаться сразу двумя полотнами: на одном изображен закутанный в меха суровый охотник, на другом – маленькая художница. Не надо обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить интригу: с людьми на картинах соседствуют те самые экспонаты, на которые можно полюбоваться в витринах. Вот бронзовый топорик под стеклом, и вот он же – в руках сурового охотника. Вот удивительно хорошо сохранившийся горшочек и маленькие бусы, найденные в погребении эпохи бронзы, и вот они же – на картине: девочка-художница расписывает тот самый горшочек, а на шее у нее красуются те самые бусы.

Следующая зона посвящена скифам и сарматам. На портрете – скифский вождь, подозрительно похожий на кхала Дрого – правителя датракийцев из популярного сериала «Игра престолов». «Ну да, – улыбается Но-

На портрете охотника эпохи бронзы можно заметить точно такой же топорик, как и тот, что лежит в верхнем левом углу витрины

Масляная лампа, найденная в античном поселении «№4848»

виков, – раскрыт секрет симпатий нашего художника. Вот таким он увидел вождя скифов. Но, между прочим, одежда вождя реконструирована по находкам из знаменитого кургана Солоха (Могила-Знаменская – скифское захоронение в Запорожской области, открытое еще в 1912 году. – **Прим. ред.**). А для самых дотошных и любопытных посетителей у нас здесь заготовлена видеолекция одного из патриархов нашей археологии, доктора исторических наук Валерия Ивановича Гуляева. Хотите узнать о загадках отравлен-

ных стрел? Тогда приходите и слушайте!»

Внимание сразу приковывают сарматский биметаллический доспех и очень интересные остатки шлема, явно переделанного из античного «собрата». В центре стеклянной витрины красуется уздечный набор, самая привлекательная деталь которого – уздечное украшение в зверином стиле в виде пантеры. Еще здесь можно увидеть скифские стрелы, ножи, бронзовые зеркала. А рядом, в отдельном стеклянном кубе, изрядно помятый и позеленевший сарматский котел.

АНТИЧНАЯ ВОЛНА

Прекрасная златовласая гречанка улыбается с портрета, открывающего зону Античности. Помня об интриге, присматриваемся: какая из археологических древностей использована в картине на сей раз? Амфора! Девушка держит в руке копию того сосуда, который можно хорошо разглядеть на ближайшем стенде.

В этой зоне представлены находки из двух античных поселений: «№4848» и «Волна-1». Кстати, весной нынешнего года некрополь на Таманском полуострове «Волна-1» попал в заголовки всех ведущих изданий, после того как в захоронении V века до нашей эры был найден бронзовый шлем коринфского типа.

В витринах – простые изящные амфоры и похожие на замысловатые детские игрушки лекифы, в которых хранили духи и ароматические масла, – их в основном импортировали в Причерноморье из Греции. А экспортировали отсюда в Элладу зерно. Неслучайно на монетах столицы царства – Пантикапея, нынешней Керчи, – чеканились помимо грифона, лука и льва хлебные колосья. Бронзовые боспорские монеты тоже можно увидеть на этой выставке.

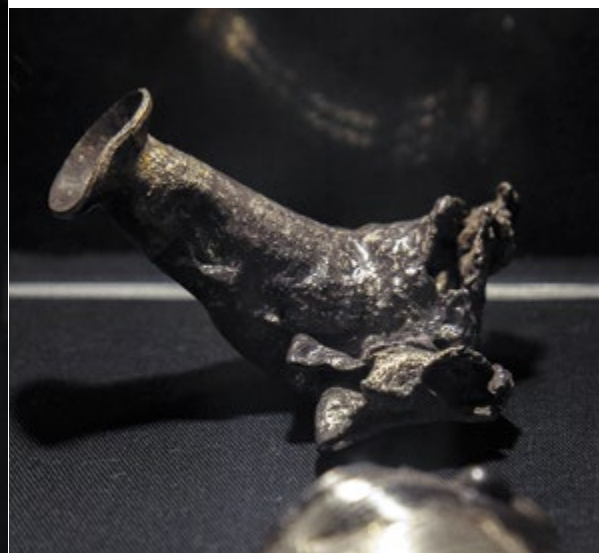
В обособленных стеклянных боксах в зоне Античности представлены особо ценные наход-

В этой витрине собраны чернофигурные лекифы, финикийские стеклянные сосуды, статуэтка богини Керы и голова Деметры

Султан из конской упряжи, найденной в захоронении хазарского воина

Археологи предполагают, что эта статуя IV века до н.э. изображает Геракла

ки. Во-первых, масляная лампа, найденная в поселении №4848», которую куратор выставки называет уникальной. Во-вторых, небольшая статуя Геракла без головы. «Вернее, мы предполагаем, что это – Геракл, – поясняет Василий Новиков. – Потому что у него есть львиная шкура – помните первый подвиг Геракла? Он ведь победил Немейского льва. И вот видите – на нем поножи». В-третьих, чернофигурные лекифы из некрополя «Волна-1», уникальность которых заключается в том, что известен мастер чернолаковой росписи. И это позволяет датировать их 390–340 годами до нашей эры!

СКЕЛЕТЫ И ТАИНСТВЕННАЯ КОЛЬЧУГА

Зону, посвященную истории тюркских племен, открывает... погребение воина и его коня. Это, конечно, копия. Но очень точная, почти размер в размер. Детализация модели поражает: по словам куратора, она точна на 98 процентов, за исключением положения отдельных косточек коня. А рядом с моделью погребения лежит настоящая загадка. На первый взгляд – большой ком земли. И только присмотревшись, понимаешь, что это... кольчуга. Свернутая. «Конечно, кольчуга, – подтверждает Василий Новиков. – В таком

Реконструкция захоронения воина с конем

свернутом виде ее и нашли в погребении. Весит она около 21 килограмма. Кольчугу просветили рентгеном, и выяснилось, что внутри нее находится какой-то предмет. Что это – сказать мы не можем. Для того чтобы узнать секрет этой кольчуги, реставраторам нужно будет ее развернуть. Но это очень трудоемкое дело».

Особая гордость кураторов – копия уздечного набора, который был тоже найден в одном из захоронений. Дело в том, что сам набор побывал в огне, так что исследователям из лаборатории «Археолаб» пришлось восстанавливать его около года по крупницам. А копия

Реконструкция оголовья верхового коня

Как показал рентген, внутри этой свернутой кольчуги, вероятно, находится какой-то предмет

Исследователи из «Археолаба» сделали точную копию нагрудного украшения коня. Причем использовали при этом древние технологии

была сделана с применением технологий, использовавшихся в Средневековье. Даже металлические «бляхи» нагрудника шлифовали небольшими каменными брусочками, а не современным инструментом. Как утверждает Василий Новиков, подобный экспонат можно увидеть только на выставке «Культурный мост: из прошлого в настоящее».

У хазарского воина, изображенного на портрете, украшающем эту зону, обнаруживаются серьга и перстень, оригиналы которых можно увидеть на соседнем стенде. Рядом висит еще один портрет: темноволосый мальчик полирует красивый шлем. Остатки этого же самого шлема, правда, деформированного еще в те времена, когда его положили в могилу вместе с хозяином, тоже можно рассмотреть в витрине неподалеку. А также посмотреть видеоролик, рассказывающий о том, как расчищались и консервировались его фрагменты, и показывающий 3D-визуализацию самого шлема. «Виртуальная копия абсолютно точна – до миллиметра, – уверяет Василий Новиков. – Это – прекрасная демонстрация того, как современные технологии могут показать нам, как в действительности выглядела вещь».

НАСТОЯЩИЙ МЕЧ И УНИКАЛЬНЫЙ ХАЛАТ

«Какая прекрасная копия меча викинга! – воскликнули мы, глядя на великолепный меч, висящий в вертикальной стеклянной витрине в зоне «Древняя Русь». – Это, конечно же, находка из Гнёздово?» «Из Гнёздово. Но это не копия! – Василий Новиков явно расстроился. – Это настоящий меч начала X века! Это расчищенный оригинал! Никто не верит. Надо сюда фотографию повесить, сделанную сразу после того, как этот меч был найден. Чтобы поверили наконец». Выясняется, что меч был обнаружен в составе уникального для Гнёздово ритуально-погребального комплекса: круглая площадка, окруженная ровиком. На площадке был выкопан еще один,

Меч руса начала X века, найденный в Гнёздово

Ножницы, возраст которых исчисляется несколькими столетиями

разомкнутый ровик, с одной из сторон которого находилось погребение. Возле него и был вбит в землю по самую рукоятку меч. Возможно, здесь было совершено ритуальное жертвоприношение. «Меч настолько хорошо сохранился, что на нем даже видны следы работы инструментом. После того как его очистили, стала заметна и бронзовая насечка, – говорит Новиков. – Кстати, когда мы его достали, лезвие оказалось вполне острым. Порезаться можно было».

Эту зону украшает портрет руса, одеяние которого дополнено поясным набором тонкой работы, фибулой, поясной сумочкой и пуговичками, срисованными с тех, что красуются рядом под стеклом вместе с боевым топориком – это находки из очередного погребения в Гнёздово. А в соседней витрине – новгородские и гнёздовские «чудеса»: вилка для выуживания мяса из котла X века, византийский замочек в виде зверюшки, гребень, детская кожаная маска, удивительно сохранившиеся ножницы, стеклянные браслетики XII века. Глаза разбегаются. Завершает экспозицию зона, посвященная Золотой Орде. Здесь можно увидеть хорошо сохранившуюся саблю монгольского всадника, ножи, колчан из бересты, налучи (ножны для лука. – Прим. ред.), бронзовые кумысники. Но, пожалуй, самые интересные экспонаты демонстрируются в отдельной витрине. Это предметы из женского погребения: два головных убора, платочек на лицо, нашивки на сапожки и уникальный шелковый халат, восстановленный реставраторами...

Выставка «Культурный мост: из прошлого в настоящее» действительно поражает воображение: здесь любой может прикоснуться к «седой древности» и попытаться представить, как жили, как выглядели и как умирали люди, жившие на территории нашей страны в разные исторические эпохи. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЛЕНИВЫЙ ТРУЖЕНИК

И.А. Гончаров.
Акварель
художника
И.П. Раулова.
1868 год

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ГОНЧАРОВ БЫЛ ПОХОЖ НА ОБЛОМОВА – НЕПОДВИЖНЫЙ, СОННЫЙ, ЛЕНИВЫЙ. НО В ЛЕНОСТИ ТРУДНО УПРЕКАТЬ ЧЕЛОВЕКА, ПЕРЕГРУЖЕННОГО СЛУЖЕБНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ, РЕДКИЕ ДНИ СВОБОДЫ ТРАТИВШЕГО ОПЯТЬ-ТАКИ НА ТРУД: ПРОЗУ СВОЮ ОН ОБДУМЫВАЛ ГОДАМИ И ТЩАТЕЛЬНО ШЛИФОВАЛ.

НЕЗАДОЛГО ДО СМЕРТИ писателя книгоиздатель Вольф пытался уговорить его издать собрание сочинений. Иван Александрович отпирался: стар, болен, нет сил. «Ну вы и Обломов», – потеряв терпение, сказал Вольф. «Да, вы совершенно правы, – ядовито ответил Гончаров. – Я Обломов, и Обломов – это я».

ЛЮБИТЕЛЬ ЧТЕНИЯ

Александр Иванович Гончаров, отец будущего писателя, торговал в Симбирске хлебом. В городе его уважали и несколько раз выбирали городским головой. После смерти первой супруги 50-летний вдовец женился на 19-летней купеческой дочери Авдотье Шахториной. Она родила шестерых детей, из которых выжили четверо: два сына – старший, Николай, и младший, Иван, родившийся в 1812 году, и две дочери – Александра и Анна. У семьи был огромный дом: городская усадьба занимала большой квартал. «Большой двор, даже два двора, со многими постройками: людскими, конюшнями, хлевами, сараями, амбарами, птичником и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры, утки <...> Словом, целое имение, деревня», – вспоминал Гончаров. Отец умер, когда Ивану было 7 лет. Мать, еще молодая и красивая, так и не вышла больше замуж, посвятила себя заботам о доме и детях. Она почти не получила образования, но была

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Авдотья
Матвеевна
Гончарова
(1784–1851),
мать писателя

Симбирск. Дом, в котором родился И.А. Гончаров

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Московское Императорское коммерческое училище на Остоженке. Начало XX века

умна и серьезна, отлично вела хозяйство – и Гончаров даже заметил однажды, что именно такие люди должны занимать министерские посты.

Считается, что некоторые ее черты нашли воплощение в гончаровских героинях – матери Адуева из «Обыкновенной истории», Агафье Матвеевне из «Обломова», бабушке из «Обрыва». Каждая из них воплощает теплую, живую материнскую любовь. Авдотья Матвеевна, однако, в отличие от Агафьи Матвеевны, была строга. Когда она звала напившихся детей к себе на суд, они прятались у крестного – отставного морского офицера. Потомственный дворянин Николай Николаевич Трегубов (в воспоминаниях «На родине» он назван Петром Андреевичем Якубовым) служил под началом адмирала Ушакова, воевал с турками, был награжден орденом Святого Владимира. Выйдя в отставку, он поселился в своей деревне, где быстро заскучал, так что скоро переехал в Симбирск. Он снял флигель у Гончаровых, крестил всех их детей, и после смерти Александра Ивановича фактически заменил мальшам отца. Крестный баловал детей, кормил их сладостями, возил на прогулки в своем тарантасе. Но и учил, и давал им книги, и заботился об их развитии. Ваня больше других привязался к Трегубову, подолгу сидел в его библиотеке, с удовольствием слушал рассказы о его службе. Сам Гончаров писал, что был «мальчиком зорким и впечат-

лительным»; он много читал, вслушивался, всматривался в окружающий мир. Учился он в пансионе, затем его перевели в другой – для детей местных дворян в имении княгини Хованской. Учителем там был молодой священник Троицкий, старавшийся дать детям обширные знания и привить привычку к труду. В пансионе Ваня научился говорить по-немецки и по-французски, начал читать Ломоносова и Державина и увлекся книгами о дальних странах и путешествиях.

В 10 лет мальчика отправили в Москву, в Коммерческое училище на Остоженке, где уже учился его старший брат. Это было серьезное учебное заведение для купеческих детей. Помимо иностранных языков и общеобразовательных предметов в программу входили бухгалтерия, коммерческая география, общая и коммерческая статистика, товароведение, правоведение. Общая атмосфера в училище была казенной, режим – почти военным. Историк Сергей Соловьев,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай Николаевич Трегубов, крестный отец писателя

который в нем учился, писал: «Учили плохо, а учителя были допотопные». Восемилетний курс учебы делился на «возраста» – по два года в каждом. По окончании «младшего возраста» Ваню не перевели в следующий класс, а оставили проходить тот же курс повторно «по малолетству», хотя он был лучшим учеником в классе. Он и во второй раз показал хорошие успехи, но его даже не наградили, ибо он «пробыл в классе вместо одного два двухлетия, и, как по сему, так и по летам своим долженствовал бы оказать лучшие успехи пред всеми учениками того класса, в коем находился, и притом шалостлив». Годы, проведенные в училище, Гончаров вспоминал с тоской; отраду он находил только в том, что «читал все, что попадалось под руку, и писал сам непрестанно». В круг его чтения вошла иностранная литература – Вольтер, Руссо, Радклиф, Гюго, Дюма; он зачитывался «Освобожденным Иерусалимом» Торквато Тассо. Он вдумчиво читал Дмитриева, Озорова, Карамзина и Жуковского, а в возрасте 14–15 лет открыл для себя Пушкина.

В конце концов чтение – никем не руководимое, но обильное и серьезное – привело Гончарова к мысли, что надо поступать в университет. Мать не стала возражать, крестный тоже. 18-летний Иван бросил училище и вернулся в Симбирск – готовиться к поступлению. Год, однако, был холерный, всюду были карантинны, учеба в университете в 1830 году вообще прекратилась, так что поступил он на словесное отделение Московского университета только в 1831 году.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Михаил Трофимович Каченовский (1775–1842), историк и литературный критик, ректор Московского университета

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Дмитриевна Львова-Синецкая (1795–1875), русская драматическая актриса

СЕКРЕТАРЬ ГУБЕРНАТОРА

Университетские годы писатель называл лучшей частью жизни: «Благороднее, чище, выше этих воспоминаний у меня, да, пожалуй, и у всякого студента, в молодости не было». О профессорах Гончаров отзывался с большим уважением, выделяя среди них Михаила Каченовского, и вспоминал, как был свидетелем спора о подлинности «Слова о полку Игореве» между Каченовским и Пушкиным, которого привез в университет министр просвещения Уваров. «Для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чадю обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга», – писал Гончаров. Потом, когда он уже жил в Петербурге и служил в департаменте, на службе он услышал известие о смерти Пушкина; он вышел в коридор и горько плакал – так горевал он, может быть, только о смерти матери. Студентом он много переводил, его перевод отрывка из романа Эжена Сю «Атар-Гюль» опубликовал у себя в журнале «Телескоп» университетский профессор Николай Надеждин. Гончаров не был ни книжным червем, ни увальнем-домоседом вроде Обломова: он часто бывал в гостях, любил танцевать, бывал в театре

К.А. Горбунов.
Портрет
И.А. Гончарова.
Конец 1840-х
годов

В.С. Садовников.
Вид на Главный
штаб со стороны
Мойки, в нем
в 1830–1918 годах
располагалось
Министерство
финансов
Российской импе-
рии, в котором
И.А. Гончаров
служил
в 1835–1852 годах.
Литография
1830-х годов

и в салоне у комедийной актрисы Львовой-Синецкой, в которую был слегка влюблен. Окончив университет в 1834 году, он отправился в Симбирск, повидаться с семьей. Дома его приняли в теплые объятия, кормили вкусным, не жили. Мать, конечно, мечтала женить сына и нянчить внуков, Трегубов повез по местным важным шишкам – представляться. Юноша недоумевал – зачем? Он присматривался к жизни города и находил вокруг только барство, сонное оцепенение, но еще и страх, еще не прошедший после разгрома декабристов и разгона масонских лож, и «новое, с николаевских времен» значение жандармов. Гончаров собирался осенью уехать в Петербург, однако губернатор Загряжский уговорил юношу поступить к нему в секретари, поскольку ему нужны люди «с но-

выми взглядами» для борьбы со злоупотреблениями чиновников. Гончаров решил попытаться принести пользу родному городу и «разогнать немного тьму». Он наблюдал за губернскими нравами, изучал жизнь местного чиновничества, танцевал на балах у губернатора и страшно тяготился «пустотой и праздношью» местной жизни, сетуя, что во всем городе «не было ни одного кружка, который бы интересовался каким-нибудь общественным, ученым, эстетическим вопросом». Кончилась эта служба с отставкой губернатора, причиной которой стала чрезмерность его амурных походов. Загряжского вызвали в Петербург, и Гончаров отправился вместе с ним. В столице юноша поступил на службу в департамент внешней торговли Министерства финансов, где занялся переводом иностранной переписки.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

За пятнадцать следующих лет он дослужился до чина коллежского асессора (это был восьмой чин в Табели о рангах, дававший право на потомственное дворянство) и должности младшего столоначальника.

На помощь из дома он не полагался, жил на свое небольшое жалование и часто испытывал нужду. Мучительней всего для него была необходимость служить, когда хотелось писать. «Весь век на службе из-за куска хлеба!» – пожаловался он однажды в письме.

Гончарова часто изображали в мемуарах совершенным чиновником, всецело отдающим себя службе. Сам он писал, что «всегда делал то, чего не умел или не хотел делать». Но, пожалуй, постоянный труд был для него не только источником средств, но и нравственной обязанностью: безделье и барство, по его убеждению, оборачивались пустотой и смертью.

Служба в департаменте внешней торговли обогатила его пониманием нового типа людей – «нарастающей буржуазии», как было принято писать в советских книжках. Таков Штольц в «Обломове» и Тушин в «Обрыве». Русская литература еще думала над «новым героем», всматриваясь в тоскующих, не находящих себе места аристократов, а новые герои – впрочем, не совсем такие, каких она ждала, – постепенно появлялись кругом...

Еще в студенческие годы Гончаров в Москве познакомился с Юнией Гусятниковой и влюбился в нее. Она вышла замуж за другого, но дружба сохранилась между ними на всю жизнь. Скорей всего, именно Юния познакомила Гончарова с семьей своей тети – Евгении Петровны, которая была замужем за художником Николаем Майковым. В 1835 году Майковы искали для двух своих старших сыновей учителя, который подготовил бы их к поступлению в университет. Гончарова пригласили преподавать мальчикам русскую литературу, латынь и эстетику. С Майковыми Гончаров дружил всю жизнь, писал, что

Приезд Штольца к Обломову.

Рисунок
В.А. Табурина.
1898 год

дружба эта была теплая, бескорыстная, ничем никогда не омрачавшаяся. У Майковых в кружке выпускали альманахи «Подснежник» и «Лунные ночи»; в «Подснежнике» Гончаров публиковал свои романтические стихи, которые потом отдал Александру Адуеву, герою «Обыкновенной истории», да еще и посмеялся над ними устами дядюшки Адуева. Там же увидела свет и «Лихая болезнь», шуточная повесть, где появляется малороссийский помещик Тяжеленко, который «проводил большую часть жизни лежа на постели; если же присаживался иногда, то только к обеденному столу; для завтрака и ужина, по его мнению, этого делать не стоило». Это первые шаги к «Обломову»...

Н.А. Майков
с женой
Е.П. Майковой
и сыновьями
Валерианом
и Леонидом.
1847 год

Виссарион Григорьевич Белинский
(1811–1848), литературный критик

ПРИНЦ ДЕ ЛЕНЬ

«Обыкновенная история», за которую Гончаров взялся в 1844 году и закончил три года спустя, стала серьезным литературным событием. Правда, рукопись целый год пролежала у Михаила Языкова, друга Белинского, который взялся передать роман критику. Тот прочитал несколько страничек, бросил, а Некрасову сказал: «Кажется, плоховато, не стоит печатать». Некрасов прочитал рукопись и передал ее Белинскому; тот позвал Гончарова читать роман у него и в итоге похвалил.

«Обыкновенная история» вышла в свет в номерах «Современника» в 1847 году и сразу выдвинула Гончарова в ряды лучших русских прозаиков. «Талант замечательный», – писал о нем Белинский. Кстати, Белинский заметил, что Адуев вряд ли стал бы таким положительным человеком, каким Гончаров изображает его в романе – скорее уж, заглож бы «в деревенской дичи, в апатии и лени».

У Белинского среди прочих познакомился он и с Тургеневым. Сначала они подружились, потом разошлись: Гончаров, работая над «Обломовым», уже придумал роман «Обрыв», замысел которого рассказал Тургеневу. Затем Гончаров отправился в кругосветное путешествие; вернувшись, был

занят изданием путевых записок и завершением «Обломова». Тургенев тем временем написал «Дворянское гнездо», в котором Гончаров обнаружил краткий конспект своего романа. Он обвинил Тургенева в плагиате, и дело едва не дошло до дуэли. Гончаров обратился к третейскому суду: тот признал, что сходства наличествуют, однако объяснил их тем, что оба романиста наблюдают одни и те же типы и ситуации в российской действительности. Тургенев уничтожил две главы «Дворянского гнезда», имевшие наибольшее сходство с планом «Обрыва», а Гончаров убрал из текста главу о предках Райского. Но до конца своих дней подозревал Тургенева в плагиате, который усматривал и в «Накануне», и в последующих текстах, включая «Отцов и детей»...

1848 год. Гончарову 36 лет – он уже немолод, у Майковых его зовут «принц де Лень». После нескольких безнадежных влюбленностей он, кажется, навсегда расстался с идеей семейного счастья.

В 1849 году Гончаров взял отпуск и уехал в Симбирск, где не был четырнадцать лет. Дома он с радостью увиделся с родными. Попытался писать «Обломова», задуманного в 1848-м. Не выходило. Мемуаристы свидетельствуют, что в это время у Гончарова завязался роман с Варварой Лукьяновой, выпускницей Смольного, воспитывавшей его племянников. Рассказывают, что в день его отъезда она кинулась ему на шею с криком «Ваня!». Ее портрет всегда стоял у него на столе, но и она вышла замуж за другого...

Матери он с тех пор больше не увидел. Она умерла через два года, и это было самое большое горе в его жизни. «Горжусь, благодарю Бога за то, что имел подобную мать. Ни о чем и ни о ком у меня мысль так не светла, воспоминание так не свято, как о ней», – писал он сестре.

И.А. Гончаров
(сидит пятый
слева) среди
офицеров
фрегата
«Паллада».
1852 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В Петербурге ему тоже было не по себе: дышать в обществе было нечем. Еще один вспыхнувший роман – короткая влюбленность в родственницу Языковых Августу Колзакову – тоже окончился ничем.

Гончаров не находил себе места и стал задумываться о путешествии. Еще с детства он мечтал о море. Узнав от Аполлона Майкова, что в кругосветную экспедицию ищут секретаря с литературными способностями, Гончаров попросил о протекции. Никто не верил, что неподвижный «де Лень» собрался в кругосветное путешествие. Майковым он объяснял это так: «Так вот зачем он уехал, – подумаете Вы: он заживо умирал дома от праздности, скуки, тяжести и запустения в голове и сердце; ничем не освежалось воображение и т.п. Все это правда, там я совершенно погибал медленно и скучно: надо было изменить на что-нибудь, худшее или лучшее – это все равно, лишь бы изменить».

Фрегат
«Паллада».
Гравюра
середины
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДВИЖЕНИЕ И ЗАСТОЙ

Целью похода, который возглавлял адмирал Путятин, было установление торговых отношений с Японией. Старому фрегату «Паллада» пришлось пройти через тяжелейшие бури и штормы, в одном из писем Гончаров писал, что фрегат «течет, как решето».

В экспедиции Гончаров вел судовую журнал и преподавал словесность гардемаринам. Он долго задумывался над концепцией книги. И когда наконец появился образ замкнутого мира корабля, движущегося по морям, образ движения и развития, противопоставленный застою, – тогда книга сложилась и писать стало легко.

Фрегат «Паллада» замечателен не только как историческое и этнографическое свидетельство; в нем важна упорная работа гончаровской мысли, пытающейся охватить развитие человека, развитие цивилизации, ход времени. Вместо набившего оскомину романтического противопоставления прекрасных экзотических стран, где живут сильные прекрасные люди, скудной и жадной цивилизации, Гончаров заговорил о другом: об опасности косности, застоя, патриархальной лени, с одной стороны, и превращения цивилизаторства в колонизаторство – с другой.

Уже во «Фрегате «Паллада» он развивает философию, которая получит свое воплощение в «Обломове»: жизнь – это движение; если движение останавливается, за это приходится пла-

тить. Казанский филолог Лия Бушканец обращает внимание: во «Фрегате» есть два народа, застрявших в детстве, в патриархальной замкнутости – Россия и Япония, одновременно и детски наивные, и старчески дряхлые, усталые. Таков же Обломов, чистый как ребенок и вялый как старик. Он не выполняет задачу зрелого возраста – брать на себя ответственность, возвращать миру долги. Таким зрелым человеком он пытается изобразить Штольца, намеренно уходя от реализованного уже в «Обыкновенной истории» противопоставления мягкого романтика и жесткого прагматика. Штолец сохраняет способность радоваться красоте, но он уже вышел из возраста юношеских мечтаний. Ольга тоже взрослеет, перерастая Обломова, а он находит себе идеальную мать, Агафью Матвеевну, и возвращается в безмятежное детство – но это уже не райская Обломовка, а бессмысленное угасание.

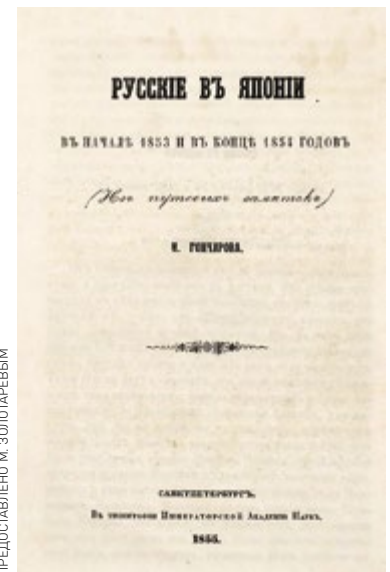
«Обломов» до сих пор тревожит читателей, беспокоит ум: что-то очень важное зацепил Гончаров в русской душе, за большую ниточку дернул – почему не может быть счастья? Почему нельзя, чтобы всегда было хорошо и ничего за это не было? Почему невозможен рай на земле? Зачем «не хочется, а надо»?

Уже современники говорили, что Гончаров и сам – Обломов, что герой списан с него самого; да и сам Гончаров, когда не мог писать, сетовал на свою лень. От Обломова в нем была разве что замкнутость, сдержанность, та тщательность, с которой он оберегал свой внутренний мир. Анатолий Кони, сын Федора Кони – друга писателя, вспоминал: «Под спокойным обликом Гончарова укрывалась от нескромных или назойливо-любопытных глаз тревожная душа. Главных свойств Обломова – задумчивой лени и ленивого безделья – в Иване Александровиче не было и следа. Весь зрелый период своей жизни он был большим тружеником».

И.А. Гончаров.
Фото 1861 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.А. Гончаров. Русские в Японии
в начале 1853 и в конце 1854 годов.
Из путевых заметок (издание
1855 года)

ЦЕНЗОР

Гончаров вернулся в свой департамент, где его повысили по службе: он стал столоначальником. Писатель мечтал заняться чем-нибудь более близким к литературе и, когда получил предложение стать старшим цензором, принял его, что неприятно удивило собратьев-литераторов. Цензура спасла его от департамента – он в самом деле стал заниматься литературой, но совершенно лиши-

Обратно он возвращался через Сибирь, где посетил ссыльных декабристов и взял от них письма в Москву и Санкт-Петербург. Вернулся через неделю после кончины императора Николая Павловича. В стране ждали перемен. Говорили о необходимости отмены крепостного права.

Обломов и Ольга.
Рисунок
В.А. Табурина.
1898 год

Н.А. Майков. Елизавета Васильевна
Толстая, прототип Ольги Ильинской.
1855 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ла его свободного времени и в значительной степени – общественного уважения.

В 1855 году он снова влюбился – в молодую красавицу Елизавету Толстую. Письма, которые он писал ей, опубликованы. Они сначала сдержанные, осторожные, затем страстные... Но Гончаров всегда сбивает пафос самоиронией. Толстая предпочла ему Алексея Мусина-Пушкина, и Гончарову еще пришлось хлопотать, чтобы Синод разрешил ей выйти замуж за кузена.

Считается, что Елизавета Толстая стала прототипом Ольги Ильинской. Называют и другой прототип – Екатерину Майкову. Именно ее Гончаров снова и снова просил петь арию *Casta Diva*. Но в письме Майковой он писал, что никогда не имел на нее романтических видов и если предпочитал ее общество другим, то потому, что она была ему интересна. А сама Майкова, прожившая бурную жизнь, в старости говорила: нет, в Гончарова не влюблялась, что вы, он был такой чиновник!

Майкова была из тех новых женщин, которые впервые задумались о своем праве любить, не подчиняясь патриархальным нормам. Она ушла от мужа с учителем детей, оставив их мужу. Затем были скитания по стране, еще двое детей от разных отцов... Эта семейная драма отразилась в «Обрыве»: оттого здесь появляется вольнодумец, в позднейших редакциях нигилист Волохов, оттого здесь мучительно тоскует оставленный женой учитель Козлов...

«Обломов» стал получаться, когда Гончаров взял отпуск и уехал в Мариенбад. Роман сложился у него в голове и быстро был написан, как только появилось свободное время. Публикация романа стала настоящим событием. «Обломов» читали везде и везде обсуждали «обломовщину». Толстой назвал роман «капитальнейшей вещью».

Групповой портрет литераторов круга журнала «Современник». Верхний ряд: Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович; нижний ряд: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.В. Дружинин, А.Н. Островский. 15 февраля 1856 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Санкт-Петербург. Квартира И.А. Гончарова во флигеле дома Устинова на Моховой улице, в которой он жил около тридцати лет

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А Гончаров взялся за «Обрыв», который долго вызревал и ждал своего часа – может быть, отпуска. В отпуске, однако, он ничего не написал, думал даже бросить литературу, но вместо этого подал прошение об отставке. Он работал над «Обрывом», пока ему позволяли средства. Однако в 1862 году снова был вынужден вернуться на службу: редактировал газету «Северная почта», затем стал членом Совета по делам печати, потом – членом совета Главного управления по делам печати. Это, по сути, было опять возвращение в цензуру. Служба цензора была Гончарову тягостна. Но в 1867 году он все же вышел в отставку. Ему была назначена пенсия в 1750 рублей в год.

ПОСЛЕ «ОБРЫВА»

Он продолжал писать «Обрыв» – писал трудно, мучительно, несколько раз думал бросить. Прочитал начатое Алексею Константиновичу Толстому, его жене и редактору «Вестника Европы» Стасюлевичу, все трое уговорили его дописывать. В «Вестнике Европы» роман и увидел свет. Некрасов, который просил его для «Отечественных записок», Гончаров отказал: роман, пояснил он, не совпадает с теми началами, которым будет следовать ваш журнал.

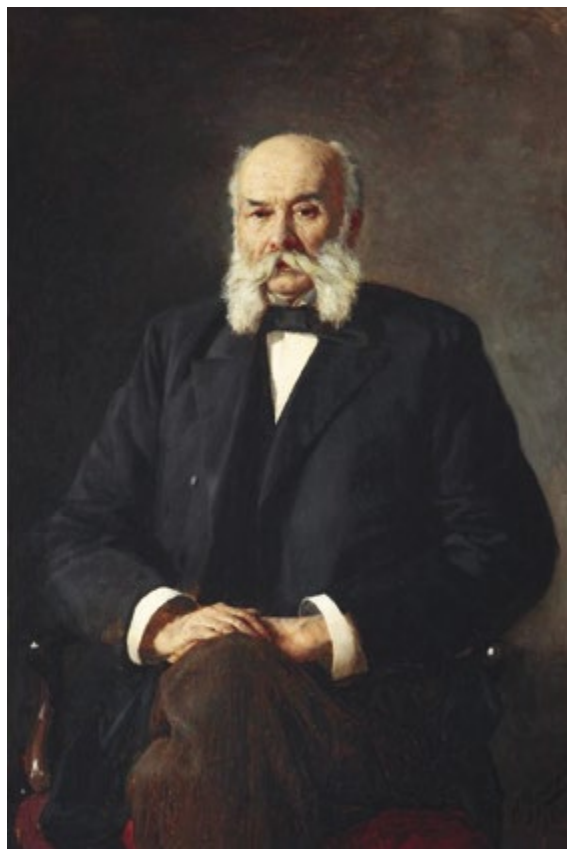
Роман создавался двадцать лет и менялся на ходу – менялась общественная жизнь, вместе с ней менялся и замысел, и герои. Вместо вольнодумца, за которым Вера должна была уехать в Сибирь, явился ядовитый нигилист Волохов, за которого Гончарова нещадно колотила критика: оклеветал молодое поколение. Ходульным оказался новый человек Тушин – как ни всматривался Гончаров в этих новых людей, так и не смог их разглядеть; как ни пытался увидеть будущее Веры – так и не увидел его, потому что и нельзя было увидеть в русской действительности. Зато в романе появился Райский, «ни Богу свечка,

ни черту кочерга», беспочвенный интеллигент в вечном поиске, и сильная, трагическая Вера, и удивительная бабушка, которую сам Гончаров писал с большой буквы – Бабушка мудрая, любящая, сильная и слабая, святая и грешная, уязвимая, страдающая – бабушка, из которой в финале вырастает фигура России.

Читатели роман приняли, критики нет; Гончаров болел и терзался сомнениями, в одном из писем написал: «Будущности у меня нет – я морально умер».

Он не умер, однако, а продолжал работать – в 70-е годы преимущественно как литературный критик. Статью «Миллион терзаний», написанную в это время, до сих пор читают в школе. Жил он замкнуто, общался с узким кругом друзей. Еще в конце 60-х он начал терять зрение, а в 1885-м долго болел и ослеп на один глаз.

В старости он заботился о жене и детях своего камердинера Карла Трейгульта. Он постарался дать детям образование, устраивал их в учебные заведения, ворчал, что их принимают за его побочных детей, жаловался, что на старости лет вошел в расходы... Но детей этих искренне любил и писал Анатолию Кони, что любовь к ним «помогает тянуть воз жизни и терпеть до конца». Он часто бывал в Дуббельне на Рижском взморье, детей брал с собой, занимался с ними рус-

ским языком и арифметикой. В мемуарах переводчицы Веры Спасской, встречавшей писателя в Дуббельне, есть редкое свидетельство религиозности Гончарова, которую он никогда не выпячивал: «И.А. Гончаров был искренно и глубоко религиозен. Помню, с какой задушевностью передавал он нам содержание своей беседы с священником православной церкви в Дуббельне <...> на тему одной из его проповедей».

Н.А. Ярошенко.
Портрет
И.А. Гончарова.
1888 год

Кабинет
И.А. Гончарова
в его квартире
в Санкт-Петербурге на
Моховой улице
в доме №3.
Фото 1885 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Могила писателя на Новом
Никольском кладбище Александро-
Невской лавры. 1936 год

На отдыхе он гулял, по привычке что-то записывал – так появились его воспоминания. Потом добираться до Дуббельна ему стало трудно, он стал ездить сначала в Усть-Нарву, позже – в Петергоф. Умер он почти 80-летним – не справился с воспалением легких, в которое переросла простуда. Незадолго до смерти сжег множество бумаг, в том числе письма, черновики, неопубликованные тексты. Свое состояние – 40 тысяч рублей – завещал детям Трейгульта. Похоронить просил где-нибудь на обрыве в Александро-Невской лавре. Там и был похоронен.

Вечный труженик, считавшийся ленивцем; убежденно верящий в движение и создавший образ абсолютной неподвижности; сдержанный, замкнутый, даже в Пушкине заметивший прежде всего сдержанность; тревожный до подозрительности; требовательный к себе до перфекционизма; либеральный консерватор и консервативный либерал, прогрессивный цензор – он всю жизнь мучительно выбирал слова, чтобы сказать самое нужное, самое важное. Сформулировал и сказал. И мы полтора века бьемся, толкуя их, и каждый, толкуя Обломова, толкует себя. ■

ЧЕРЕЗ КРАСНЫЕ ВОРОТА

Памятник
Михаилу
Лермонтову
на площади
Красные Ворота.
Скульптор –
Исаак Бродский

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СЛУЧАЙНО «ПОДСЛУШАЛ» РАЗГОВОР ДВУХ, ПОХОЖЕ, МАЛОЗНАКОМЫХ ДРУГ С ДРУГОМ МУЖЧИН. НА ЛАВОЧКЕ ПОД БРОНЗОВЫМ АЛЕКСАНДРОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ НА ПУШКИНСКОЙ ПЛОЩАДИ. ПЕРВЫЙ СПРАШИВАЕТ: ГДЕ, МОЛ, ЖИВЕШЬ? ВТОРОЙ ОТВЕТСТВУЕТ: НА ЛЕРМОНТОВСКОЙ. ПЕРВЫЙ: НА САДОВОМ, У КРАСНЫХ ВОРОТ? ВТОРОЙ: НЕТ, НА ПРЕОБРАЖЕНКЕ, РЯДОМ С БОГОРОДСКИМ КЛАДБИЩЕМ. ПОССОРИТЬСЯ НЕ ПОССОРИЛИСЬ, НО ДОВЕРИЕ БЫЛО ЯВНО УТРАЧЕНО ВМЕСТЕ С ЖЕЛАНИЕМ ПОГОВОРИТЬ ЗА ЖИЗНЬ.

ПРЕОБРАЖЕНКА ОТ площади Красные Ворота – не ближний свет. Бывал ли когда-нибудь в селе Преображенском и окрестностях сам Лермонтов – неизвестно. При его жизни здешние села по берегам Яузы и Москвой-то не были. Загородные владения царские, вотчины боярские да усадьбы дво-

рянские. Ну, и деревеньки, само собой. Но проезжать мимо – Мишель точно проезжал. Во время паломнических поездок с бабушкой Елизаветой Алексеевной в Троице-Сергиеву лавру. Это к тому, что теперь вряд ли докопаешься, каким образом улочка на московской периферии длиной каких-то 370 метров получила столь достойное

имя. Любопытно, что поветрие, возникшее в конце XIX столетия, породило в отдаленных от Кремля местах еще и Гоголевскую, и Некрасовскую, и Пушкинскую улицы. Но они в Первопрестольной не прижились. А вот Лермонтовская жива и доселе. Хотя немногие о ней слышали.

У ТРИУМФАЛЬНОЙ АРКИ

Опять-таки возможен непростой диалог. Триумфальная арка, что на Кутузовском проспекте? Нет, та, что стояла на площади, на стыке Земляного Вала, более известного как Садовое кольцо, и Мясницкой улицы. В 1709 году по приказу Петра I ее возвели быстро. Из дерева. Надо было успеть к тому дню, когда через эти Триумфальные ворота в Москву вступят русские войска, победившие шведов в Полтавской битве. В середине XVIII века архитектор Дмитрий Ухтомский построил нечто более фундаментальное. Сплошное барокко, для которого характерно архитек-

турное изобилие во всех формах и материалах. В народе ворота немедленно получили название Красных. Известно, что ранее это слово иногда означало цвет, иногда – красоту.

На этой площади неподалеку от ворот стоял дом, принадлежавший генерал-майору барону Карлу фон Толю. Трудно не согласиться, что в короткой, но яркой судьбе Михаила Лермонтова было много всяческих мистических совпадений, аллюзий, намеков и загадок. Сушая мелочь. Барон Толь в истории страны на виду. Герой войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 годов, кавалер многих орденов, в том числе ордена Святого Георгия 2-й степени, а таковых – всего 125 случаев. Толь дослужился до чина полного генерала, особо отличился во время подавления беспорядков в русской Польше в 1830 году и в штурме Варшавы. Но занимался не только военным делом. Среди прочих его должностей – главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями. Строительство первой в Российской империи железной дороги, Царскосельской, контролировал именно барон. Вернее, уже граф. На том месте, где

стоял дом Толя, после Великой Отечественной войны построили одну из семи знаменитых сталинских высоток. С тех пор и вплоть до наших дней в небоскребе квартируют различные советские и российские ведомства, связанные с транспортом, в том числе со строительством железных дорог. А напротив, через сквер, в котором стоит замечательный памятник Лермонтову, – головной офис РЖД. За спиной скульптуры, созданной талантом скульптора Исаака Бродского и установленной в 1965 году, – еще одно крупное современное здание. И тоже – РЖД. Фон Толю такой размах и не снился. Так вот, несмотря на то, что в 1994 году большой Лермонтовской площади вернули

Рельеф на мотивы поэмы Михаила Лермонтова «Мцыри» в Лермонтовском сквере на площади Красные Ворота

Иконостас церкви Трех Святителей, перенесенный в храм Иоанна Воина на Якиманке

прежнее название – Красных Ворот, осталась маленькая Лермонтовская площадь. Так называется часть Лермонтовского же сквера за левым плечом поэта. Лермонтов родился 3 октября 1814 года по старому стилю. В отсутствие хозяина дома, который находился в армии, возвращавшейся из Европы. Будущую мать, Марию Михайловну, Юрий Петрович Лермонтов привез в Москву за два месяца до родов по настоянию ее матери. Елизавета Алексеевна Арсеньева, сыгравшая столь большую роль в судьбе поэта, беспокоилась за здоровье дочери и посчитала, что надо быть поближе к московским докторам. Младенца весной следующего года увезли в пензенское поместье Арсеньевой. Но успели провести обряд крещения. Большинство знатоков склоняются к тому, что крестили кроху в церкви Трех Святителей, стоявшей у Красных Ворот. Ее снесли в 1928 году. Удалось спасти иконостас, бывший свидетелем крещения поэта. Сейчас он находится в церкви Иоанна Воина на Якиманке.

В 2014 году, когда отмечалось 200-летие рождения гения, тамошний клир отслужил по Лермонтову панихиду. Несмотря на то, что формально церковь причисляет погибших на дуэлях к самоубийцам и службы по их душам запрещает. Помнится, обратился с подобным вопросом к настоятелю храма Святой Софии в Царском Селе, некогда полковой церкви лейб-гвардии Гусарского полка, в котором служил Лермонтов. Можно ли? По Лермонтову – можно, без тени сомнения заявил отец Геннадий. Высотки намеревались строить еще до Великой Отечественной. Не успели. Но площадки готовили. В 30-е годы XX века дом Толя исчез. Все, что осталось – надпись на памятной доске, прикрепленной к стене сталинского монстра. Рядом с вестибюлем станции метро «Красные Ворота», которая до 1986 года была «Лермонтовской». Чудны дела твои, городская власть!

ДО МАЛОЙ МОЛЧАНОВКИ

Жить в Первопрестольную Лермонтов с бабушкой прибыли в 1827 году. Домашнее воспитание, конечно, хорошо. Но, по мнению Елизаветы Алексеевны, пришло время для системного образования. Тем более что мальчик подавал надежды в самых разных сферах искусства. Литература, оно понятно, но еще отменно музицировал, на зависть другим рисовал и лепил. Кроме того, надо было вводить Мишеля в большой мир света. Ведь Арсеньева была из очень влиятельной семьи Столыпиных. Родня – повсюду в чинах. И в деньгах бабушка недостатка не испытывала. Но вот незадача – этот прилипший со школьных учебников штамп «бабушка», из-за которого представляется властная старуха навряд ли пушкинской «Пиковой дамы». Лермонтов родился, когда «бабушке» исполнился... 41 год. И вновь выглядывает из глубин зеркала жизни нечто. Год смерти поэта – 1841-й.

Несмотря на солидные финансовые возможности, собственного жилья у Арсеньевой в Москве не было. Как и в Петербурге, кстати. Останови-

Фасад Большого театра

лись вовсе не на Арбате, как принято почему-то считать, а на Трубной площади, 11, у добрых знакомых и дальних родственников – Петра и Елизаветы Мещериновых. Петр Афанасьевич, даром что был из гвардейской кирасирской кавалерии, предпочитал жить не в конюшне и на плацу, а среди книг, картин и музыки. На считанные месяцы в его доме Мишель погрузился в мир искусства. Тогда же он впервые увидел настоящий спектакль. И не где-нибудь – в Большом Императорском театре. И хотя это была всего лишь опера-шутка с говорящим названием «Князь-невидимка», за-

горелся и вместе с младшими Мещериновыми смастерил домашний кукольный театр.

Параллельно шла подготовка к поступлению в Московский университетский благородный пансион. Это было учебное заведение, не уступавшее Царскосельскому лицей. Разница состояла лишь в одном: представители императорской фамилии жили в Петербурге и его пригородных дворцах, что гарантировало лицеистам процесс частого лицезрения Величеств и Высочеств.

Благородный пансион – это шестилетний курс обучения, прекрасная профессура и... дух

Старое здание Московского университета. Казаковский корпус

Памятник
Антону Чехову
в Камергерском
переулке

лось на том месте, где сейчас высится еще более солидное и невероятно мрачное здание Московского телеграфа. Угол Тверской и Газетного переул-ка. Уже двадцать лет на него с тоской из Камергерского пе-реулка смотрит бронзовый Антон Павлович. Там снесли Благородный пансион, тут ря-дышком с постаментом – дом Самариных, веселый такой, с высокой башенкой. Встречал-ся ли Лермонтов с Юрием Сама-риным, литератором и извест-ным славянофилом, именно тут, утверждать трудно, так как дом принадлежал матери Сама-рина и сменил множество хозя-ев. Но о местах, где он виделся с Лермонтовым, Самарин пи-сал в дневнике: «В первый раз я встретился с Лермонтовым на вечере на Солянке. Он возвра-щался с Кавказа. Я был в вос-торге от его стихов на смерть Пушкина. После двух или трех свиданий он пленил меня про-стым обращением, детскою от-кровенностью. После того я увидел его несколько лет спу-стя на обеде у Гоголя. Это было после его дуэли с Барантом. Лермонтов был очень весел. <...> тут он читал свои стихи – Бой мальчика с барсом. <...> Ко мне он охотно обращался в сво-их разговорах и звал к себе. Два или три вечера мы провели у Павловых и у Свербеевых. Лер-монтов угадал меня. Я не скры-вался. Помню последний вечер у Павловых. К нему приставала Каролина Карловна Павло-ва. Он уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце. Молодежь собралась провожать его. <...> Через три месяца он снова приехал в Мос-кву. Я нашел его у Розена. Мы долго разговаривали».

Здание
Московского
телеграфа, на
месте которого
находился
Московский
университетский
Благородный
пансион

На Солянке – это в гостях у са-маринского свойственника кня-зя Александра Оболенского. Январь 1838-го.

«У Гоголя» – на именинном обе-де великого Николая Василье-вича в доме Михаила Погодина в Хамовниках в мае 1840-го.

Павловы жили на Рождествен-ском бульваре. Каролина Пав-

свободы. Отчасти и потому, что царский двор, а стало быть, и неизменно сопутствовавшие ему организации находились далековато. Московский уни-верситет, не в пример Петер-бургскому, уже тогда отличался тягой к фронде. А где студенты, там и их младшие братья – пан-сионеры. Лермонтов поступил осенью 1828 года сразу в четвер-тый класс на полупансион. То есть жил дома. Изучал... Проще сказать, чего в программе пан-

сиона не было. Одних языков – шесть, не считая родного. В про-грамму наряду с научными дисциплинами входили музы-ка, рисование, живопись, тан-цы, фехтование, верховая езда, риторика, светское воспитание. Неудивительно, что юный пан-сионер возвращался домой за-темно.

В отличие от двух старых кор-пусов МГУ, что на Моховой, Бла-городный пансион не уцелел. Его солидное здание находи-

лова – одна из первых русских женщин-поэтов. Ее переводы одобрил сам Гёте. А вот Адам Мицкевич жениться собирался, но не решился.

Экс-дипломат Дмитрий Свербеев был женат на княжне Екатерине Щербатовой. Выйдя в отставку, держал литературный салон в собственном доме на Большой Дмитровке, 6. Знакомство этой пары с Лермонтовым было недолгим, началось в мае 1840 года. В гостях у Свербеевых Михаил Юрьевич еще раз встретился с Гоголем, они беседовали долго и остались друг о друге в превосходных мнениях. По поводу барона Дмитрия Розена история примечательная. Штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка – однополчанин Лермонтова и добрый его приятель. В 1841 году он оказался в Москве по необходимости. Взял отпуск, чтобы сопровождать больного и опального отца генерала Григория Розена на воды в Мариенбад. Сейчас это не менее известный курорт в Чехии – Марианские Лазни. Доводилось проезжать мимо. Красота!

Исследователь Сергей Романюк в «Литературной газете» дал исчерпывающие объяснения, по-

Дом Павловых на Рождественском бульваре, где бывал Михаил Лермонтов

Погодинская изба в Хамовниках. Здесь Михаил Лермонтов познакомился с Николаем Гоголем

чему многие коллеги неизменно отправляли Лермонтова в Петровский путевой дворец на Петербургском тракте ночевать к полковому товарищу. Из мемуаров сестры штабс-ротмистра Прасковьи следует, что, примерно наказав их отца, Николай I разрешил покинуть Петербург и перед отъездом на воды остановиться именно в Петровском дворце, что, по мнению исследователя, крайне странно, так как подобное

выходило за принятые рамки. Сам Лермонтов писал бабушке: «В Москве пробуду несколько дней. Остановился у Розена...» Но Розены снимали дом на углу Гагаринского и Староконюшенного переулков. Начиная с 1840 года. И официальные источники утверждают, что и весной следующего года жили там. Так что, скорее всего, последние пять московских дней Лермонтов провел в районе дорогого и милого ему Арбата.

НА ПОВАРСКОЙ И МОЛЧАНОВКЕ

Пришлось сильно забежать вперед. Тоска в глазах Чехова заставила. Посему вернемся в Благородный пансион. Когда на Поварской улице стоял доходный дом майорши Костомаровой. Съехав от Мещериновых, Арсеньева с внуком поселились тут, в доме 26. И этот дом до наших дней не дотянул. На его месте – жилой домина с очень престижными и дорогими квартирами. Возможно, сюда «поселили» главного героя известного фильма «Прохиндиада» в исполнении Александра Калягина.

Следующий адрес – тоже Поварская, дом 11. Едва отстроенным после пожара 1812 года домом владели некие Черновы, у которых помещения арендовала Екатерина Столыпина. Она овдовела в 1826-м, когда в 40 лет скоропостижно скончался ее супруг Дмитрий Столыпин, родной брат бабушки Лермонтова. Полковник лейб-гвардии Конной артиллерии, впоследствии генерал-майор. Могучий, смелый, богатый, с характером. Например, он не слишком скрывал дружеские отношения с Павлом Пестелем, с которым

служил вместе в Южной армии, где и зародилось Южное общество декабристов. Женился вопреки семейному вердикту, породнившись с Воейковыми. Кто ж тогда знал, что последним дворцовым комендантом у Николая II будет именно Воейков. Равно как и вряд ли кто мог предположить, что премьер-министром России в 1906–1911 годах окажется внук Дмитрия Алексеевича – Петр Аркадьевич Столыпин.

Лето Екатерина Столыпина проводила в подмосковном имении Середниково, холодный сезон – в Москве. Ее дом стал своеобразным центром молодежного и детского досуга. Здесь млад-

Петровский
путевой дворец
на Ленинград-
ском проспекте

Дом Дворянского
собрани-
я на Большой
Дмитровке.
Ныне – Дом
союзов

шие Столыпины принимали младших Сушковых, Лопухиных, Мартыновых. И – Лермонтова. Благо жили по соседству. Например, Лопухины – на углу Большой Молчановки и Серебряного переулка. При строительстве Новоарбатского проспекта переулок отрезала от Молчановки многорядная магистраль. Со всеми обязательными последствиями. От той части Серебряного переулка, что упирался в Молчановку, не осталось ничего...

После событий на Сенатской площади император Николай I отчего-то особенно взелся на Благородный пансион. Казалось бы, участники событий оканчивали разные заведения, включая Царскосельский лицей, служили в разных ведомствах, в том числе гвардейских полках. Но государь решил применить жесткие санкции именно к пансиону и «разжаловал» его в гимназию. Лишил титула «дворянский». Начались увольнения среди педагогов. В 1830 году Лермонтов уходит из пансиона и поступает в Московский университет. В это время вплоть до переезда в Петербург в 1832-м он и бабушка живут в небольшом домике на

Малой Молчановке, 2. Дом деревянный, одноэтажный, в девять окон с фасада, но с большим мезонином. Во дворе, как положено, изба для слуг, конюшня, ледник. Он принадлежал купцам Черновым, был новеньким, так как строили его после Большого московского пожара 1812 года. Почему-то считается, что дом Черновых – это уникальное место в Москве, так как оно единственное «помнит» поэта. Единственное сохранившееся место, где он жил несколько лет, – безусловно. Но его помнит Московский университет, Большой театр. Уверен, что и Малый, так как прадед Лермонтова по бабушкиной линии Алексей Столыпин имел к его учреждению определенное отношение. Думается, «помнят» Лермонтова стены дома Петра Базилевского, известного в свое время коллекционера живописи. Да, особняк на Тверском бульваре, 18 был перестроен по распоряжению купившего его в 1900 году водочного короля Смирнова. И не кем-нибудь, а Федором Шехтелем. Но в основе лежит то, что принадлежало Базилевскому еще в начале XIX века. В этих стенах Лермонтов последний раз видел любовь сво-

Дом-музей Михаила Лермонтова на Малой Молчановке, 2. Отсюда поэт отправлялся на занятия в благородный пансион и Московский университет

ей жизни – Вареньку Лопухину, уже к тому времени Бахметьеву, с 5-летней дочерью. Не может не «помнить» Михаила Юрьевича храм Преподобного Симеона Столпника на углу Поварской и Нового Арбата. Возможно, он был его прихожанином, возможно, заходил по дороге в пансион или университет, но не обратить внимания и не проявить любопытства к такой красоте XVII века Лермонтов не мог. Он остро

чувствовал прекрасное. Довольно разделить его восторг, выраженный в эссе «Панорама Москвы», подписанном «Юнкер Л.Г. Гусарского Полка Лермантов»: «Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случилось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет понятия о Москве,

Кабинет Михаила Лермонтова в мезонине дома на Малой Молчановке

Особняк Базилевских на Тверском бульваре, 18, где Михаил Лермонтов был в гостях в 1841 году, за считанные месяцы до гибели

ибо Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысячи; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!..»

«Помнит» визиты Лермонтова и Дворянское собрание на Большой Дмитровке, 1. Троюродный брат поэта Аким Шан-Гирей вспоминал про новогодний бал 31 декабря 1831 года: «Лермонтов явился в костюме астролога, с огромною книгой судеб под мышкой; в этой книге должность каббалистических знаков исправляли китайские буквы, вырезанные мною из черной бумаги, срисованные в колоссальном виде с чайного ящика и вклеенные на каждой странице; под буквами вписаны были <...> стихи, назначенные разным знакомым, которых было вероятно встретить в маскараде». Эпиграммы сыпались направо и налево. Досталось

многим, от признанной красавицы-фрейлины Анны Щербатовой до будущего сослуживца по Школе гвардейских подпорщиков и кавалерийских юнкеров Кости Булгакова.

Об отношении сына Михаила и отца Юрия Петровича известно мало. Очевидно одно: оба страдали от вынужденной постоянной разлуки. Встречи были крайне редки. Одна из них – в Дворянском собрании в 1830 году. На следующий год Юрий Петрович скончался вдали от Москвы.

Все сказанное вовсе не означает, что Дом-музей на Малой Молчановке необоснованно переоценен. Он – бесценен. Первым,

Бюст Михаила Лермонтова, установленный на Малой Молчановке в сквере напротив дома-музея в 1994 году. Скульптор – Александр Бурганов

похоже, это понял исследователь лермонтовской жизни и наследия Ираклий Андроников. В начале 60-х годов прошлого века был окончательно утвержден план строительства «прорывной» магистрали от стен Кремля к западной границе Москвы. Кто спорит, город в ней нуждался. Но проектировщики разделяли ту точку зрения, что «лес рубят, щепки летят». И полетели старые московские щепки в разные стороны. Про Собачью площадку молодые москвичи и знать не знают.

Ираклий Луарсабович сумел убедить власти в том, что скромный особняк на Малой Молчановке трогать нельзя. Не тронули. Но еще годы понадобились для того, что расселить обитавших там обладателей коммунальных метров. Музей открыл двери посетителям в 1981 году. Снова мистика, снова рок? 140 лет со дня гибели...

Чем больше Лермонтова в нашей жизни – тем лучше. Даже самые равнодушные к литературе и истории люди, в том числе живущие в Москве на улице Барболина, глядишь, и заинтересуются рано или поздно творчеством великого русского поэта, проходя мимо библиотеки №76 имени Лермонтова. Написано ведь на табличке. И что с того, что вход в библиотеку в 300 метрах от ограды знаменитой Матросской Тишины? Гусарский поручик не понаслышке знал про петербургскую гарнизонную гауптвахту. Возможно, смоем жир с души у тех, кто живет в спальном районе столицы, Жулебине. Проспект от Московской кольцевой дороги протянулся в сторону области еще в 1986 году. А теперь прирос одноименной станцией метро. Вроде компенсации за переименование «Лермонтовской» в «Красные Ворота». В тех, кто живет в считанных домах на крохотной Лермонтовской улице у Преображенки, даже сомневаться не приходится. Знают о Михаиле Юрьевиче. Читали. Хотя бы собственный адрес в квитках на оплату ЖКХ. 📍

ВОЗЛЮБИВШИЙ КИНО

ВЛАДИМИР ВЯТКИН / РИА НОВОСТИ

АВТОР

ГРИГОРИЙ ПЕРНАВСКИЙ

В ОДИН ИЗ ЛЕТНИХ ВЕЧЕРОВ 1905 ГОДА ХОРУНЖИЙ 1-ГО ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ГЕНЕРАЛИССИМУСА КНЯЗЯ ИТАЛИЙСКОГО ГРАФА СУВОРОВА-РЫМНИКСКОГО ПОЛКА АЛЕКСАНДР ХАНЖОНКОВ ЗАШЕЛ В ПОПУЛЯРНОЕ РОСТОВСКОЕ ЗАВЕДЕНИЕ «БИОГРАФ», НАХОДИВШЕЕСЯ В САМОМ ЦЕНТРЕ ГОРОДА, НА САДОВОЙ УЛИЦЕ. ПЕРЕСТУПАЯ ПОРОГ БЫВШЕГО МАНУФАКТУРНОГО МАГАЗИНА, ПРЕВРАЩЕННОГО В ПРИМИТИВНЫЙ КИНОТЕАТР, ОФИЦЕР НЕ ЗНАЛ, ЧТО ЭТОТ МОМЕНТ ИЗМЕНИТ ЕГО ЖИЗНЬ И ИСТОРИЮ КИНЕМАТОГРАФА.

ПЕРВЫЕ КИНОСЕАНСЫ в Российской империи состоялись в мае 1896 года – всего через несколько месяцев после знаменитой премьеры братьев Люмьер. В принципе, можно утверждать, что все основные, так сказать, базовые кинособытия в России произошли в течение того мая: первые киносеансы в Москве и Санкт-Петербурге, открытие первого стационарного кинотеатра и даже самая первая киносъемка. 4 мая 1896 года оператор компании братьев Люмьер Камилл Серф подал прошение на высочайшее имя о разрешении произвести киносъемку коронации Николая II. Прошение было удовлетворено в тот же день. Только несколько лет назад выяснилось, что еще 6 апреля аналогичное прошение подал потомственный почетный гражданин Санкт-Петербурга Василий Иванович Ребриков, но оно даже не было рассмотрено.

НОВЫЙ АТТРАКЦИОН

В первые годы синематограф был чем-то вроде рыночного балаганного развлечения. Фильмы, точнее, сценки, заснятые несовершенными кинокамерами на далекую от идеала пленку, были примитивными, а репертуар – исключительно заграничным. Даже если съемки производились в России, то их изготовителями были чаще всего компании «Люмьер», «Пате» или «Гомон». Французы практически безраздельно хозяйничали на зарождающемся российском кинорынке.

Но в первые годы после появления кинематограф не приобрел большой популярности. Долгое время он оставался всего лишь аттракционом, который вовсе не гарантировал обогащения. К примеру, первый россий-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ский стационарный кинотеатр, «Живая фотография», открывшийся в мае 1896 года в доме №46 по Невскому проспекту, вскоре разорился, ибо зрителями его, по воспоминаниям очевидцев, были в основном дети. Он просто опередил время. Схема бизнеса на заре кинематографа в России выглядела приблизительно так: желающий заработать на кино связывался с компанией-производителем фильмов, закупал у них проекционную аппаратуру и копии картин из каталога. Все это он продавал демонстраторам, которые колесили по стране и устраивали кинопоказы, пока пленки не превращались в труху. Стационарных кинотеатров было относительно мало, правда, их количество постоянно росло. Население смотрело фильмы преимущественно во всяких бродячих синемаграф-

фах, иллюзионах и биографах. Вот что писал о них сам Ханжонков: «Любой сарай, амбар, склад, магазин, все, что имело крышу и могло укрыть от дождя «уважаемых посетителей», годилось под биограф. В таком «зрительном зале» отгораживалась будка для аппарата, обычно у входа в помещение или над ним; на противоположной стене прибавался полотняный экран; под экраном располагался пианист; мебель состояла из скамеек, разносортных стульев, но часто сеансы давались и без мебели, это значительно увеличивало вместимость зрительного зала, следовательно, и доходы предпринимателя». Но даже в 1905 году кинематограф охватил еще далеко не всех россиян; Ханжонков-то попал в него впервые в жизни только тогда, когда в стране начался настоящий кинобум.

Москва. Здание Саввинского подворья на Тверской улице (в центре снимка), где в 1907 году разместилась фирма «А. Ханжонков и Ко». При конторе имелся проекционный зал. 1900-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Павильон живой фотографии в Василеостровском саду в Санкт-Петербурге. 1900 год

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

Итак, наш герой посмотрел программу из четырех фильмов, в числе которых было и знаменитое «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота», был ошеломлен и понял, что с этого момента он хочет заниматься только кино. Ханжонков отправился в Москву, посетил представительство «Пате» и нашел своего первого партнера – сотрудника компании Эмиля Оша. Но сначала нужно было где-то раздобыть капитал. Ханжонков нашел решение. В соответствии с порядком, принятым тогда в армии, офицер, вступивший в брак до 28 лет, обязан был вносить в казну деньги на обеспечение своей семьи и жить с дохода от взносов. В 28 лет накопленная сумма возвращалась офицеру на руки. Ханжонкову в 1905 году исполнилось как раз 28 лет. Он получил необходимые для начала дела деньги, а вскоре уволился в запас по состоянию здоровья: оно у Александра Алексеевича было неважным – он страдал от ревматизма и еще в дореволюционные годы вынужден был все чаще передвигаться в инвалидной коляске. Весной 1906 года Ханжонков и Ош отправились в Париж. Они посетили все крупные кинокомпании, но свои услуги по представительству предложили конторе под названием «Урбан». Закупили партию фильмов и кинопроекторы и отправились в Россию. Прокатный бизнес в то время подразумевал, что кинокомпания продавала представителю заказанное им количество копий фильмов. Ханжонков обычно заказывал 6–12 копий каждой картины. При этом себестоимость метра пленки (расчет шел именно в метрах) со всеми накладными расходами составляла 40 копеек, а продавался фильм по 55 копеек за метр. Партнеры быстро поняли, что даже при самом лучшем раскладе прибыль составляет примерно 10 процентов, что лишает смысла все предприятие. Нужно было искать новые кинофирмы и заключать более выгодные контракты. Ханжонков и

его партнеры работали с итальянцами, англичанами, первыми попытались привезти в Россию американские фильмы и потерпели фиаско: прокатчики не приняли заморскую продукцию, а кроме того, американские кинопроекторы отличались просто кошмарным качеством. Одновременно Ханжонков искал рынки сбыта для картин во все более глубокой провинции, куда можно было спихнуть залежалый товар. Впрочем, даже коммерческие успехи не радовали Александра Алексеевича. Все чаще он задумывался о своем собственном кинопроизводстве. Ко всему прочему в России к 1907 году уже сформировался и зрительский спрос на отечественную кинопродукцию. Появление «своих» фильмов было лишь вопросом времени.

РУССКАЯ ИДЕЯ

Иностранные фирмы, фактически монополизировавшие кинопроизводство в России, выпускали свои картины и на русские сюжеты. Например, фильм «Донские казаки», выпущенный студией «Бр. Пате» в 1908 году, пользовался огромной популярностью и разошелся тиражом в 219 копий. К этому моменту Ханжонков уже начал снимать хроникальные и видовые фильмы, принятые публикой очень тепло. Еще в 1907 году он снял свой первый художественный фильм, «Галочкин и Палочкин». Картина оказалась плохой и бракованной, Ханжонков решил отказаться от ее проката. Кстати, тогда же Александр Алексеевич получил свой первый правительственный заказ – фильм «Прогулка по московской Окружной железной дороге». Но зрители его не оценили.

После неудачи с «Палочкиным и Галочкиным» Ханжонков не оставил идею снимать художественное кино, но решил основательно подготовиться к работе в новом жанре. Нужно заметить, что подобные идеи захватили не только его. Петербургский фотограф, корреспон-

Александр Ханжонков
(крайний справа)
в павильоне
своей студии

дент и предприниматель Александр Дранков, известный тем, что за серию снимков Николая II получил статус поставщика двора Его Императорского Величества, в 1907 году решил заняться кинематографом и весьма преуспел в этом деле. Его ателье специализировалось на съемке репортажной кинохроники, а в 1908 году люди Александра Осиповича засняли самого Льва Толстого. Это была настоящая сенсация. В том же, 1908 году именно Дранков выпустил на экраны первый русский художественный фильм, «Стенька Разин» («Пони-

зовая вольница») – экранизацию знаменитой песни «Из-за острова на стрежень». Премьера фильма, состоявшаяся 15 октября, вызвала настоящий фурор и ознаменовалась страшным скандалом, поскольку Дранков «кинул» и композитора, и сценариста – неудачливого драматурга Василия Гончарова. Тот, кстати, через некоторое время стал сотрудником Ханжонкова и с небольшими перерывами служил ему до своей скоростижной смерти в 1915 году.

СТРАСТИ ПО «КАЛАШНИКОВУ»

Заполучив Гончарова, Ханжонков смог добиться расположения некоторых актеров труппы Введенского народного дома, которые согласились сниматься в кино. Это было важно: ведь большинство профессиональных актеров боялись потерпеть фиаско на экране и отказывались работать в кинематографе. К постановке Гончаровым были назначены «Песнь про купца Калашникова» и еще два фильма. В самом начале съемок Ханжонков столкнулся с неожиданной проблемой: «К ужасу своему я узрел нечто невероятное: пре-

Александр
Осипович
Дранков

красные актеры, которыми я неоднократно любовался, превратились в марионеток. Режиссер поставил почтенных боярских родителей в одном конце сцены, а новобрачных в другом. По крику «благословляйтесь» молодые сорвались с места, подбежали к родителям, пали им в ноги и, вскочив, точно с горячей плиты, бросились обратно в свой угол. Актеры А.В. Гончарова и А.А. Громов объяснили мне, что так обучал их режиссер на репетиции с секундомером в руках. Пришлось убедить актеров отделаться от этой поспешности, так как для экрана движения должны быть просты и естественны». Впоследствии к Гончарову пришлось даже приставить ассистента (первый в мире ассистент режиссера), который помимо всего прочего должен был сдерживать весьма буйного Василия Михайловича.

С «Купцом Калашниковым» связана история, благодаря которой Ханжонков увидел и крайне неприятную личину кинобизнеса. Фильм был уже снят и готовился к копированию, когда Александр Алексеевич узнал о том, что Дранков готовит свою постановку «Калашникова» и хочет выпустить ее на экраны до того, как выйдет разрекламированная ханжонковская картина. Алексей Александрович успел организовать копирование, а затем и скоростную рассылку прокатных копий заказчикам. У него уже была отработана методика быстрой доставки киноплёнок по России через проводников пассажирских поездов. Практика, конечно, незаконная, но прекрасно работавшая. Из истории с Дранковым Александр Алексеевич сделал выводы – отныне все работы над новыми фильмами были засекречены, даже актеры не всегда знали, в чем именно снимаются. Позднее Ханжонков примирился с Дранковым, но дел с ним более не имел. Дранков же прославился впоследствии тем, что начал снимать детективные киносерии и достиг на этом поприще больших успехов.

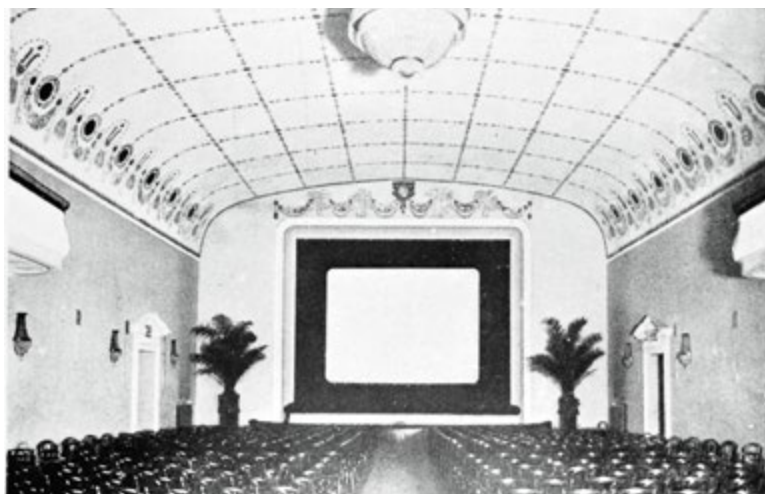
Сотрудники
студии
Ханжонкова

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ КИНОСТУДИЙ

Постоянно испытывая проблемы с помещениями для съемок и с отсутствием нормальных условий для работы, Ханжонков первым в России догадался обзавестись собственной производственной базой. Первую полноценную студию начали создавать в Крылатском, на участке земли, арендованном у некоего крестьянина. «Раньше всего <...> была построена площадка для съемок. Помост ее (размером 6х5) из толстых досок возвышался над землей приблизительно на аршин и имел в каждом из четырех углов по солидному столбу двухсаженной вышины. Столбы эти были скреплены между собою по верху слемами и были очень устой-

чивы; к ним крепились и все декорации, и целая система занавесок от солнца, – вспоминал Ханжонков. – Около самой площадки в нашем распоряжении была пустая изба; в ней артисты переодевались, гримировались и отдыхали. Вскоре к избе пришлось пристроить обширный сарай для хранения аксессуаров бутафории, а также отработанных декораций и поделок к ним. В этой избе зародился и закрепился тот опыт, который был затем перенесен на фабрику и вылился в ряд подсобных цехов, взаимодействующих по строго определенному плану». Новая студия позволила Ханжонкову снимать фильмы полностью в «реальных» декорациях и не работать на фоне нарисованных задников, чего Александр

Зрительный
зал кинотеатра
«Колизей».
Москва,
Чистопрудный
бульвар.
Архитектор
Р.И. Клейн

Алексеевич стыдился. Качество кинокартин улучшалось, и это вполне соответствовало запросу зрителей, число которых росло. К концу первого десятилетия XX века кинематограф перестал быть балаганным аттракционом. Появились фильмы с богатым сюжетом, с серьезной актерской игрой. Операторы соревновались в разнообразных приемах, а режиссеры экспериментировали с монтажом. Кино становилось настоящим искусством. Изменялись и кинотеатры: «Внешний вид кинотеатров за последние два года улучшился. Теперь даже в провинциальных городах было трудно встретить кинематограф без фойе, буфета, раздевальни и прочих удобств для зрителей. Для музыкального сопровождения картин подыскивались хорошие пианисты. Вообще музыкальное сопровождение картин сделало большой прогресс.

Раньше никакой потребности в специальной музыке при игре под картины не ощущалось: аккомпаниатор хорошо знал, что под драму надо играть вальс, под комическую – галоп, а под видовую, в зависимости от ее темпа, что-нибудь из других танцев. Теперь этот вопрос, пройдя длинный эволюционный путь, усложнился, и в крупных кино не только подбиралась аккомпаниатором специальная музыка под картины, но кое-где даже появились небольшие (в 3–5 чел.) оркестровые ансамбли. Но оркестровые ансамбли украшали только большие кинематографы. В кинематографе для простонародья – «Аванс», – где вход стоил только 12 коп., сеанс сопровождался игрой четырех владимирских рожечников».

Кинобизнес серьезно усложнился. Продажа копий заменялась их временным прокатом, для того чтобы доставать деньги на оперативные расходы, возникавшие при непрерывном выпуске новых фильмов, кинокомпаниям приходилось встраиваться в сложные кредитные схемы. И вот что важно: появились первые полнометраж-

Кадр из первого полнометражного фильма, «Оборона Севастополя» 1911 года.
Режиссеры В. Гончаров и А. Ханжонков

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ные фильмы, длившиеся час и более. Короткие сценки массового зрителя интересовать перестали. Ханжонков прекрасно понимал это, тем более что он сам выводил на рынок иностранные картины, становившиеся все сложнее и длиннее, и видел, как хорошо их принимают люди. Александр Алексеевич, в принципе, был готов замахнуться на постановку. Окончательно его подтолкнул к действиям Василий Гончаров, вернувшийся в компанию после короткой ссоры. Гончаров фактически обвинил Ханжонкова в том, что тот отклонился от патриотической линии, увлекшись коммерцией, и потребовал обратиться к императорскому двору за высочайшим соизволением на съемку полнометражного фильма «Оборона Севастополя». Через несколько дней оно было получено, и работа закипела.

Режиссер В. М. Гончаров. 1910-е годы

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ СТРАДАНИЯ

Высочайшее соизволение означало фактический приказ всем государственным структурам оказывать съемочной группе содействие. Уже сам факт получения такого документа был в России настоящей сенсацией. Доверие следовало оправдать. Для съемок был отобран целый вагон костюмов, подготовлено огромное количество пиротехники. На производство была выделена астрономическая сумма – 15 тысяч рублей. Летом 1911 года съемочная группа прибыла в Севастополь. В распоряжение Ханжонкова были предоставлены войска и корабли флота. В качестве консультанта к группе прикрепили полковника Владимира Платоновича Ляхова – легендарного командира Персидской казачьей бригады. С Ляховым Ханжонков намучился: «Полковник с самого начала заявил, что главной своей обязанностью он считает наблюдение за тем, чтобы съемки производились, безусловно, на исторических местах.

Я доказывал ему, не знакомому с кинематографией, что небо и земля выходят в кино совершенно одинаково, где бы мы их ни снимали. Нет никакой надобности вновь возводить вдали от города, в Инкермане или на реке Альме, бастионы, траншеи и гнать туда по жаре для съемок войска, когда

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в самом городе имеется Малахов курган, поддерживаемый в идеальном порядке, со всеми необходимыми сооружениями. Но Ляхов остался при своем мнении и не пошел ни на какие компромиссы. Это обстоятельство заставило нас вычеркнуть из сценария, и без того крайне конспективного, все батальные сцены, происходившие вне Малахова кургана, что, конечно, крайне вредно отразилось на общем содержании картины».

Вообще, трудности, которые пришлось испытать кинематографистам во время съемок, были неисчислимыми. Костюмов для массовки не хватало катастрофически. Правильно одетых статистов выставляли в первые ряды, а задних маскировали дымами. Ко всему прочему, группа быстро вылетела из бюджета: расходы превысили 30 тысяч рублей. О том, чтобы снять сцену затопления флота на севастопольском рейде, и речи быть не могло. Ханжонков решил ограничиться одним кораблем – «Тремя Святителями». Надстройки линейного корабля были сооружены на подводной лодке, которая медленно и печально погружалась в пучину Северной бухты. Павильонные сцены и монтаж были выполнены уже в Подмоскowie, а в ноябре 1911 года картину в сопровождении оркестра и хора продемонстрировали царю в Ливадий-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ском дворце. Тот поблагодарил Ханжонкова за труды. Прокат «Обороны Севастополя» был официально разрешен, а Александру Алексеевичу пришлось ломать голову над тем, как отбить огромные расходы. Решение нашлось: фильм, вокруг которого была накручена настоящая истерика, отпускался прокатчикам только за наличный расчет. Ханжонков не только окупил фильм, но и получил значительную прибыль,

Афиша фильма
А. Ханжонкова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Синематограф Ханжонкова
на Старой Триумфальной площади

часть из которой пошла на проект, который по-настоящему обессмертил имя предпринимателя. Ханжонков был одним из первых в мире кинематографистов, который начал снимать документальные образовательные и научно-популярные фильмы. «Научное значение кинематографа в то время в России было еще мало осознано; ни одна из кинофирм таким нерентабельным делом не занималась, – вспоминал Ханжонков. – Я, по своей инициативе, начал делать первые неуверенные шаги: выписал из-за границы хороший микроскоп и хроноаппарат, <...> привлек к этой работе в качестве постоянных сотрудников А.Л. Дворецкого и Н.В. Баклина... Для консультации, при выполнении съемок по той или иной научной дисциплине, я приглашал специалистов из профессуры Московского университета. К лету 1911 г. в нашем «импровизированном» пока научном отделе были засняты следующие картины: «Электрический телеграф», «Электрический телефон», «Получение электромагнитных волн» (вибратором Гертца)...». Образовательные фильмы не приносили никакого дохода, но Ханжонков всегда руководствовался принципом: «Если среди десяти поставленных моей фабрикой картин получается хотя бы один боевик, он не только окупает расходы всех десяти картин, но я получаю большой капитал».

Кинофабрика
акционерно-
го общества
«А. Ханжонков
и Ко» в Москве
на Мытной
улице. 1914 год

КОМУ ВОЙНА...

Следующим крупным проектом Ханжонкова стала картина, посвященная столетию войны 1812 года. Понимая, что не вытянет ее в одиночку, Александр Алексеевич обратился к фирме «Бр. Пате» с предложением о совместном производстве. Узнав об этом, патриотично настроенные предприниматели решили помочь, и Торговый дом «Ханжонков и Ко» превратился в акционерное общество.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, кинобум продолжался. Ханжонков зарабатывал на фильмах своего производства, на дистрибуции иностранных картин, продавая до 300 километров пленки в месяц, на прокате фильмов в своих кинотеатрах. Он построил настоящую кинофабрику, на которой осуществлялся полный производственный цикл — от съемки фильмов до их монтажа, проявки негативов и изготовления копий, интертитров и киноплакатов. Трудовые права актеров киностудии строго охранялись. Работали они строго в первой половине дня, чтобы у них была возможность передохнуть и вечером играть в театре.

Казалось, ничто не могло замедлить рост прибыльного предприятия, даже война, которая постепенно перекрыла поставки иностранных фильмов в Россию. Притом что спрос на кинопродукцию рос, что огромной популярностью пользовались ленты патристического содержания, кинематограф лихорадило. Вся кинопленка была иностранного производства. Первое время киностудии еще работали на старых запасах, но все когда-то заканчивается. В какой-то момент цены на пленку выросли до катастрофических величин. Это компенсировалось повышением цен на билеты, но спрос не падал! В конце 1916 года появились слухи о готовящейся национализации кинематографа, который и так при-

Афиша фильма
«1812 год».
Совместная
постановка
«Бр. Пате»
и А. Ханжонкова.
1912 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Звезды русского
немого кино.
Групповое
фото с афишей
«К юбилею
П.И. Чардынина».
Слева направо:
В.А. Полонский,
В.В. Максимов,
В.В. Холодная,
О.И. Рунич (стоит),
П.И. Чардынин,
И.Н. Худолеев
и И.И. Мозжухин.
1918 год

носил бешеные деньги в виде налогов. Но тут грянул 1917 год, и все смешалось... Создавались новые кинофирмы, которые тут же лопались. Появлялись различные киносоеюзы. Снимались новые и переделывались на революционную тематику старые ленты. Ханжонков, наученный многолетним опытом, решил создать в Крыму производственную летнюю базу, приобрел участок земли под Ялтой и весной 1917 года перебрался туда. Это было необходимо и по причине того, что он нуждался в теплом климате — прогрессирующий ревматизм окончательно приковал его к инвалидному креслу.

КОНЕЦ РУССКОЙ СИНЕМАТОГРАФИИ

Последние годы российского кинематографа были печальны. В 1917–1918 годах еще работали московские и питерские кинофабрики, еще шли сеансы в кинотеатрах, но Гражданская война брала свое. Когда белые выбили красных из Крыма, сюда потянулись кинематографисты со всей России. Казалось, полуостров становится новым Голливудом, но иллюзии быстро растаяли. Деньги и запасы пленки иссякли, производство продолжать было не на что. Осенью 1920 года Ханжонков продал за «два чемодана денег» все позитивные пленки, кото-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Кинофабрика А. Ханжонкова в Ялте.
1918–1919 годы

рые у него были, распорядился строить в Ялте полноценную кинофабрику и уехал за границу на лечение. В ноябре 1920 года Красная армия захватила Крым, и все имущество Ханжонкова было национализировано. Сам он перемещался из страны в страну, зарабатывая на прокате своих старых фильмов, часть архива которых увез с собой, пытался организовать свое кинопроизводство. На арендованной вилле в Бадене занимался работами по созданию звукового кино, но не преуспел.

В 1923 году Ханжонкова пригласили вернуться в Советскую Россию для работы в акционерном обществе «Русфильм». Он согласился. Хотя акционерное общество так и не открылось, он остался в СССР, устроился сначала в Госкино, а затем начальником производства в Пролеткино и даже женился во второй раз. В 1926 году руководство Пролеткино было арестовано по обвинению в растрате и в 1927-м осуждено. Ханжонкову, которого оставили на свободе до суда, вменялось в вину, что «для съемок картины «Мабул» экспедиция выехала в Ленинград под руководством самого Ханжонкова. Когда Ханжонков увидел, что руководит постановкой молодой неопытный режиссер, то он взял постановку на себя, что заведующий производством не имел права делать...». Александра Алексеевича приговорили к шести месяцам заключения. Впрочем, кассационная комиссия от тюрьмы Ханжонкова освободила. Зато не освободила от запрета на работу в кинематографе и лишения, к кото-

А.А. Ханжонков.
1930-е годы

рому Ханжонкова приговорили за то, что он не имел заслуг перед революцией, до войны был капиталистом, а в годы военной службы участвовал в реакционном Персидском походе.

Здоровье Ханжонкова ухудшилось, и он уехал в Ялту. Лишение политических прав не давало инвалиду-колясочнику возможности получить хоть какую-то работу. В 1934 году он написал письмо начальнику Кинофотоуправления Борису Шумяцкому письмо, в котором говорилось: «...Мое положение и в моральном и в

АЛЕКСАНДР БУРДЫ

Памятник
Александру
Ханжонкову
возле Ялтинской
киностудии

материальном отношении стало настолько невыносимо, что я решил обратиться <...> с просьбой помочь мне найти выход из такового... Прошу <...> помочь мне войти в рабочую семью Советской кинематографии полноправным ее членом. Вне этого предо мною остаются лишь перспективы на дальнейшее ухудшение моего здоровья, вызываемого постоянной нуждой, и в конечном итоге – смерть от недоедания, на которую я здесь оказался обреченным вместе со своею женою». Ханжонкова реабилитировали, выписали персональную пенсию. Он смог приступить к написанию мемуаров, которые даже были частично напечатаны в 1937 году. Все время оккупации Ялты – с 1941 по 1944 год – Александр Алексеевич прожил в Ялте. О последних годах жизни его известно немного. В оккупационной прессе было напечатано несколько статей о нем. Вот цитата из одной из них: «Проходим мимо знаменитой ялтинской киностудии, построенной еще до войны основателем русской кинопромышленности Ханжонковым. <...> Обшарпались и облиняли старые павильоны. По тротуару, вдоль киностудии пожилая, хорошо сохранившаяся женщина везет в кресле разбитого параличом старика. Это сам Ханжонков <...> Советская власть ограбила его. <...> На секунду он поворачивает голову в сторону своей, прячущейся за деревьями киностудии и вглядывается в нее». Вряд ли сам Александр Алексеевич имел какое-то отношение к этому материалу.

Ханжонков умер в сентябре 1945 года. Александра Алексеевича миновала судьба многих его коллег и соперников. Имя его не кануло в Лету, он не был забыт. Немало созданных им фильмов уцелело до наших дней. Они реставрированы, бережно хранятся в Госфильмофонде, а их оцифрованные версии можно посмотреть в Интернете. Пожалуй, это лучший из памятников настоящему энтузиасту кинематографа. 🍿

Автопортрет
в тюрбане.
1909 год

ЛУЧИСТ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОКОЛО 500 РАБОТ ИЗ 30 ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ СОБРАНИЙ! ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО МАСШТАБНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ТВОРЧЕСТВА МИХАИЛА ЛАРИОНОВА – ЯРКОГО «БОРЦА» В ПЛЕЯДЕ АВАНГАРДИСТОВ, ХУДОЖНИКА ПРОТИВОРЕЧИВОГО, А ПОТОМУ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОГО. В ЗАЛАХ НОВОЙ ТРЕТЬЯКОВКИ НА КРЫМСКОМ ВАЛУ ВПЕРВЫЕ В ПОДОБНОМ ОБЪЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНО НАСЛЕДИЕ ОДНОГО ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ РУССКОГО АВАНГАРДА. ПЕРЕД ЗРИТЕЛЕМ ПРЕДСТАЕТ НЕ ТОЛЬКО ЖИВОПИСЬ, ГРАФИКА, КНИГИ, ФОТОГРАФИИ, АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, НО И НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, ОЧЕНЬ РАЗНЫЙ В СВОИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ МИР ХУДОЖНИКА – ОБРАЗЫ, СТИЛИ, СМЫСЛЫ...

ПОЧТИ ВСЕ НОВАТОРЫ искусства XX века так или иначе – «дети» импрессионизма, Поля Сезанна и кубизма. Ларионов надыхался всеми ветрами того переломного времени, «отметился» во всех течениях, участвовал в формировании многочисленных «-измов» нового искусства. Дух бунтарства проявился в нем далеко не сразу, поначалу никто и не подозревал в нем такие устремления.

«Пусть художник будет дерзок, несложен, груб, примитивен. Будущая живопись зовет к лапидарному стилю, потому что новое искусство не выносит утонченного, оно пресытилось им. Будущая живопись сползет в низины грубости, от живописи теперешней,

культурной, отнимающей свободную волю исканий, – в мало исследованные области лапидарности, – предсказывал Леон Бакст. – Будущая живопись начнет с ненависти к старой, чтобы вырастить из себя другое поколение художников, в любви к открывшемуся новому пути, который нам полужнаком, страшен и органически враждебен. И предчувствующий глаз скользит по полированным формам Праксителя Гермеса, невольно останавливаясь на детском рисунке: он точно чувствует, что свет прольется через детский лепет...». Знаменитый мирискусник описал, каким он видит общее развитие искусства. Но, зная историю Михаила Ларионова, легко представить, что Бакст говорил именно о нем.

«Молодой человек, даже весьма глупый и совершенно неогдаренный, чувствует за собой какие-то преимущества, так как перед ним открыта жизнь, и даже, пожалуй, лучше, что у него нет никакого багажа», – пишет сам Ларионов в своем дневнике.

Минуло всего несколько лет. И вот уже «эта русская анархия с бесчисленными «претендентами», эти контрасты и в технике и в духе искусства, эта неувыдаемость давно осужденных пережитков и смехотворных провинциализмов и этот фанатический натиск новаторов «море по колено!» <...> С одной стороны, этот неистощимый вкус к стилю и к стилям, изысканные праздники театрального декораторства, возрождение старины, своей и чужеземной, народного кустарничества, религиозной живописи, ампирной классики, итальянского Ренессанса, и с другой – упрямый эпигонизм, какого не знал мир, безнадежное повторение задов! И рядом эта отсебятина, не признающая никаких преград, поцветистее да поудалее, и это слепое преклонение перед Матиссами после одного посещения щукинской галереи, и это восхищение древнерусской иконой, и это смешное подражание уличным лубочным вывескам, «которые во сто крат интереснее Эрмитажа», – возмущается поэт, критик и эстет Сергей Маковский.

Творческая среда бурлила, то вынося на поверхность, то унося в забвение имена и судьбы ярчайшего поколения, на долю которого, вслед за скоротечным карнавалом, выпали горестные испытания...

Павлин – излюбленный мотив модернизма. В экспозиции несколько ларионовских павлинов: первого он писал кропотливо, импрессионистично, во всем великолепии (1906–1907). Более поздние павлины – в манере французского экспрессионизма

ЖИЗНЬ ДЛЯ ИСКУССТВА

В мае 1881 года в городке Тирасполь Херсонской губернии родился Михаил Федорович Ларионов. Недалеко располагались Бендеры, где в военном гарнизоне служил фельдшером его отец, и с двух лет мальчик жил там. Архитектура Бендерской крепости, построенной турками в XVI веке, степь, окружавшая цитадель, огромный бабушкин сад с абрикосовыми деревьями и кустами роз... «Семья жила на юге в живописной местности у берегов Днестра, – вспоминал Ларионов. – <...> Юг с плодородной черноземной почвой, с мягким климатом, с садами, полными цветущих деревьев, а осенью – фруктами; разноязычное население, где встречались и смешивались почти все племена юга России, а также пришлые из-за кордона турки, греки, румыны, молдаване, цыгане, евреи, украинцы и русские – это неполный перечень населения южной окраины России. Меньше чем в ста километрах – Одесса и Черное море. Трудно представить более благоприятную обстановку для ребенка, который выберет в будущем дорогу художника». В доме деда было много книг, мальчик с детства пристрастился к чтению. При этом Ларионов никогда не хвастался своей начитанностью, но в его переписке с друзьями встречаются цитаты многих великих – от Платона до Оскара Уайльда.

В середине 1890-х семья, в которой было уже трое детей, переехала в Москву. Отец нашел место бухгалтера в «Запасной аптеке московского военного округа», где служил до 1897 года, а затем по состоянию здоровья вышел в отставку. Пока отец работал, Ларионовы жили в помещениях аптеки, в проезде Чистых прудов, после отставки начались скитания по съемным квартирам.

Миша поступил в реальное училище К.П. Воскресенского, где в обучении упор делался на точные науки. Но в 1898-м он поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, о чем сделал запись в своем дневнике его одноклассник Александр Шевченко:

Куст сирени
в цвету. 1905 год

«Со второго полугодия пришел и еще один, чрезвычайно талантливый живописец, по-моему, гениальный, М. Ларионов». В год его поступления в МУЖВЗ начал выходить журнал «Мир искусства». Ларионов его штудировал, и не зря: вскоре он создает множество эскизов на театральные и литературные темы, шаржи, ретроспективные фантазии, пейзажные серебристые этюды в свободной манере. В 1901 году в училище появился кумир молодежи Константин Коровин, заместивший умершего Исаака Левитана. Ларионов стремился попасть в класс к Коровину, который тот вел совместно с Валентином Серовым. Официально он был переведен в их мастерскую только на 1908/09 учебный год.

Уже в училище проявился бунтарский дух Ларионова: он трижды изгонялся за свободомыслие и попрание основ академической живописи! Но как бы вызываясь он себя ни вел, а уроки Коровина с рассказами о новой французской живописи и возможностью попасть в дом известного ее собирателя Сергея Щукина, юноша воспринимал жадно. В декабре 1904 года на ученической выставке Ларионов высту-

пил с серией пейзажей: один и тот же мотив в разные часы дня, как у Клода Моне. К выбору названий автор подошел ответственно: «Часы вечера: Первый час. Сочетание аметистов и изумрудов; Второй час. Сочетание топаза и агата»... И услышал критическое замечание: «Получается уже не искусство, а какая-то метеорология». Но через год на Периодической выставке Московского общества любителей художеств – обычном трамплине для начинающих – внимание педагогов и критиков обратила на себя работа Ларионова «Куст сирени в цвету», написанная «по-коровински». Ее приобрел преподававший в МУЖВЗ живописец В.Н. Бакшеев, что можно было считать своеобразным признанием. По словам искусствоведа Дмитрия Сарабянова, «уже в ранние годы Ларионов был «взрослым». Работы молодого художника – «Розовый куст после дождя», «Сад», «Весенний пейзаж» – вызвали и восторг публики, и обвинения в подражательстве. Позже автор вспоминал то время: «я был импрессионистом и любил безумно Верлена». Но искусствовед Николай Пунин, впечатленный картиной «Верхушки акаций», заметил,

что это – «глубоко лирическое национальное произведение, и никаких аналогий ему не найти во французском искусстве». Согласно с этим Маковский видел и недостатки: «Нельзя отрицать также, что лапидарная, по выражению Бакста, живопись нашей молодежи, невзирая на клички и теории, заимствованные по большей части у Парижа, сразу обрела черты национальные. Для последовательного ученичества ей недоставало прежде всего школьной выдержки». В ларионовских пейзажах, проникнутых щемящей лирикой остановленного прекрасного мгновения, все-таки было «свое», очень свежее: столкновение прозы жизни с ее поэтической и даже философской интерпретацией. Он уже тогда начал работать со смещением линии горизонта, неожиданными ракурсами, визуальными эффектами – как техническими средствами... Но не только – в этих пейзажах присутствует интим-

ное переживание, передающееся зрителю и через столетие. Здесь не выявляется прямого влияния настроенческой живописи реалиста Левитана, но в новом течении импрессионизма его ученик Ларионов применяет именно этот синтез мастера – романтическое наполнение природы личностным переживанием художника... Ларионов болезненно реагировал на конкуренцию Петербурга и Москвы в противостоянии двух эстетических концепций – модерна мирискусников и импрессионизма любимых учителей, на различие в методах работы – по воображению или с натуры. Это ставило художника перед непростым выбором, а ему хотелось всего, он мог бы научиться сочетать, не отвергая и не забывая. Пройдя непростой путь, став признанным и авторитетным, Ларионов придет к своей «примирительной» формуле: «Искусство для жизни и еще больше – жизнь для искусства».

Акации весной
(Верхушки
акаций). 1904 год.
Общепризнанный
шедевр
ларионовского
импрессионизма,
нежная живопись
с серебристым
мерцанием

БОЛЕЗНЬ РОСТА

Становление художника Ларионова совпало с периодом небывало высокого интереса общества к культурной жизни. В обеих столицах выставки переходили в уличные демонстрации со скандалами и откровенным эпатажем новаторов. «Десятки художников оказались сразу главами собственных школ, – вспоминал Маковский. – Групповые, кружковые и одиночные выступления, прикрытые иностранным ярлыком, зачастую совершенно не соответствовавшим своей доморощенной «теории», соперничали в «дерзании». И все дерзающие требовали исключительного признания, не жалея себя, воюя друг с другом, фокусничая наперегонки, издеваясь над публикой и раздражая ее, хоть и давно ко всему приученную, широко вещательным самовосхвалением, малограмотной словесностью в печатных брошюрах и непечатной руганью на своих митингах: кубисты, футуристы, кубофутуристы, футурокубисты, супрематисты, орфеисты, лучисты, имажинисты и т.д.».

За двенадцать лет учебы Ларионов участвовал не только в студенческих отчетных смотрах, но и – наравне с мастерами – в профессиональных выставках Общества русских акварелистов, Союза русских художников, «Мира искусства». Выставлялся даже на русской экспозиции Осеннего салона 1906 года в Париже. Вероятно, услышанные там споры подтолкнули Ларионова к радикальным шагам: он освоил и сменил множество направлений художественной мысли, как будто экстерном сдавал весь практический курс современных течений! И в 1906-м он определяет «начало смерти обычного искусства» – живопись освобождается от традиционного школярства, утверждается значимость «осмысленных» картин. Ларионов по-новому увидел вывеску, русский лубок, заборные рисунки и надписи, народное искусство и культуру улицы. Эта эстетика

отлично стыкуется в его исполнении с французскими опытами Матисса, Гогена и Сезанна. Молодой художник называет это примитивизмом и надолго им увлекается: серии «Франты», «Парикмахеры», «Пьяницы», девушки с «пониженной социальной ответственностью», кабаки, порты, огороды, экстравагантные жанровые сценки. Ларионов любит своих персонажей, не критикует их, не осуждает, а через гротеск выявляет характеристику, иронизирует...

По окончании училища в 1910–1911 годах он отбывает воинскую повинность, но это – мирные армейские будни, которые художник запечатлел в симпатичной «солдатской серии».

Вокруг демобилизованного Ларионова собираются единомышленники, он становится одним из лидеров своего поколения художников. В компании русских авангардистов сложилось несколько супружеско-творческих пар, в их числе – Михаил Ларионов и Наталья Гончарова. Еще с училища они всегда и везде были вместе, но официально расписались только в 1955 году. Она – дворянка, дочь архитектора, правнучатая племянница жены Пушкина Натальи Гончаровой, талантливая, умная, скромная.

О Ларионове один из его учеников, Сергей Романович, заметил: «Хотя ни в чем, ни в одежде, ни в манерах, не было ничего намеренного, выделяющегося, все же казалось, что этот человек имеет особый отблеск свободы и веселья по сравнению с обычными людьми». Но это впечатление обманчиво: диагноз «неврастения» делает художника раздражительным и даже драчливым во время обсуждения вопросов искусства. После одной ссоры с Гончаровой Ларионов пишет: «Я очень извиняюсь, что имел глупость тебе говорить, что ты что-либо не так делаешь. Я тебе от всей души и от всего сердца говорю – всё-всё ты делаешь не только так, но больше чем так. У тебя все отмечено таким ароматом своеобраз-

Портрет
Н.С. Гончаровой.
1915 год

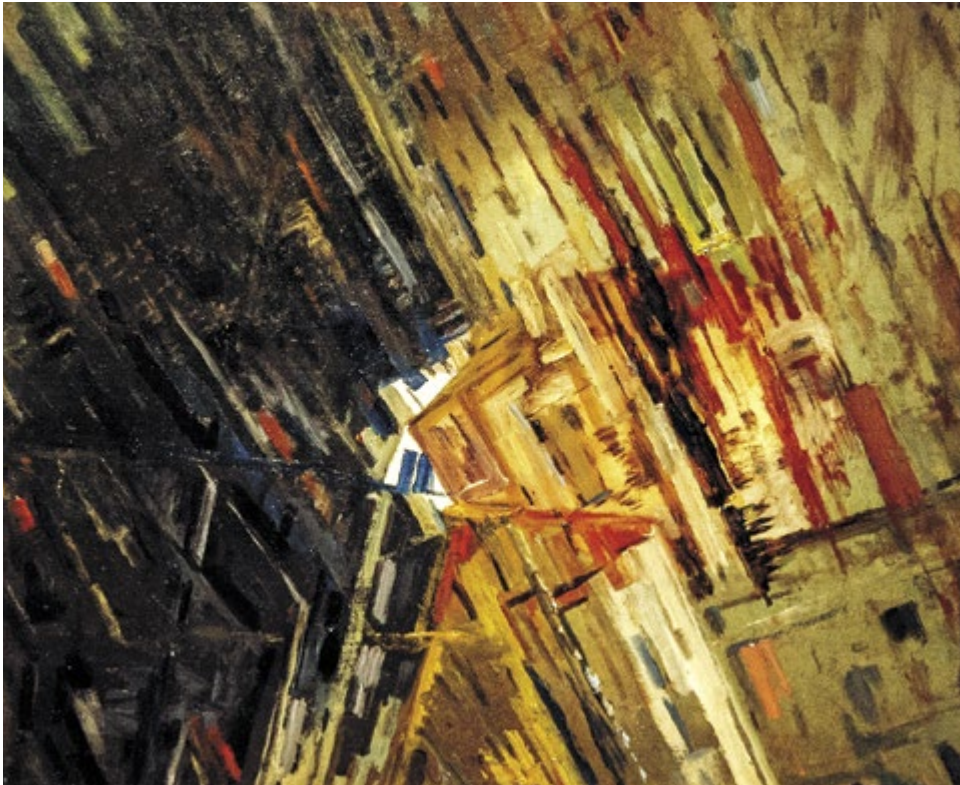
ного, твоего личного чувства и такого редкостного качества, что надо было быть только таким идиотом, как я, и иметь тупое самомнение, не видеть это до сих пор. Ах! Как мне стыдно

и грустно. Талинька, милая, ты столько мне прощала, прости мне мою тупость»...

В Ларионове многие знакомые замечали «детскость», которую сам он понимал так: «Вот мысль,

Деревенские
купальщицы.
1909 год.
Здесь очевидно
влияние
таитянских
работ Гогена
и «голубого
периода»
Пикассо

вернее, задача, которую странно я себе поставил в 7 лет: «не забыть взрослым человеческих ощущений детства». Я видел разницу чувств взрослых и детей, отсюда возникла эта мысль. Но, к сожалению, мои чувства не изменились и я не вижу разницы между прошлым и настоящим в моей личной жизни. Я не потерял связи с детьми, но с взрослыми я ее не могу никак наладить».

ВЕНЕРЫ В МИШЕНИ И ЛУЧИСТАЯ СКУМБРИЯ

В 1910 году состоялась скандальная выставка «Бубновый валет». В ней участвовали Гончарова, Кончаловский, Лентулов, Фальк, Машков. По словам Ларионова, она эпатировала «трусливых обывателей». Именно здесь русская версия идей Сезанна, фовизма и кубизма, скрещенных с народной игрушкой и лубком, критиком Александром Бенуа впервые

Лучистская
композиция.
Город ночью.
1912–1914 годы

Зима. 1912 год.
Из цикла
«Времена года»

была названа «авангардом». Выставка породила общество художников «Бубновый валет», которое Ларионов покинул в 1911-м. А уже в следующем году он вместе с Гончаровой создает свое объединение – «Ослиный хвост». В группу, провозгласившую в пике западничеству «бубновалетовцев» ориентацию на русское искусство, вошли Малевич, Татлин, Шевченко, Шагал...

Ларионов активно занимается графикой, создает литографическую серию открыток, иллюстрации к поэтическим сборникам футуристов Алексея Крученых, Велимира Хлебникова, Константина Большакова.

В 1913 году проходит выставка «Мишень», на которой представлены 152 работы одноименной группы футуристов: детские рисунки и вывески, Гончарова, Малевич, Шагал, Зданевич, Нико Пирсоманашвили. В каталоге вместо предисловия – декларация Ларионова об изобретенном им «лучизме». Вскоре он публикует отдельную брошюру «Лучизм» и манифест «Лучисты и будущники», формулируя теорию нового течения: «Стиль лучистой живописи имеет в виду пространственные формы, возникающие от пересечения отраженных лучей различных предметов. <...> Луч условно изображается на плоскости цветной линией»...

Новатор экспонирует лучистские картины «Петух и курица», «Лучистая скумбрия и колбаса», закладывая начало абстрактного искусства. Кроме того, Ларионов выставляет четыре архаических, подобных пещерной живописи холста «Времена года» и несколько работ из лубочного цикла «Венеры». С нескрываемой иронией создал Ларионов эти женские образы, метафоричные и вместе с тем декоративные, как мешанский ковер на стене. Восторженный Бальмонт прислал ему письмо: «Все, что вы рисуете, прекрасно».

Ларионов находился в постоянном творческом поиске, требовавшем от человека колоссальных усилий, потока экспериментаторских идей, осуществляемых

Венеры – Кацапская
и Еврейская.
1912 год.
Пародийная
серия Ларионова,
созданная
на известный
классический
сюжет...

как будто «на ходу», абсолютной убежденности в собственной правоте... Он смело ломал эстетический канон: «В современном искусстве – прекрасное и уродливое должны получить равные права». И был далек от монументальных форм и «больших» тем, заявляя: «Я люблю интимность». В отличие от многих авангардистов он не задавался целью создать систему, оставить последователей: «Школы и кружковщина – это смерть для искусства». Однако ларионовский неопримитивизм все же указал художникам новый путь, а лучизм, концептуальный и дерзкий, вызвал волну творческих опытов, приведших к понятиям «абстрактность» и «беспредметное искусство»...

Лель. Эскиз костюма к балету «Полуночное солнце» на музыку оперы Н.А. Римского-Корсакова «Снегурочка». Постановка Л. Мясина, М. Ларионова. Премьера состоялась 20 декабря 1915 года в Гранд-театре Женевы

РЕАЛЬНОСТЬ

В 1914 году Ларионов и Гончарова едут в Париж на премьеру оперы «Золотой петушок», к которой Наталья Сергеевна создала декорации. Параллельно в галерее Поля Гийома состоялась совместная выставка работ супругов, принесящая обоим знакомства в среде парижских художников, в том числе с Пикассо. О работах Ларионова благожелательно написал Гийом Аполлинер: «...рафинированное искусство лучизма является наиболее новым выражением современной русской художественной культуры», «Михаил Ларионов принес не только в русскую, но и в европейскую живопись новую утонченность – лучизм».

Первая мировая война вынуждает художников вернуться в Россию. Ларионов призван в армию: поручик отправляется на фронт в Восточную Пруссию. Почти сразу же он был контужен и демобилизован. «Чуть не

без ног, контуженный, лежит дорогой Ларионов» – таким увидел его Маяковский.

Спустя несколько месяцев, проведенных художником в госпитале, Ларионов и Гончарова в 1915 году покидают Россию. В тот момент они еще не подозревали, что навсегда...

По приглашению Сергея Дягилева они присоединяются к антрепризе «Русские балеты», путешествуют с труппой по Швейцарии, Испании, Италии, работают над эскизами декораций и костюмов. Русская революция застает их во Франции, и хотя они живо интересуются событиями в России, не теряя с ней связи, с 1919-го супруги поселяются в Париже. «Жилище на улице Жака Калло было пещерой Али-Бабы для влюбленных в театр. Сокровища захватили всё. Две кровати, стол, комод, несколько стульев с трудом уместались среди этого моря книг, манускриптов, папок с рисунками». Здесь они прожили до конца своих дней.

Оба художника работают у Дягилева, оформляют множество постановок. В представлении Ларионова, балет как вид искусства переживал обновление, становился авангардом художественного движения, а живопись этот импульс уже утратила. Поэтому он с энтузиазмом генерировал и воплощал идеи.

В 1920-х Михаил Федорович становится художественным советником Дягилева, одновременно продолжает заниматься графикой, станковой живописью, участвует в выставках. Однако его экспериментальное искусство не нашло отклика у западной публики, и художник вернулся к предметности, импрессионизму, лубку, натюрморту. Ларионов иллюстрирует поэму

Автопортрет.
Конец 1910-х –
начало 1920-х
годов

Макет книги
М. Ларионова
«История
русского
балета».
1930-е годы

Блока «Двенадцать», вышедшую отдельными изданиями в Париже и Лондоне. На этих листах уже не прежние забавные симпатяги – обленившиеся, безобидные, душевные. Эти – другие. Колючие, лютые, чужие... В ноябре 1922-го в Париже побывал Маяковский, и через год в издательстве «Круг» выходит его поэма «Солнце» с иллюстрациями Ларионова. А в 1929-м скончался Дягилев, и для Ларионова этот удар стал финалом плодотворной театральной жизни...

Если «русский период» насчитывает 38 лет художника, то период неожиданной и затянувшейся эмиграции – 45... И ему, конечно, много что приходилось сравнивать и переоценивать. В 1963-м авангардист признавался в письме художнику Льву Жегину: «Я... всегда был недоволен, считал свои картины незавершенными и не ставил живописи выше другого искусства, а тянуло меня в разные стороны».

Ларионов и Гончарова жили трудно, бедность вынуждала Михаила Федоровича к поиску проектов, по преимуществу в книжной иллюстрации. На склоне лет Ларионов писал мемуары и статьи о русском искусстве.

В дневнике он записал: «Жизнь в углу потолка моей комнаты: пыль, пауки, свертки бумаги, холста. Пила висит – сколько в ней прелести. И вот это не хотелось бы дольше покидать. А рядом – жизнь претворенная: картины... <...> Это не так жалко, как жизнь в углу потолка. И странно – картины и писания останутся, а этот угол, без моего к нему отношения, исчезнет и для других, и для меня, и для себя»...

82-летний Михаил Ларионов лишь на два года пережил свою Талиньку. Он ушел из жизни 10 мая 1964 года в городке Фонтене-о-Роз, что в 10 километрах от Парижа. Успел написать: «Как странно вся французская провинция под Парижем особенно похожа на Тирасполь»... ❶

БАРЫНЯ

АВТОР

**ЕВГЕНИЙ
РЕЗЕПОВ**

ФОТО

**АНДРЕЯ
СЕМАШКО**

«БАРЫНЯ ГОЛОВУ СЛОМАЛА!» ЕСЛИ К НИНЕ ПЕТРОВНЕ БОРНЯКОВОЙ ПРИБЕГАЮТ С ТАКИМ ИЗВЕСТИЕМ, ТО ОНА ПОНИМАЕТ, В ЧЕМ ДЕЛО. СТАРЕЙШАЯ МАСТЕРИЦА ЗНАМЕНИТОЙ ДЫМКОВСКОЙ ИГРУШКИ НЕ РАЗ ВЫСЛУШИВАЛА СЛЕЗНЫЕ МОЛБЫ ОТРЕСТАВРИРОВАТЬ ОЧЕРЕДНУЮ «БАРЫНЮ», ПРОСТОЯВШУЮ НА ЧЬЕЙ-НИБУДЬ ПОЛКЕ НЕ ОДНО ДЕСЯТИЛЕТИЕ.

В КИРОВЕ, БЫВШЕЙ ВЯТКЕ, много мастериц, которые лепят дымковскую игрушку. И если у кого-то фигурка пострадала от падения или выцвела, то на реставрацию они берут только «свою» – ту, которую лепили и расписывали сами. А Нина Петровна берет и чужую. Если она, конечно, того достойна.

ФУКСИН, ЦИЛИНДР И КОЛОКОЛ

За несколько десятилетий краски на старой дымковской игрушке выцветают и осыпаются, так что фигурка теряет свой нарядный вид. Семь-восемь десятилетий назад мастерицы использовали краски, растертые на яичном желтке, вот цвета и не выдерживают испытания временем. К тому же шляпки барынь, зачастую выкрашенные малиновым фуксином, привлекают мух, засиживающих фигурки. Добавьте к этому трещинки и шербинки, образовавшиеся на игрушках после того, как они, к примеру, побывали в детских руках. И хотя Нина Петровна объясняет хозяевам игрушек, что в этих «недостатках» и заключается вся прелесть старой дымковской барыни, молодых это не убеждает. Им блеск подавай!

Как-то Нина Петровна отказалась перекрашивать одну старую-старую барыню, губы, глаза и щеки которой, отмеченные одинаковыми красными точками, давно поблекли. Напрасно она доказывала ее владельцам, что эта незамысловатая глиняная фигурка вылеплена самой Анной Афанасьевной Мезриной – легендарной мастерицей, делавшей дымковскую игрушку еще с конца XIX века! В те времена краски наносились не кисточкой, а палочкой, на которую был намотан кусочек мешковины. Поэтому у куколок тех лет точки, обозначающие щеки, глаза и губы, одинаковы. Мезрина, кстати, не предала глиняную игрушку, когда другие мастерицы слободы Дымково

Лепить игрушку
Любовь
Коробицына
начала
с лошадки

Старейшая
дымковская
мастерица,
Зинаида
Федоровна
Безденежных
(в центре),
с подругами
по промыслу

перешли на изготовление гипсовых барынь. Фигурки, сделанные Мезриной, благодаря которой традиция дымковского промысла не прервалась, участвовали во Всероссийских выставках-ярмарках в Нижнем Новгороде, в Москве и даже на Всемирной выставке в Париже. Но что для нынешних владельцев «мезринской» барыни аргументы Нины Петровны? Напрасно она доказывала, что следы пальцев мастериц на старой глиняной игрушке – это достоинство. И ее отказ реставрировать старую фигурку не помог. Хозяева отнесли «мезринскую» барыню другой мастерице. Не посчитались с мнением Борняковой, которая, между прочим, может определить автора почти каждой игрушки не только по стилю лепки, но и по раскраске.

К примеру, если окажется в руках Нины Петровны чрезмерно пышная барыня в платье с широкими рукавами, скупко раскрашенная неяркими красками, то она скажет, что делала ее, скорее всего, Екатерина Иосифовна Косс-Деньшина. Муж ее, вятский художник Алексей Деньшин, с 1910-х годов зарисовывал дымковские игрушки, заполнив изображениями несколько больших альбомов. Он же материально и морально поддерживал Анну Мезрину, даже организовывал выставки ее игрушек. Это он в 1920–1930-е годы уговорил мастериц в Дымково вновь заняться старинным промыслом. Когда Мезрина стала плохо видеть, то Деньшин скупал у нее обожженные и побеленные игрушки и отдавал их раскрашивать своей жене. Привез он Екатерину Иосифовну в Вятку из Петрограда. Под влиянием мужа она и увлеклась дымковской игрушкой. Конечно, ее барыни сильно отличались от творений местных мастериц – обычных деревенских жительниц. Ну а как иначе? Дымковские ходили все больше в платочках и калошах, а Косс-Деньшина носила кружевные воротники и разгуливала с крошечным терьером под мышкой. Занималась она «дымкой» в городской квартире.

А Пенкина, Безденежных, Коновалова, Кошкина лепили своих барынь в перерывах между работой на огороде и в хлеву...

Если принесут Нине Петровне маленькую барыню в юбке, расписанной кружочками и лишенной оборок, она и тогда назовет автора. Елизавета Андреевна Смирнова позаимствовала этот стиль у своей наставницы – Ольги Ивановны Коноваловой, которая, между прочим, была дочерью легендарной Мезриной. По просьбе Союза художников Кировской области Ольга Ивановна в 1955 году выучила трех молодых мастериц: Елизавету Андреевну Смирнову, Зою Ивановну Казанкову и Анну Васильевну Кузьминых. Когда Коновалову стало подводить зрение, она разрешила своим ученицам лепить и раскрашивать барынь в ее стиле и ставить на игрушках ее имя. И теперь лишь Борнякова способна отличить настоящих «коноваловских» дам от тех, которые были сделаны ученицами Ольги Ивановны.

– Но кому эти тонкости сегодня нужны? – сетует Нина Петровна. – Вот недавно потребовала я от своей ученицы сделать барыне нормальную юбку, потому что вылепила она ее «цилиндром»! А нормальная дымковская юбка должна быть «колоколом»!

КРАСОТА В ПРОСТОТЕ

Нина Петровна показывает дымковскую барыню-водоноску. Вылепленная из глины, обожженная в печи и побеленная, игрушка вообще не раскрашена. Такой и попала в руки Нине Петровне. На юбке у барыни оборки и завитушки, на кокошнике – бантики.

Вылеплена была эта барыня из дымковской глины лет пятьдесят назад Зоей Васильевной Пенкиной. Сама она игрушки только лепила, а расписывала их ее дочь – Вера. И сегодня эта белоснежная барыня стоит на рабочем столе Нины Петровны как образец лепки дымковской игрушки.

Мастерица Анна Лалетина давала уроки лепки «дымки» всем знаменитым гостям Вятской земли

– Пенкина фантазерка была, – вспоминает Нина Петровна, – а вот юбка у ее барынь всегда была «колоколом». Потому что это в дымковской традиции! По сравнению с современными барынями она вроде бы простовата. Мы, когда молодые пришли учиться, то считали, что сами лучше слепим. Смеялись над этими простыми барынями: детский лепет какой-то! А сейчас поняли, что нам еще тянуться и тянуться за этой простотой! Вся красота в простоте!

С Пенкиной Нина Петровна познакомилась в 1958 году. Тогда кировский Дом художника

впервые объявил набор на курс мастериц дымковской игрушки. Пенкину звали провести экзамен. От кандидатки в ученицы Нины Борняковой она потребовала повторить вылепленных барыню, лошадку и свистульку. Нине помогли детские навыки: в деревне она часто лепила зверушек из глины для своих братьев и сестер.

Когда в 1957 году вышло постановление правительства РСФСР о народных промыслах, председатель Союза художников Кировской области Михаил Кошкин собрал оставшихся мастериц из Дымково и уговорил их

Художник Алексей Иванович Деньшин в гостях у старейших мастериц, Елизаветы Александровны Кошкиной и Елизаветы Ивановны Пенкиной, в Дымково

Чтобы вылепить из глины такую веселую компанию, руки надо держать мокрыми

своего брата. Промысел у них был делом семейным. Хозяйство вели одно, а только что вылепленных из глины барынь друг от друга прятали под покрывалами. Рассматривать свои изделия Безденежных не позволяла и Нине: опасалась, что ученица скопирует ее барынь. Кстати, Зинаида Федоровна числилась в худсовете, который принимал игрушки учениц. И если ей казалось, что та или иная фигурка Нины скопирована с ее игрушки, то она немедленно требовала ее разбить. Объясняла свое требование необходимостью сохранения разнообразия в дымковской игрушке, в которой ценится уникальность и неповторимость каждой работы... Сегодня за консультацией к Нине Петровне обращаются музеи и частные коллекционеры. Да, Борнякова может определить автора, время изготовления и даже сказать, из дымковской ли глины изготовлена игрушка. И только в одном случае Нина Петровна пасует: она не может различить авторов игрушек, сделанных в последние десять-пятнадцать лет. Они так похожи, что закрадываются сомнения: а дымковская ли это игрушка?

«СОЧНАЯ» ЛЕПКА

О том же говорит и другая мастерица – Анна Лалетина. Каждая игрушка, по ее мнению, должна нести какой-то отпечаток автора, след его почерка. А когда фигурка выглаживается, в угоду заказчику делается аккуратной, значит, мастерица отклоняется от традиции. Увы, такое происходит довольно часто. Началась эта печальная тенденция еще в 90-е годы. Тогда по прихоти покупателей мастерицы лепили барынь в «мерсах», на снегоходах, с мобильным телефоном. Какая ж это дымковская игрушка? Рассказывает Анна все это, пока мы добираемся до Спасской улицы города Кирова, на которой установлена скульптурная группа «Место встречи», изображающая свидание дамы с ка-

передать свое мастерство молодежи, чтобы промысел не пропал. Но мастерицы брали учениц неохотно, поскольку считали их конкурентками. «Вот глина, вот в печке обжигаем, и все», – больше не удавалось из них ничего вытянуть. В свой первый визит на родину дымковской барыни Борнякова отправилась к Пенкиной. А та ее даже в дом не пустила. Девушка попросила показать, откуда мастерица берет глину. Пенкина лишь махнула рукой вдоль берега реки. Накопала Нина с подругами глины, а все игрушки при обжиге в печи разорва-

ло. Плохая глина! Нина Пенкиной пожаловалась, а та что-то про песочек сказала, который надо бы добавлять – и больше ничего... Когда в руки Нины Петровны попадает барыня, сделанная Зинаидой Федоровной Безденежных, то Борнякова сразу вспоминает скрытный характер этой мастерицы. Барыни Безденежных покрупнее, чем другие. Это она первая нарисовала губки сердечком, а не точкой. Безденежных доживала свой век в слободе Дымково в одном доме с другой мастерицей – Евдокией Захаровной Кошкиной, женой

валером. Бронзовые герои выполнены в стиле дымковских игрушек. Со скульптором Людмилой Леденцовой мастерица Анна Лалетина обсуждала каждую деталь – вплоть до пуговиц и оборок на костюмах фигур. Анна понимала, что коллеги будут внимательно рассматривать группу и придирается к каждой детали. Их не будет волновать разница между народным промыслом и монументальной скульптурой. «Но они отнеслись благосклонно», – говорит Лалетина, показывая скульптурную композицию, сделанную по ее эскизам.

Кстати, Лалетины – это тоже знаменитая фамилия в дымковском промысле. У известной мастерицы Анны Мезриной была родная сестра – Мария Афанасьевна. Она недолго занималась игрушкой, забросила ее, когда вышла замуж и стала Лалетиной.

– Лалетина – это моя девичья фамилия, – рассказывает Анна. – Кем наша семья приходится сестре Мезриной, я не знаю. Однофамильцы или родственники? Это надо в архивах копать. Но я свою девичью фамилию в замужестве специально оставила, когда связала жизнь с «дымкой». Когда была девчонкой, то не могла представить, что буду заниматься дымковской игрушкой. Тогда она казалась мне какой-то аляповатой, немодной.

Анна родилась в семье медиков, собиралась поступать в медицинский институт. А потом случай свел ее с «дымкой». В 1970–1980-е годы в Кирове жизнь мастерицы дымковской игрушки казалась заманчивой. Они много зарабатывали. Для них выстроили прекрасные, светлые мастерские. Они ездили за рубеж, а к ним в гости приезжали известные на всю страну люди. Попав в пятерку выбранных для обучения, Анна училась девять месяцев, но на то, чтобы постичь все тонкости промысла, ушли годы. У своей наставницы Лидии Сергеевны Фалалеевой она научилась работать

Романтическая скульптура «Место встречи» выполнена в дымковском стиле

Юбку барыни раскрашивает мастерица Раиса Колчанова

с глиной, смешивать краски, изучила огромный ассортимент дымковской игрушки – вплоть до редких львов и сорок.

Кстати, сама Фалалеева пришла в промысел в 1958 году, одновременно с Ниной Петровной Борняковой, вместе с которой не раз ездила копать глину в Дымково. Обучалась Лидия Сергеевна у Косс-Деньшиной.

Та к молодым мастерицам тоже относилась ревностно, на советы скупилась. Когда ученицы бывали у нее дома, то дверь в комнату, где хранились дымковские игрушки, собранные мужем еще до войны, закрывала. Но кое-что Лидия Сергеевна у нее увидела. Екатерина Иосифовна выставки своих барынь проводила в Москве. Так местный Союз художников отрядил Фалалееву поехать в столицу, чтобы рассмотреть барынь и зарисовать. После этого Екатерина Иосифовна со своей ученицей перестала здороваться и на порог дома не пускала.

А вот Лидия Сергеевна так со своей ученицей себя не вела. Учила брать за образец те игрушки, которые зарисовывал и собирал Деньшин. Приводила Анну в местный музей и усаживала с альбомом в кабинете со старыми дымковскими игрушками. Анна рисовала и запоминала. Раньше игрушка была небольшая. Барыня высотой 18 сантиметров считалась уже крупной. У Фалалеевой Анна уяснила, что дымковская игрушка – это тяжелый физический труд и руки по локоть в глине. А признанным мастером «сочной», как тут говорят, лепки в Кирове всегда считалась Нина Петровна Борнякова.

вает дверцы шкафов и снимает покрывала, то глаза разбегаются! На полках застыли компании барынь, кормилиц, водносок, цыган, гусар, петухов, павлинов, индюков, скоморохов на баранах, цирковых козликов в нарядных панталонах... Петух – розовый, конь – оранжевый. А барыни! Барыни одна франтоватей другой! Та с кавалером под руку, с зонтиком или с собачкой, другая – в шляпке и с веером.

Перед Любовью Николаевной Коробицыной стоит позолоченная широкая фарфоровая ваза – в ней вода для смачивания глины. В чаше с символикой Олимпиады-80 моются кисти, которые потом ставятся в деревянную старинную кружку, украшенную тройкой вятских лошадей и бабами с коромыслами. В мастерской много желтого цвета – куски поролона, глина, охра. «Желтый цвет – это дымковский цвет, – улыбается мастерица. – Ну что? Поднялось настроение, когда к нам вошли? Все, кто к нам заглядывает – приходят в восторг. Говорят: счастливые вы! В красоте живете и в игрушки играете».

То же самое приключилось когда-то с ее отцом. Он работал маляром в здании, где находилась мастерская дымковской игрушки художественного фонда Союза художников Кировской области. Отцу Любы захотелось и свою дочь видеть в этой праздничной атмосфере. У той не получилось поступить после школы в ленинградский институт на модельера. В родном Кирове устроилась на электромашиностроительный завод. В тот год набора на обучение дымковскому промыслу не было. Директор мастерских Татьяна Петровна Дунина обошла всех мастериц. Нина Петровна Борнякова сидела в отдельной маленькой каморке в конце коридора. Ей было тогда 34 года, она собиралась вступать в Союз художников, готовила выставку своих игрушек. Ей тоже не было дела до Любы. Но, посмотрев ее школьный альбом с рисунками,

– Приятно смотреть на глину в ее руках, – вздыхает Анна. – Она вам не показывала? Ну, значит, свои секреты по-прежнему бережет! Даже у ее дочери Евгении не получается так лепить. Единственный, кто перенял мастерство «вкусной» лепки у Борняковой, – это Любовь Коробицына.

ИГРАТЬ В ИГРУШКИ

...На стенах – картины, подоконники уставлены цветами. В шкафах – спрятанные от постороннего глаза игрушки. А те, что стоят на столах, прикрыты тканью, так что и не угадаешь, барыни там, петухи или лошадки. Но когда Любовь Николаевна Коробицына откры-

За росписью лошадки
Наталья Чухлова

Из этого набора красок и рождаются цвета дымковской игрушки

отметила в нем зарисовки девушек в русских сарафанах. Аккуратность работы карандашом Нине Петровне тоже понравилась. Велела девушке прийти, захватив с собой фартук и чистые тряпочки, чтобы оттирать руки от глины. Слепила Люба вслед за Борняковой петушка и гуся. Мастерница посмотрела на ее работу, подумала и взяла в ученицы. Девушка работала на заводе во вторую смену. А первую половину дня просиживала рядом с мастерницей. За месяц научилась разных птичек лепить. А потом перешла на барынь. Ни одной сделанной своей ученицей игрушки Борнякова не забраковала.

– У меня руки дрожали, – вспоминает Любовь, готовя глину к работе на деревянной доске, – когда я первый раз подседа к Борняковой. У Нины Петровны руки ходят по глине как по маслу. А у меня руки как грабли. После первого урока поразилась: у нее руки чистые, а у меня – по локоть испачканы!

Через три месяца обучения девушку оформили в коллектив с записью в трудовой книжке. Пересадили Любу в большой зал, к другим коллегам, большинство из которых были внучками известных дымковских мастериц. Рядом с Любой, например, работала Елена Безденежных, внучка той самой Зинаиды Федоровны, которая от Борняковой барынь прятала. И с тех пор, с 1975 года, Коробицына, можно сказать, с этого места по сию пору и не сходила. Не один килограмм глины перемесила и съела. Причем в прямом смысле. Борнякова была лучшей в промысле мастерицей по глиняным свистулькам. И Любе, как ее ученице, давали на них большой план. А глиняную игрушку, чтобы она свистела, надо проткнуть и дунуть в нее для проверки, пока она сырая. «А вот Борнякова даже не проверяла, они у нее всегда свистели, – вспоминает Любовь Николаевна и говорит соседкам по мастерской: – Чего смеетесь? Сами, что ли, глины не наглотались?» Подру-

Хотя орнамент повторяется, одинаковой игрушки в «дымке» нет

ги Коробицыной – мастерицы Любовь Втюрина, Наталья Чухлова и Раиса Колчанова – в ответ только хохочут.

По их словам, Любовь Николаевна, верная ученица Борняковой, тоже не любит, когда смотрят, как она лепит. И даже после того, как снимут ее лепку для телевидения, готовую барыню обязательно ломает, как ее ни уговаривают оставить игрушку.

Анна Лалетина, вздыхая, завидует скорости рук Коробицыной. Объясняет, что сейчас используется глина не из слободы Дымково, а из села Просницы. Это раньше мастерицы сами грузили накопанный материал лопатами в кузов машины. Хранилась глина в подвалах в боч-

ках. Ее разливали как кисель на гипсовые плиты, и мастерицы вырезали себе нужные куски, сворачивали рулонами и уносили в мастерскую. Сейчас материал привозят в пленочной упаковке. Потому современная игрушка стала более хрупкая.

...Любовь Коробицына запустила руки в коричневый шмат глины. Если б не запах сырой земли, то можно было бы подумать, что работает она с шоколадом. Недавно на конференции воспитателей детских садов, где она давала мастер-класс по «дымке», удивились тому, как глина в ее пальцах так аппетитно переливается. Что она в нее добавляет? «Подсолнечное масло! – пошутила Коробицына и тут же поправились: – Шучу! Просто она в моих руках так смотрится!» Смотрится глина в руках мастерицы действительно аппетитно.

– Глина не терпит долгого общения. Руки человеческие горячие. От их тепла глина сохнет, – объясняет Анна. – Глядите, как быстро растет «колокол» юбки – это самый сложный элемент! Коллеги, бросив дела, наблюдают, как Любовь Николаевна работает над юбкой новой барыни. Видели они это много раз, но видно, что и сейчас любят. «С Любой очень тяжело рядом работать, – переговарива-

Дымковская игрушка «Нянька с детьми» также считается барыней

ются они между собой. – Она быстро лепит. Не успеваешь за ней. Жалко, нет учениц у таких мастеров!» Коробицына уже слепила из глины «колокол» и аккуратно обстукивает его лопаточкой. Этим же инструментом она обрабатывает спинку барыни. Лопатка – старенькая, сделана была еще в 1975 году. От трудов она даже слегка

согнулась, но мастерица не меняет на новую. С ней она слепила все свои знаменитые игрушки. А главные из них – конечно же, барыни! Каких только барынь она не лепила! И водоноска, и барынь с детьми, и барынь с кулечками, и барынь с караваем... Свежеиспеченную барыню-хлебосольницу мастерица осматривает со всех сторон и объясняет,

Ввести в многообразие дымковских типажей цыганские образы придумала Любовь Коробицына

чем она отличается от барынь ее коллег. «Колокол» юбки плавно переходит в стан. Оборки на юбке плавные, плечики у барыни не широкие, сама барыня – кокетливая. А шляпка у нее витиеватая. И надета набок. Эта барыня с претензий на столичный шик. Только что слепленную барыню надо высушить, побелить, обжечь, раскрасить и покрыть сусальным золотом. «Хороша? – спрашивает Любовь Николаевна своих подруг. – Ну, на кого эта барыня похожа?» Вопрос не случайный: говорят, дымковские мастерицы, сами того не желая, лепят барынь, похожих на них самих. Подруги хором отвечают, что игрушка – вылитая учительница Любы, Нина Петровна Борнякова. Которая, между прочим, уже шестьдесят лет работает в промысле. И никто, кроме нее, не может претендовать на звание живого воплощения настоящей дымковской барыни. ■

Мастериц (слева направо) Наталью Чухлову, Любовь Втюрина, Раису Колчанову, Любовь Коробицыну и Анну Лалетину объединяет любовь к дымковской игрушке

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАЧЕС

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ИНОГДА, В САМОМ НАЧАЛЕ УРОКА В ДЕСЯТОМ «Б», ПОЯВЛЯЛАСЬ С ЗАДНЕЙ ПАРТЫ В ЛЕВОМ РЯДУ ВЫСОКО ПОДНЯТАЯ РУКА. Я КОРОТКО КИВАЛ РУКЕ ОТ ДОСКИ, И ЖЕНЯ БАКОВ, ЛЮБИМЕЦ И ЛИДЕР КЛАССА, СТЕПЕННО И ЛУКАВО ОДНОВРЕМЕННО ЗАТЯГИВАЛ ПРИВЫЧНОЕ: «А ЧТО, ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, НЕ ПОВТОРИТЬ ЛИ НАМ И НЕПРЕМЕННО ПОД ЗАПИСЬ ОСНОВНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА СОЦИАЛИЗМА ПЕРЕД КАПИТАЛИЗМОМ? ВСЕ ЖЕ ВАЖНЫЙ ВОПРОС, ВДРУГ КТО-ТО ПОДЗАБЫЛ... А ВЕДЬ СКОРО ЭКЗАМЕНЫ... БИЛЕТ №9».

Я ЗНАЛ, ЧТО СЛЕДОМ у них важная контрольная по химии, подводящая итог четверти. И что им совсем не до истории с обществоведением, потому что химичка строга и точна как таблица Менделеева. У химички спуску не жди! И что им надо еще разок полистать про органику, неорганику, галогены, пропаны, бутаны – про всю эту загадочную «химию и жизнь». И поэтому я шел навстречу. И дежурный раздавал классу блестящие тоненькие книжечки желтого цвета. В книжечках о преимуществах социализма рапортовалось коротко и ясно – по пунктам. Книжечки, аккурат 40 штук, стояли в шкафу и достались мне от предыдущего учителя истории. Он неплохо заполнил класс методической литературой. Важная вещь, между прочим, при проверке из РОНО. Класс сидел и работал тихо, я мог перевести дух после четырех первых уроков, поберечь горло и подумать, как выстроить шестой урок в восьмом «В», который явится ко мне после физкультуры. Восьмой «В» отличался непредсказуемостью. Так... Что там у нас в восьмом? Славянофилы и

западники. Пути развития России. Хорошая тема... особенно после прыжков через коня.

Шел 1988/89 учебный год. Перестройка в стране набирала обороты. Кругом ускорялись и упивались гласностью. Михаил Сергеевич Горбачев открыл социализм с человеческим лицом. В школу посыпались новые, передовые и самые свежие инструкции о том, как правильно жить и работать дальше. Требовалось, например, глубоко развивать и широко поощрять школьную и внешкольную демократию. Наша математичка с достоинством заявила на педсовете: «Как хорошо, что у меня сейчас по программе десятичные дроби. С дробями они ничего не сделают». И сочувственно посмотрела в мою сторону. Я благодарно кивнул ей в ответ. Ангелина Сергеевна преподавала алгебру и геометрию в школе с 1951 года... Она и не такое видела.

На окраинах еще неуверенно работали, но в центре многим работать было некогда. Говорили и слушали, слушали и гово-

рили... О чем? Об углублении процесса демократизации, о гуманизме и о том, что «так жить нельзя».

Слушать и молчать – занятие довольно сложное. Поэтому хватало всякого крика и разногласий. Желających покричать на всю ивановскую в нашей стране многовато. Об этом и писатель Максим Горький неоднократно докладывал. У него каждый босяк на любую тему говорит длинно и нудно. И разбирается буквально во всем!

Бард Олег Митяев, переехавший из Челябинска в Москву, подметил особенность тех дней одной песенной строкой: «На перекрестках полно народу, а между прочим – рабочий день».

Газета «Московские новости» стала до того популярной и боевой, что ответственный секретарь издания солнечным январским утром вышел на работу в кальсонах. Он спешил на летучку.

Кальсоны были – мелкая, но существенная деталь – лилового цвета.

Лишь у метро ответсек опомнился и зашагал домой – надеть брюки. В тот же день он подал заявление об отставке. Как умный человек, ответсек понял, что очумел от перестроечного кипения и превратился из чело- века в рупор. Немудрено. У стен редакции митинговали и днем, и ночью. При любой погоде. Свежий номер расхватывался и переходил из рук в руки...

Пушкин на своем пьедестале был невозмутим. А вот у его ног исправно волновались.

Какие-то невнятные марши ходили по городу туда-сюда и, встречаясь на площадях, невнятно митинговали и хвастались друг перед другом самодельными знаменами и плакатами. У одних было: «Партия – дай порулить!» У других: «За Русь

святую!» Милиция на лозунги смотрела косо, но старалась не вмешиваться. Милиции хватало забот у продовольственных магазинов, где товаров почему-то становилось все меньше, а очередей все больше.

Люди тех дней делились на две категории. Большинство – хмурые и усталые. Меньшинство – радостно-очумелые и с транзистором около уха. Эти слушали прямые включения. Съезд народных депутатов! На съезде шумели как в арбатской пивной.

Я лично наблюдал все эти московские картиночки раз в неделю – по четвергам. В законный методический день. Углубиться (М.С. Горбачев призывал здесь

ставить ударение на втором «у») времени не было.

Все-таки 30 часов истории в неделю. Выпускные классы. Школьный театр. Классное руководство. Выезд в Краснодарский край на сбор яблок – 50 дней, и у меня 50 детей разного возраста. И я за них за всех – отвечаю.

Я осваивал профессию учителя. И эта профессия, не исключено, спасла меня от участия в политической борьбе. От всего этого звона, названного перестройкой. От чепухи, за которую потом непременно бывает стыдно.

Хотя участие в политической жизни – это вряд ли... Политику в нашей семье никогда не

считали серьезным делом. Ну, или – делом не своим. Газеты мы выписывали. Радио слушали. Программу «Время» смотрели в основном из-за прогноза погоды. Политических разговоров дома я что-то не припомню. В те перестроечные лета отец своими руками, при моей неохотной и неумелой помощи, по выходным и в отпуске, достраивал на старенькой даче второй этаж. Маленькую неотапливаемую мансарду. Он спешил, словно чувствуя, что времени ему остается совсем немного и что до развала большой страны ему – не дожить. Он вставал рано и работал до сумерек. Отец любил и знал плотницкое мастерство сызмальства.

КОТЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

Большая светлая терраса получилась внизу. На второй этаж вела широкая удобная лестница. Одна комната – жилая, с большим окном. Вторая – чулан. Отец успел провести электричество, и мы так и живем в той мансарде каждое лето. Я лишь потолок фанерный навесил и пол когда-то давно выкрасил в темный красно-коричневый цвет.

К политике у нас – отношение ироническое, даже насмешливое.

Вот отец приходит из парикмахерской, а мне лет десять, и я всем сразу очень интересуюсь:

– Пап, а как твоя прическа называется? Вот у меня – «полубокс»!

– Прическа-то? Прическа называется – «политический зачес».

– А сколько стоит этот «зачес»?

– Стоит? 50 копеек.

– А мой «полубокс» – 15!

И мы почему-то оба смеемся, и этот политический зачес запоминается мне на всю жизнь.

А мамины мысли политического свойства – неожиданны и оригинальны. А звучат как разговор.

– Все у нас что-то хотят получить от государства. То ему дай, это дай. А что ты сам-то для государства нашего сделал? Да и в силах ли сделать? Кругом недотепы, лодыри и невежды. Сидят на разных постах. Командуют. А дела своего и не знают. Бескультуры и безответствен-

ность – вот наши главные враги. На всех уровнях, снизу доверху. А языком молоть – у нас все мастера. Чем меньше знают, тем больше говорят. Правильно народ сложил: языком молоть – не мешки ворочать.

Тезисы эти я слышал много раз, в разных обстоятельствах, по разному поводу, с раннего детства. И очень твердо себе решил – буду стараться жить от государства подальше. Я сам по себе, государство – тем более.

...Вспомнилось, как знакомый учитель физкультуры со стажем рассказывал:

– У меня жена – эстонка. Но живем здесь, в Москве. Она в ЦК комсомола республики прежде

работала. Теперь вот возраст подходит, думаем две пенсии попросить. Одну ей в Эстонии начислят, а другую – она выпросит здесь... Два мира – две пенсии. А? Здорово придумали? Хотя что-то от нашего государства зацапаем... Если получится.

– И не стыдно? – спрашиваю, наперед зная ответ.

– Ни капельки! – гордо отвечает ветеран отечественного учительства, женатый на экс-комсомолке Эстонии. Это его четвертый успешный брак. По политическим взглядам – либерал. Или демократ. Словом, он за свободу.

...Вопрос отношения к государству и власти был нами вчерне решен в студенческие годы, в самом начале восьмидесятых. А значит, до кончины Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

Решен не только на семинарах и лекциях исторического факультета МПГУ имени В.И. Ленина. Не только с помощью книг, прочитанных в Исторической государственной библиотеке.

Скорее, решался он в медленных, многолетних, само собой возникающих разговорах в небольшой комнатке – в студенческом общежитии на проспекте Вернадского.

Нас человек семь. Четыре бутылки водки. Крепкий чай в пол-литровой кружке. Чайник. Папиросы и квашеная капуста. Соленые огурцы и килька в томате. Стол, покрытый вчерашней газетой. Гитара. Магнитофон. Высоцкий: «Всё не так, ребята...»

Накурено, дымно. Зато – все свои.

Что же в конце концов сформулировал самый умный из нас к пятому курсу?

Да вот с этими примерно тезисами мы все согласились...

– Государство – страшная сила. Власть – тем более. То и другое – объективно. Иначе – хаос, темнота, анархия, разрушение. Иными словами, государство и власть – неизбежное зло, но без этого зла наступит еще бо-

лее плохое. Демократия? Даже афинская демократия выросла на горбах рабов. Что уж про нынешние демократии говорить. Миф.

Какова должна быть позиция честного человека?

Государству – служить, во власть – не соваться.

Первое – необходимо. Второе – стыдно.

А что запомнить про нас, про Россию?

Про Россию все главное сказал Пушкин – про бунт бессмысленный и беспощадный...

В России – и тогда, и теперь, и всегда – все зависит от власти. От ее качества. И количества. Уж больно огромна, велика – Россия. И не Азия мы, и не Европа. ...Нам тогда чуть более двадцати. Философы. Диалектики. И... романтики прежде всего.

Тишина в классе. Образцовая тишина...

Что там думал писатель Юрий Бондарев о перестройке? Вот, у меня закладочка заложена... Стенографический отчет 19-й Всесоюзной конференции КПСС. Выступление 29 июня 1988 года.

«Можно ли сравнить нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка?»

Да, верно подмечено. Очень похоже, что не только про посадочную площадку не знают, но и в пункте назначения сомневаются...

Я открыл свежий номер журнала «Новый мир». Миллионный тираж. Цена – 1 рубль 20 копеек.

Что там глаголят наши передовые умы? Ну вот, к примеру, от доктора философских наук самым мелким шрифтом на страничке 262: «Теоретическая марксистская мысль занята сегодня принципиальным различием сущности социалистического строя (или, как иногда говорят, природы социализма) и той исторической формы, которая, крайне деформировав эту природу, сложилась в СССР в 30-е годы».

Да... Недурственно закручено.

Любопытно, чем эта самая марксистская мысль займется завтра? Послезавтра?

Дребезжит школьный звонок. Прерывает мои «воспоминания и размышления». Пятый урок закончился без происшествий и без оценок. Дежурный по классу собирает спасительные желтенькие книжечки и аккуратно расставляет в шкафу. До следующего раза?

Женя Баков чуть медлит возле учительского стола:

– Павел Александрович, разрешите вопрос...

– Пожалуйста.

Женя оглядывается. Говорит конспиративным шепотком:

– А вы сами-то в преимущества социализма верите?

– Честно?

– Ну да...

– Верю, Женя. Верю.

– А я, если честно, как-то вот сомневаюсь... Мне тут принесли книжку Солженицына. Изданную там... А преимущества капитализма имеются?

– Конечно, имеются, а как же...

– Вот бы соединить преимущества капитализма с преимуществами социализма...

– Да, Женя, это было бы неплохо...

– Только я сомневаюсь...

– Сомнение – хороший путь к истине. Мы еще поговорим с тобой об этом. А сейчас тебе пора на химию. И кстати... Ты тут говорил о Солженицыне... Прочти-ка Варлама Шаламова, Женя.

– Рекомендуете?

– Рекомендую.

И Женя, кивнув на прощание, степенно, не торопясь, идет к двери, легко раздвигая рукой многоголосый восьмой «Б». «Бэшки» готовы ворваться в класс на манер карфагенской конницы.

Что там у них сегодня? Ах да... Западники и славянофилы. Герцен, Белинский, Аксаков и Хомяков... Пути развития крепостнической России.

Так... Надо бы перекурить перед шестым уроком. ■

ЛАБИРИНТ ВЫБОРГА

АВТОР

**ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАНОВ**

ФОТО

**АНДРЕЯ
СЕМАШКО**

ЕСЛИ БЫ ЧАСОВАЯ БАШНЯ
НЕ СТОЯЛА НА РЕКОНСТРУКЦИИ,
ОБЕРНУТАЯ В ПОЛИЭТИЛЕН,
ГОРОДСКИЕ КУРАНТЫ БИЛИ БЫ
ДЕСЯТЬ. В ДЕСЯТЬ Я ВЫХОЖУ
ИЗ КРОШЕЧНОЙ ОДНОКОМНАТНОЙ
СТУДИИ, ЗАТЕРЯВШЕЙСЯ
В ПРОПАХШЕМ ЦЕМЕНТНОЙ
ПЫЛЬЮ ДВОРЕ ДЕВЯТИЭТАЖКИ
НА МОСКОВСКОМ ПРОСПЕКТЕ,
КОТОРУЮ Я СНЯЛ НА ВРЕМЯ
КОМАНДИРОВКИ.

А ВГУСТОВСКИЕ НОЧИ на севере еще светлы. Через десять минут уже курю у подножия бастиона Панцерлакс («Щит залива»), сохранившегося в Выборге с XVII века. А еще через пятнадцать минут – проваливаюсь в век XVI, случайно свернув с Крепостной улицы в какой-то двор. Выныриваю, вижу вензель на металлической решетке балкона – 1799. Ровесник Пушкину. А вот уже и шведский город – собственно Выборгский замок, со времен рыцарей вздымающий стяг с гербом города на башне Святого Олафа. Выборг – сложно-сочиненный город. В нем, как в пространственно-временной головоломке, одна история, одна культура входят в другую, переплетаясь. Так что ничего не стоит, войдя в век XVII или XVIII, вынырнуть через квартал в XIX или даже XX. Напластования культурных слоев и исторических эпох походят на пирог или, вернее, на лабиринт. В этом – очарование Выборга и его загадка...

ДО-ИСТОРИЯ

Карельский перешеек, на котором расположен Выборг, с незапамятных времен, предшествующих основанию города, был местом оживленного товарообмена между Западом и Востоком. Отсюда – по реке Вуоксе в Ладожское озеро – вел окольный торговый путь, который через систему волоков достигал притоков Волги и Днепра и был дублером главных торговых артерий раннего Средневековья – путей «из варяг в греки» и «из варяг в арабы». На территориях, прилежащих к городу, археологами обнаружено немало кладов и погребений, в которых во множестве содержатся куфические дирхамы VII–IX веков, отчеканенные в областях Аббасидского и Сасанидского халифатов, а также в Средней Азии, и раннефеодальные европейские денарии X–XII веков, главным образом из Англии и Германии. В X веке карельское население, проживавшее в этих местах, вошло в тесный контакт

Здание
Объединенного
банка Северных
стран отличается
тяжелое величие

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ТОРГИЛЬСА КНУТССОНА

В 1293 году маршал Швеции и регент шведского короля Биргера Торгильс Кнутссон решил круто изменить ситуацию. Он инициировал крестовый поход – не означенный, впрочем, в анналах Ватикана, но вошедший в шведскую историю как Третий шведский крестовый поход в земли язычников-карел. Территория Выборга была захвачена, карельский острожек и торговые фактории новгородских купцов сожжены, а на самом выгодном месте – острове Воловий (впрочем, по легендам финнов, на острове был похоронен злой колдун, и он считался проклятым. – Прим. авт.) – был выстроен замок, получивший название «Выборг», что в переводе со старонемецкого означает «Святая крепость». Сам Торгильс Кнутссон в Выборге никогда не был, тем не менее именно он считается отцом-основателем города.

Несмотря на то, что сохранившийся и донныне Выборгский замок был построен на острове, новгородцы уже на следующий год после его основания предприняли попытку отбить укрепление. Эти попытки повторялись потом на протяжении всего XIV века. Первый большой поход на Выборг организовал в 1322 году выступивший на стороне Новгорода московский князь Юрий Данилович. Осада Выборга была длительной, но закончилась неудачей и заключением Ореховского мирного договора, по которому вся западная Финляндия вместе с Выборгом оставалась за шведами, а Карелия от реки Сестры – за новгородцами. Но и это мира не принесло. Есть территории, где сплетаются интересы слишком многих сторон. В Выборге причудливо переплелись торговые амбиции шведского королевства, Новгородской республики и ганзейских городов, обладавших собственной армией и военным флотом. В этом переплетении интересов Новгород явно был слабой стороной, но не же-

с Новгородом, который прибрал к рукам всю местную торговлю. Для этого времени характерны серебряные слитки и серебряные шейные гривны из Киева, Чернигова, Новгорода, Литвы и Волжской Булгарии. На территории нынешнего города стоял тогда карельский острожек, укрывавший фактории новгородских купцов. Их жизнь была беспокойной: в X–XII веках территория Карельского перешейка – место ожесточенных споров между Русью, Швецией и Ганзой – торговым союзом немецких городов. Шведы прорывались в Неву, строили тут свои крепости и мечтали о покорении всего Русского Севера. Новгородские дружины разрушали шведские крепости и ставили на их месте свои, а иногда совершали глубокие рейды вглубь территории противника: шведские и новгородские летописи повествуют о взаимном пиратстве, о прорывах шведов на Ладогу, о взятии новгородцами Або (Турку) и сожжении древней шведской столицы, Сигтуны, о средневековой дипломатии и попытках решить вопрос о спорных территориях с помощью династических браков. Так, в 1019 году Ярослав Мудрый же-

нился на дочери шведского короля Ингигерде. Сын Владимира Мономаха великий князь Мстислав I взял в жены внучку шведского короля Стенкиля Христину. Но это не принесло прочного мира. Карельский перешеек был слишком лакомым куском, и со временем конфликты на этой территории возобновились. Одно из столкновений русских со шведами получило в нашей истории название «Невская битва»: в 1240 году молодой князь Александр Ярославич, княживший тогда в Новгороде, разбил войско ярла Биргера, высадившееся на берегах Невы. С тех пор князь Александр и получил прозвище Невский...

Памятник основателю города Торгильсу Кнутссону на площади Старой Ратуши

Трудно преодолеть искушение заглянуть в выборгские дворы

лал с этим примириться: победа Запада в борьбе с Русью ущемляла интересы новгородского купечества. И хотя торговая контора Ганзейского союза существовала в самом Новгороде, слабая сторона не могла и здесь торговать на равных. О чем бы ни шла речь – о меде, пушнине, лесе, смоле, – везде ганзейские купцы требовали «наддачи», своего рода бесплатной доли при завершении сделки. Чтобы восстановить равные права в торге с иноземными купцами, нужно было вернуть себе утраченные политические позиции. Последний поход новгородцев на Выборг датируется 1445 годом, но удачи не принес и он. Через 33 года Новгород при Иване III вошел в состав Великого княжества Московского, и дальнейшие попытки взять Выборг отвечают уже политике Московского государства. На Выборг

Фасад Выборга – это набережные. На первом плане здание ломбарда, знаменитый «бисквитный порт»

ходили войска Ивана III, Иван Грозный вел успешную войну со шведами, его дружины осаждали Выборг, чем принудили шведов вернуться к положениям Ореховского мирного договора, по которому Швеция отказывалась от всех территорий,

лежащих восточнее Выборга. Бесконечные войны прекратились было со славными победами Петра I. Но потребовалось еще целое столетие, чтобы Швеция окончательно отказалась от притязаний силой вернуть себе эти территории...

Пивной погребок в сердце Старого города

Круглая башня (XVI век) была частью городских укреплений, пока в 1930 году не была переоборудована в престижный ресторан

СЛЕДЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Бродить по улицам старого Выборга – настоящее наслаждение. Естественно, сохранившаяся городская застройка относится в основном к XVIII, XIX и даже XX векам, но опытный гид непременно покажет вам жилой и поныне обитаемый дом XVI века, торговую контору купца того же времени, здание бывшего костела Святого Гиацинта у Водной Заставы, башню Ратуши и Круглую башню, которые в XV–XVII веках были частью крепостной стены, опоясывающей разрастающийся город. А также Часовую башню – единственное, что уцелело от бывшего кафедрального собора, места, где до Реформации располагались монастыри «черных братьев» – доминиканцев и «серых братьев» – францисканцев, от которых в наследство городу остался знаменитый выборгский крендель. По легенде, секрет его изготовления францисканцы узнали от одного рыцаря-тамплиера, спасенного ими после кораблекрушения. Завиток внутри кренделя символизирует руки монаха, сложенные в усердной молитве. И хотя сегодняшние выборгские крендели выпекаются из бездрожжевого теста, рецепт изготовления настоящих выборг-

ских кренделей не утрачен: они выпекались на золе и были из дрожжевого теста, в которое добавлялись пряности.

Средневековый Выборг быстро разрастался: уже в документах 1387 года он называется городом, хотя официально звание

Неоготика – одно из архитектурных предпочтений Выборга XIX столетия

города было даровано Выборгу шведским королем Эриком XIII в 1403 году. Тогда же город получил статус «Королевской гавани». В 1527 году Выборгу были даны привилегии «стапельного города», позволяющие принимать иностранные суда и вести с ними торговлю. Это был период наибольшего сближения Швеции с Ганзой, так что XVI столетие не случайно называется в истории города «ганзейским периодом». В Выборг потянулись переселенцы из Бремена, Любека, Гамбурга, Магдебурга. До трети населения составляли немцы. В городе стали преобладать немецкие нравы. Пиво лилось рекой. Один такой пивной погребок, Антония Борхарда, сохранился с XVII века до наших дней. «У Борхарда» можно попробовать прекрасный выборгский эль.

Замок жил своей жизнью. Здесь была резиденция наместников короля – правителей города. Обычно этот пост получали самые образованные люди королевства. При Карле Улафсоне (правил в 1386–1394 и 1396–1399 годах) и Кристере Нильссоне (правил в 1418–1442 годах) замок был местом, где ведущие политические лидеры Северной Европы встречались, спорили, обсуждали условия мирных договоров. Правители Выборгского замка придали резиденции шик, надстроили этажи, открыли рыцарские залы, умело поддерживали блестящую придворную жизнь. Не даром молодежь из знатных шведских семей посылали в Выборг учиться хорошим манерам. Король Густав I прямо говорил, что ни один замок ни в Швеции, ни в Финляндии не может по размаху внутренней жизни сравниться с Выборгом. Однако Реформация, пришедшая из Германии, наложила свою печать на жизнь города и положила конец самостоятельности правителей замка. В 1599 году в Выборг прибыл герцог Карл (будущий король Швеции Карл IX). Он был ярким протестантом, в то время как комендант крепости Арвид Таваст

и его окружение оставались католиками, как и тогдашний шведский король, Сигизмунд III. Герцог Карл принудил замок к сдаче, а католиков казнил у Красного колодца, после чего, как утверждают легенды, он и стал называться «красным» – столько крови в него пролилось. Головы несмирившихся были выстав-

лены на крепостной стене недалеко от Круглой башни. Со временем Красный колодец был засыпан. На его месте стоит сейчас памятник Ленину (Ильич любил Выборг и подолгу жил там в 1906–1907 годах. – Прим. авт.), а площадь, на которой он стоит, как легко догадаться, называется Красной.

Вот это действительно редкость – поныне обитаемый жилой дом постройки XVI века

КНУТ ПОССЕ, «ВЫБОРГСКИЙ ГРОМ» И ПЕТР I

В 1495 году, через пятьдесят лет после последнего похода новгородцев на Выборг, к городу подступила московская рать. Русское войско насчитывало 10 тысяч человек и имело хорошую артиллерию. В выборгском гарнизоне было до 3 тысяч человек: рыцари замка, ополчение из соседней волости и отряд немецких наемников. В общем, для обороны достаточно. Но московский воевода Даниил Щеня так накалил дело, что шведы с ужасом ждали прорыва москвитов за стены. А комендант замка Кнут Поссе писал в письме, что с такими силами ему город, скорее всего, не удержать. Действительно, во время очередного штурма нападавшие овладели башней Святого Андреаса и уже рвались в город, как вдруг над башней возник в небе

А что говорить о зданиях столетней давности! «Гранитный дворец» компании «Хакман и Ко» (1898) смотрится как утес

Андреевский крест. Это так ошеломило русских, решивших, что святой покровитель башни пришел на помощь шведам, что они отступили и через несколько дней сняли осаду. Правда, никто в Выборге не сомневается, что перед этим башня была взорвана. Причем не порохом, а специальным зель-

ем, которое колдун и черно-книжник Кнут Поссе в качестве последнего средства против москвитов сварил из лягушек и серы. Первым о взрыве башни написал в своей «Истории северных народов» Олаус Магнус, и случилось это в 1539 году, через сорок с лишним лет после упомянутых событий. Из совре-

Средневековые видно даже под новой крышей с телевизионными тарелками

менников никто про взрыв не упоминал. Но сегодня вряд ли кого разубедишь в том, что маг и чародей Кнут Поссе взорвал башню. Сама осада Выборга в 1495 году вошла в шведскую и финскую историю как «выборгский гром». Сейчас проводится фестиваль средневековой культуры «Выборгский гром». Так что, как бы там дело ни обстояло в прошлом, в настоящем «Выборгский гром» еще как существует!

Но настоящий «выборгский гром» устроил Петр I. Первый, неудачный штурм Выборга в 1706 году и нападение шведов на Санкт-Петербург в 1708-м побудили царя взяться за дело основательнее, чтобы раз и навсегда решить «выборгскую проблему». К тому времени средневековые укрепления Выборга сменили мощные, будто высеченные из целикового гранита стены и бастионы так называемой Рогатой крепости. Один из этих бастионов, Панцерлакс, сохранился до наших дней и до сих пор поражает своей мощью.

Русская армия начала боевые действия 1 апреля 1710 года. В это время Финский залив еще скован льдом, поэтому пехота шла к Выборгу по льду залива из Кронштадта. Командующий штурмом генерал-адмирал Федор Апраксин не стал торопиться и со всех сторон обложил город батареями. Началась страшная и опустошительная бомбардировка. В начале мая к Выборгу прибыл флот. Для движения во льдах кораблям сделали дополнительную деревянную обшивку, нагрузили их тяжелыми пушками: эти пушки на веревках бросали с бортов, чтобы разбить лед – и таким способом эскадра добралась до Выборга. Чтобы шведский флот не мог прийти на выручку городу, на фарватере было затоплено несколько галер. Вместе с флотом прибыл Петр и подкрепление: 7 тысяч солдат и артиллерия. Появившиеся были шведские корабли, испуганные «великостью» фло-

Единственный в России памятник генерал-адмиралу Федору Апраксину на фоне Выборгского замка

та российского, отступили, так и не доставив Выборгу подмоги. В результате гарнизон крепости вынужден был сдаться. Петр настоял, чтобы шведские солдаты выходили из нее без оружия и знамен: победа должна была быть полной.

По преданию, после взятия Выборга Петр поднялся на башню Святого Олафа в замке, где уже ждали его приготовленные вина, пиво и яства. Он сказал, что отныне Выборг – «крепкая подушка» Санкт-Петербурга. Финальным аккордом стала присяга местных жителей царю, который после торжеств уехал, оставив адмирала Апраксина комендантом города. Долгое время – по крайней мере, до 1721 года, когда был подписан Ништадтский мир с побежденной Швецией, – Выборг оставался на осадном положении.

Город восстанавливали всю первую половину XVIII века. Указом Екатерины I от 1726 года в город велено было беспошлинно ввозить известь, цемент, кирпич и черепицу для «городового и обывательских домов строения». При этом на восстановительные работы было пригнано несколько тысяч русских крестьян. Путевые заметки Карла Рейнхольда Берка рисуют нам картины быта бывшей шведской твердыни: «Из любопытства я спросил людей, с которыми в одном месте имел случай поговорить, как они чувствуют себя под русским правлением. Они пожаловались на свою бедность, но признали, что повинности несут не большие, чем в шведское время, <...> и власти обращаются с ними довольно мягко...» Далее автор пишет о шведских девушках, которые уезжают в Санкт-Петербург, чтобы там, в «блеске столичной жизни», принять православную веру и выйти замуж за какого-нибудь солдата или работника.

Так уж случилось, что XVIII век стал веком русско-шведских войн. Швеция не могла смириться с потерей территорий, которые приращивала столети-

Бастион
Панцерлакс –
последний
остаток
шведской
Рогатой крепости
XVII–XVIII веков

ями. Поэтому две войны – при Елизавете Петровне и при Екатерине II – были продиктованы желанием Швеции вернуть свои финские провинции, с Выборгом, разумеется. И никогда этот результат не достигался. В итоге первой войны шведы потеряли еще территории в Финляндии, в ходе второй – весь флот. Наконец, в последней войне, 1808–1809 годов, пришедшейся уже на царствование Александра I, они потеряли всю Финляндию и свою мечту о Выборге – теперь уже навсегда. После этого Швеция позиционировала себя

как нейтральное государство. Великое княжество Финляндское отошло к России, но жило по своим законам. Здесь были, например, бедные батраки, но не было крепостных. Был свой Сейм, городское самоуправление, право не учить русский язык, если к этому нет желания. Было здесь что-то такое, вольнолюбивое, что даже членов разогнанной I Государственной думы в 1906 году заставило собраться именно в Выборге и подписать здесь знаменитое Выборгское воззвание к народу России...

РАСЦВЕТ ВЫБОРГА

Возможно, первым символом, предвещающим возвращение города к нормальной жизни, стал приезд в Выборг императрицы Екатерины II. В 1772 году, желая посмотреть на одну из диковин своего необъятного царства – водопад Иматра, – она остановилась в доме выборгского купца Йохана Векрота, в котором лет за сорок до визита императрицы проживал мореплаватель и первооткрыватель Витус Беринг. Вторым визит Екатерины в Выборг, в 1783 году, был вызван необходимостью вести дипломатические переговоры со своим двоюродным братом, королем Швеции Густавом III. Кузен оказался несговорчив и через пять лет полез на Россию войной. Но одно важное дело в этот свой приезд Екатерина для Выборга все-таки сделала: она «подарила» городу Николая Львова – гениального архитектора, который сопровождал ее в поездке и спроектировал для города православный Спасо-Пре-

ображенский собор. Сейчас за позднейшими пристройками и колокольней львовский храм распознать нелегко, но изнутри вся геометрия пустот, вся акустика – львовская.

Население тогдашнего Выборга еще сохраняло черты минувшей эпохи: несмотря на гарнизон и купечество с прислугой, русские составляли лишь треть

Православный Спасо-Преображенский собор. Львовская церковь проглядывает из-за колокольни, пристроенной позже

жителей города. Карело-финно-шведская треть состояла из чиновников, мещан, мелких купцов и лавочников. Немцы занимали руководящие должности. Языком документов был немецкий. И первая газета Выборга – *Wiburgs Wochenblatt* – издавалась с 1823 года на немецком языке.

В конце Екатерининской эпохи – после взятия Измаила – в Выборг по предложению графа Потемкина был фактически сослан Александр Суворов, который принял должность начальника гарнизона. Позднее на той же должности оказался и Михаил Кутузов – тогда еще просто исполнительный генерал.

Выборг стал достижим. Выборг стал посещаем. В пушкинское время в гостинице Мотти останавливались Анна Керн, поэт Антон Дельвиг и композитор Михаил Глинка. Имея привычку не спать по ночам, Анна Керн всю ночь просидела у окна гостиницы, слушая плеск волн в заливе да мерные клики ночной пожарной стражи: «Спите, добрые граждане, я вас не бужу!» Город жил еще по порядку, заведенному в Средневековье. А Глинка из этой поездки вывез песню финского возницы, которую превратил потом в арию волшебника Финна в опере «Руслан и Людмила». С Выборгом связано имя гениального военного инженера Эдуарда Тотлебена, прославившегося строительством севастопольских укреплений. Короткое время жил здесь и знаменитый впоследствии художник Николай Рерих, в раннем творчестве которого отчетливы финские мотивы...

XIX век принес Выборгу мир. Почти столетие город жил, не опасаясь войны. Выборг стал вторым по торговому обороту городом российской Финляндии. Становятся на ноги династии выборгских купцов. Самая известная купеческая фамилия в Выборге – Хакманы. Представитель старинного ганзейского рода предпринимателей и судовладельцев Юхан Хакман приехал в Выборг из Бремена в 1777 году. Объеди-

Памятник Микаэлю Агриколе, переводчику Библии на финский язык, на фоне протестантского собора Петра и Павла

ненное предприятие Хакмана и Игнациуса держало в руках половину городского экспорта. Сын Юхана расширил деятельность компании. Благодаря ему кофе стал национальным финским напитком, а к кофе требовался сахар... Ну вот вам и формула бизнеса. А внук Юхана Вильгельм, ставший помимо прочего владельцем металлургических заводов, был первым в семье меценатом: в 1901 году он ссудил деньги композитору Яну Сибелиусу, на которые тот уехал в Италию, где и написал свою Вторую симфонию. В благодарность Вильгельму Ян Сибелиус семь или восемь раз выступал в Выборге.

Нельзя не упомянуть и Юхо Лаллукку: о карьере купца он мечтал с детства, обучаясь премудростям этой профессии у русских купцов Каннина и Карамзина. В 1891 году он перебрался в Выборг, где начал с выпечки кренделей и покупки паровой мельницы, а закончил созданием фирмы «Хякли, Лаллукка и Ко», специализировавшейся на торговле колониальными товарами. Лаллукка тоже был большой меценат. Он фактически создал выборгский театр. Так и говорил: «Мой театр». В то время богатство без меценатства считалось чем-то ненастоящим.

Еще один гений финского народа – Матти Пиетинен, дом, вернее, дворец которого сохранился неподалеку от вокзала. По происхождению Матти – сын бедного торпаря, то есть батрака. Матти не хотел повторить жизнь своего отца: он окончил учительскую семинарию и стал сельским учителем неподалеку от Выборга. В свободное от работы время сам делал мебель. Через десять лет мебель Матти Пиетинена шла на штучный заказ – ее требовал Гельсингфорс (Хельсинки), ее требовал Петербург. Матти оказался гениальным дизайнером.

Разумеется, от прославленных купеческих фамилий старались не отставать и русские купцы – Москвины, Сергеевы, Маркеловы. Все они привнесли в город то скромное обаяние буржуазии, которое так красит Выборг, которое

«Лось» Юсси Мянтюнена в парке-эспланаде

породило и ампир, и суровый северный модерн, и эклектику, в которой нет-нет да и скажется влияние ганзейской архитектуры. Дома купечества не просто украшают город. Они создают его. Со временем облик города очень изменился: в середине

XIX века на месте снесенных валов крепости был устроен парк-эспланада, ставший любимым местом прогулок и отдыха горожан. Из Германии для парка были специально выписаны саженцы белого тополя, амурского бархата, пихты...

А этот трамвайчик финских времен сейчас превращен в кафе

А дальше – начинается эпоха Прогресса, и его чудо-плоды сыплются как из рога изобилия. 1860-й – появляются газовые фонари. 1870-й – железная дорога соединяет Выборг с Санкт-Петербургом и Хельсинки. 1882-й – электрификация и телефонизация. 1893-й – водопровод, 1912-й – трамвайное движение. А потом – бац! – революция. В декабре 1917 года Ленин подписал декрет о независимости Финляндии. И после короткой, но кровопролитной гражданской войны Финляндия ее обретает.

ФИНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Финны владели городом с 1917-го по 1940-й. И потом еще три года во время войны на стороне вермахта. После поражения в 1944-м финны ушли. Осталось наследство. Говорят, особенно тонкое чувство природы составляет основу финского мировоззрения. В этом смысле весь Выборг (который финны называют «Виипури». – Прим. авт.) конца XIX века, словно вынырнувший из финской сказки, является финским наследством. Об этом напоминают медведи, белки, совы и растительные ор-

99 процентов девушек делают селфи. Но 1 процент все же занимается живописью

Библиотека Алвара Аалто построена в стиле финского функционализма

наменты, украшающие фасады выборгских домов. Для меня финское наследство Выборга воплощено в скульптуре Юсси Мянтюнена «Лось», установленной в парке-эспланаде в 1928 году, и в находящейся неподалеку от нее городской библиотеке Алвара Аалто, выполненной в «органическом стиле» финского функционализма. В «Лосе» поражает тончайшее чувство природы, умение передать ее силу, мощь, красоту. В библиотеке Алвара Аалто больше архитектурных и дизайнерских находок, чем в ином квартале домов: волнообразный «акустический» потолок, огромные окна-иллюминаторы в потолке читального зала. Недаром это здание – единственный в городе памятник ЮНЕСКО.

Из крупных архитектурных памятников во время войны советские войска, отступая в 1941-м, успели взорвать как стратегический объект только вокзал, точная копия которого, по счастью, сохранилась в Хельсинки. Одновременно готовился масштабный подрыв города: более 300 домов было «заряжено» радиоуправляемыми фугасами. По счастью, финские радиоинженеры определили частоту подрывного сигнала. Оказалось, его прекрасно «глушит» одна песенка – «Саккиярвен полька». И вот эта полька звучала трое суток подряд: 1500 раз без перерыва. Этого времени саперам хватило, чтобы разминировать город. И сейчас я, внук своего деда, который сражался на войне с фашизмом, рад этому. Рад тому, что нашим не удалось взорвать город и что финские саперы успели. И Выборг остался цел. Тот Выборг, который мы сейчас так ценим и любим и по которому так хорошо прогуливаться, когда вечером улицы пустеют от туристов, занявших барные столики, а на улицы выходят тени выборгских легенд: ночные сторожа с колотушками, неукротимый пьяница Олаф и прославленный пивовар Антоний Борхард...

Однако в прогулках по Выборгу нельзя миновать жемчужину Монрепо – знаменитый пейзажный парк в романтическом стиле. И здесь дело даже не в пронзительности карельской природы, не в мощных гранитных выходах, которые, кажется, и окультурить-то невозможно – лишь темный финский лес может служить им подобающей декорацией. Просто Монрепо – это чудо. Александр II приезжал в Выборг специально для того, чтобы посмотреть Монрепо.

Чудом этим мы обязаны президенту Петербургской академии наук Людвигу Генриху Николаи, судьба которого сама по себе потрясающа. Он происходил из небогатой эльзасской семьи, прошел университетский курс, после чего уехал искать счастья в Париж. Но неожиданно нашел его в 1766 году в Вене в роли секретаря князя Дмитрия Голицына. Так началась его успешная российская карьера. В 1769 году, уже будучи в Петербурге, по прихоти Екатерины II Николаи стал наставником у наследника престола цесаревича Павла Петровича. Когда Павел I занял трон, Николаи стал одним из его фаворитов. Павел в 1796-м сделал его государственным секретарем и впоследствии президентом Петербургской академии наук, а также даровал ему титул барона. Женат барон Николаи был на Александре Симплиции де Броли, выпускнице Смольного института, внучке бежавшего в Россию от Французской революции генерал-фельдмаршала Виктора де Броли. Двое братьев де Броли погибли в войнах с Наполеоном, воюя на стороне русских. Огюст-Сезар пал под Аустерлицем, а Шарль-Франсуа – под Кульмом. Стела в память братьев де Броли установлена в имении барона Николаи Монрепо, которое Александр I пожаловал ему в вечное владение. Друг барона архитектор Мартинелли спланировал усадебный дом и библиотечный флигель. Удивительно, что в разное вре-

Парк Монрепо.
Капелла
Людвигсбург
на «Острове
мертвых»

мя в Монрепо работали такие звезды архитектурного дела, как Монферран, построивший Исаакиевский собор в Петербурге, и де Томон, создавший ансамбль стрелки Васильевского острова.

Герб Выборга
меняли
несколько раз.
Но в результате
он остался
прежним –
как в рыцарские
времена

Сын барона Николаи – Александр, был воспитанником Царскосельского лицея, долго служил на Кавказе по дипломатической части и тут познакомился с Софьей Чавчавадзе, дочерью русского генерала, старшая дочь которого, Нино, была женой Грибоедова... Так что если бы не трагическая гибель Грибоедова, тот прихотился бы Александру Николаи свояком.

Сейчас прах Софьи Чавчавадзе покоится в парке Монрепо на острове Людвигштайн, славящемся загадочным силуэтом капеллы Людвигсбург посреди семейного кладбища Николаи. Обязательно пройдите до парка Монрепо. Возможно, там вам вспомнятся пушкинские строки «На берегу пустынных волн...», возможно, вы в очередной раз изумитесь, какие узоры выплещает человеческая судьба...

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru